

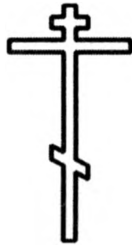

**Церковь святых мучеников
Александра и Антонины
в Селище в Костроме**

ЦЕРКОВЬ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АЛЕКСАНДРА И АНТОНИНЫ
В СЕЛИЩЕ В КОСТРОМЕ

**ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АЛЕКСАНДРА И АНТОНИНЫ
В СЕЛИЩЕ В КОСТРОМЕ**

К 230-летию возведения в камне
1779-2009 гг.

Н. А. Зонтиков

Кострома
2010

ББК 63.3(2Р34)

З-848

З-848 **Зонтиков Н. А.**

Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище
в Костроме. / Кострома : ДиАр, 2010. — 368 стр.

ISBN 978-5-93645-027-3

© Зонтиков Н. А., 2010 г.

© Александрo-Антониновский приход, г. Кострома, 2010 г.

© Костромская епархия, 2010 г.

© ООО «ДиАр», оформление, 2010 г.

9 785936 450273

ISBN 978-5-93645-027-3

ПОСЛАНИЕ АРХИЕПИСКОПА КОСТРОМСКОГО И ГАЛИЧСКОГО АЛЕКСАНДРА

по случаю престольного праздника и 230-летия
начала строительства церкви святых мучеников
Александра и Антонины Римских г. Костромы

Дорогие братья и сестры!

Сердечно поздравляю вас со знаменательным для нашего древнего града событием — престольным праздником и 230-летием закладки в камне церкви святых мучеников Александра и Антонины в Селище.

Селище — древний район нашего города — издавна был освящен присутствием православного храма. Впервые деревянная Александро-Антониновская церковь упоминается в исторических документах XVII века, однако есть основания полагать, что уже в начале XIV столетия на этом месте существовал храм или даже небольшой монастырь. По преданию, бережно сохраняемому многими поколениями костромичей, Александро-Антониновская церковь была возведена на средства некоего «именитого мужа» в честь рождения на этом месте его детей. Существует мнение, что строителем храма мог быть мурза Чет (в свя-

том крещении Захария), татарский вельможа, принявший Православие и основавший в Костроме Свято-Троицкий Ипатьевский мужской монастырь. Известно, что одного из сыновей Захарии, основоположника многих русских боярских фамилий, звали Александр.

В марте судьбоносного для России 1613 года Александрo-Антониновская церковь оказалась причастной к великому историческому событию — призыванию на всероссийский престол Михаила Феодоровича Романова. Участники великого посольства, прибывшего в Кострому с вестью об избрании юного боярина царем, перед тем как крестным ходом отправиться в Ипатьевский монастырь с усердием молились в селищенском храме за Божественной Литургией, которую совершал глава посольства — святитель Феодорит, архиепископ Рязанский и Муромский.

Каменный Александрo-Антониновский храм, 230-летие с начала возведения которого мы ныне празднуем, был построен в 1779-1786 годах. В новом храме, взамен издавна стоявших рядом с Александрo-Антониновской церковью двух деревянных храмов, были устроены два придела — во имя святого пророка Илии и великомученика Георгия Победоносца.

На рубеже XIX и XX веков храм в честь мучеников Александра и Антонины являлся одним из центров приходской жизни Костромы. При храме действовало Пантелеимоновское общество трезвости, членами которого в 1911 году значилось 120 человек.

В 1921-1934 годах, в один из самых скорбных и трагических периодов истории Русской Православной Церкви, священником, а впоследствии настоятелем Александрo-Антониновского храма, был протоиерей Павел Острогский, бесстрашный исповедник веры Христовой, принявший в годину «огненного искушения» (1 Петр. 4,12) страдальческую кончину от рук безбожников. В самый разгар богоборческих гонений отец Павел, по благословению управлявшего тогда Костромской епархией священномученика Никодима, архиепископа Костромского и Галичского, взял на себя немыслимый по тем временам труд. При Александрo-Антониновской церкви он открыл нелегальную кассу и собирал деньги для помощи ссыльным священникам и их семьям. В 1934 году с группой прихожан и проживавшим в Селище викарием Киевской митрополии епископом Уманским Макарием, причисленным к лику святых Юбилейным Архиерейским собором Русской Православной Церкви в 2000 году, протоиерей Павел Острогский, обвиненный в контрреволюционной деятельности, был арестован, сослан в Казахстан и в 1937 году расстрелян.

В тридцатые и последующие годы богоборческие власти неоднократно предпринимали попытки закрыть Александрo-Антониновскую церковь.

Однако усилиями боголюбивых прихожан, нескончаемым потоком приходивших под благодатные церковные своды, и особыми стараниями игумена Игнатия (Костина), служившего в Селище на протяжении четырех десятилетий, святыню удалось отстоять.

На протяжении 1977-2000 гг. настоятелем храма был приснопамятный протоиерей Борис Втюрин – мудрый и смиренный священнослужитель, за многолетнее и усердное служение Церкви Христовой снискавший уважение и искреннюю любовь костромичей.

Ныне храм во имя святых мучеников Александра и Антонины – один из духовных центров нашего древнего богохранимого града. Стараниями отца настоятеля протоиерея Игоря Шашкова, клира и прихожан Александро-Антониновской церкви возрождаются традиции религиозного просвещения и благотворительности. Храм является средоточием жизни большого и дружного прихода. При церкви действует воскресная школа, приход окормляет детский приют при областном реабилитационном центре.

В день юбилейного празднования вознесем свою молитву о блаженном упокоении создателей сего святого храма, священников и мирян, потрудившихся над его возведением и благоукрашением. В их память будем прилагать усилия для сохранения его благолепия, пусть, по слову псалмопевца и царя Давида, в храме Божием «все возвещает о славе Его» (Пс. 28,9).

Сегодняшнее юбилейное празднование знаменательно для Александро-Антониновской церкви еще тем, что вновь под ее своды, возрождая освященную веками и насильственно прерванную традицию, мы внесли великую чудотворную святыню Костромского края и всей Православной Руси – Феодоровскую икону Божией Матери. Припадая к Ее чудотворному лику мы молимся Препоблагословенной Богородице о благостоянии святых Божиих церквей, о утверждении веры Христовой в наших сердцах, о мире и благополучии многострадального Отечества.

Сердечно поздравляю отца настоятеля, клир и прихожан Александро-Антониновской церкви г. Костромы с престольным праздником и 230-летним юбилеем начала строительства храма, желаю с усердием нести дальнейшие труды на благо Святой Церкви и молитвенно призываю на вас благословение Божие.

АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ
Председатель Синодального отдела
по делам молодежи Московского Патриархата

**ОБРАЩЕНИЕ ГУБЕРНАТОРА
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
И. Н. СЛЮНЯЕВА**

Дорогие костромичи!

Уважаемые прихожане Александрo-Антониновской церкви!

Искренне радуюсь вместе с вами по случаю выхода книги, посвящённой 230-летию начала строительства в камне вашей приходской церкви.

На протяжении шести столетий в этих стенах многие поколения местных жителей воспитывались в духе православия.

Селищенский храм навсегда вписан в исторические события, 400-летие которых мы будем отмечать совсем скоро, в 2013 году. Именно из Селища, из деревянного храма — предшественника нынешней каменной Александрo-Антониновской церкви — двинулось 14 марта 1613 года по льду Волги в Ипатьевский монастырь Великое посольство Земского собора, прибывшее из Москвы затем, чтобы пригласить на царство нового государя — Михаила Фёдоровича Романова.

Судьба храма в первые послереволюционные десятилетия типична для того времени: гонения властей, преследования настоятелей, попытки закрытия.

К маю 1941 года Александро-Антониновский храм в Селище остался единственной действующей церковью Заволжского района Костромы. В ней никогда не прерывались традиции приходской жизни, не угасали огоньки свечей и лампад.

Сегодня церковь в Селище — одна из любимых и почитаемых у костромичей. Она, как и прежде, является духовным центром, вокруг которого объединены разные поколения, где бережно сохраняются и преумножаются традиции приходской жизни.

Не вызывает сомнения тот факт, что книга будет интересна всем жителям Костромского края, интересующимся его историей.

Губернатор Костромской области
И. Н. Слюняев

*Алекса́ндро-Анто́ниновский храм в бывшем селе Селище.
Вид с запада. Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

ВВЕДЕНИЕ

«Приближаясь по Волге от Ярославля к Костроме и вступив в последний волжский плёс, мы видим единственную в своём роде картину: в раме зеленых берегов, прямо по оси маршрута, на вершине холма поднимается белоснежный храм. Это — овеянное преданиями бывшее село Селище, церковь святых мучеников Александра и Антонины. Нетронутое новейшими постройками, село чарует гармоний природы и тем, что добавлено людьми. Слева — на противоположащем берегу поднимаются стены Ипатьевского монастыря с его золотыми главами. Селище, с его храмом-маяком, и древний Ипатий — своего рода торжественные Пропилеи, прекрасный Титульный лист к Книге, имя которой — Кострома».

*Л. С. Васильев,
архитектор-реставратор*

Вот уже свыше двух столетий каменный храм во имя святых мучеников Александра и Антонины на высоком холме над Волгой встречает всех, кто прибывает в Кострому по великой русской реке «сверху», со стороны Ярославля. Слева — златоглавые громады Ипатиевского монастыря и весь город, изогнутой дугой уходящий вдаль, справа — лесистые холмы, россыпи домов по их склонам и небольшой белый храм с изящной колокольней, словно вознесенный на бровке холма над всем этим простором неба, земли и воды... Среди храмов Костромы, строй которых понес в XX веке непоправимый урон, эта церковь замечательна уже тем, что принадлежит к числу всего лишь трех храмов города, которые избежали в советское время закрытия. В Александро-Антониновской церкви никогда не прекращалось богослужение, не гасли лампы перед образами, нетронутым осталось замечательное внутреннее убранство, уцелело старинное приходское кладбище.

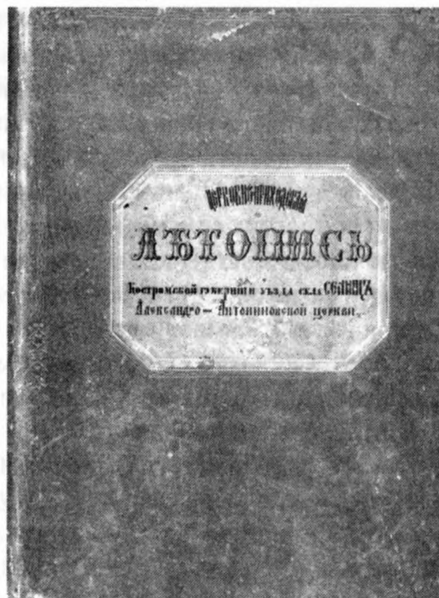
История этого бывшего приходского храма села Селище, в 30-е гг. XX века вошедшего в черту Костромы, уходит вглубь веков и связана со многими важными событиями в жизни Костромского края; самое знаменитое среди них — это провозглашение 14 марта 1613 года в Ипатиевском монастыре Михаила Феодоровича Романова новым российским государем, ведь именно в селищенском храме утром 14

марта члены прибывшего из Москвы Великого посольства Земского собора молились на Божественной литургии перед тем, как отправиться в Ипатиевский монастырь. В историю храма навсегда вписаны имена многих видных служителей Церкви и деятелей русской культуры XIX – начала XX веков. В XX столетии, в эпоху кровавых гонений на веру, в Александро-Антониновском храме совершал богослужения ряд новомучеников Российских, в их числе – священномученики Димитрий (Добросердов; 1865-1937 гг.), Архиепископ Костромской и Галичский (позднее – Архиепископ Можайский, викарий Московской епархии); Никодим (Кротков; 1868-1938 гг.), Архиепископ Костромской и Галичский; Макарий (Кармазин; 1875-1937 гг.), Епископ Днепропетровский и др. Особенно велика была роль этого храма в 40-80 гг. XX века, когда он остался единственной действующей церковью во всей Заволжской части Костромы с прилегающими к ней многочисленными селениями. В 90-е гг. XX века из Александро-Антониновской общины в Заволжье Костромы выделилось несколько новых приходских общин. 7 мая 1993 года во время своего пребывания в Костроме Александро-Антониновскую церковь впервые посетил Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Истории храма, которому в 2009 году исполняется 230 лет со дня закладки в камне, посвящается эта книга.

Строительство деревянного храма. Александров монастырь

Обстоятельства возникновения большинства церквей, как правило, неизвестны: в глубине веков обычно теряются и имена храмоздателей, и время строительства первого храма. Однако в случае с Александро-Антониновской церковью у нас, кажется, есть редкая возможность установить и то, и другое. Уникальной особенностью Александро-Антониновского храма является то, что в нём в период 1870-1917 гг. несколькими поколениями священнослужителей велась «Церковно-приходская летопись» (её полное название – «Церковно-приходская летопись Костромской губернии и уезда села Селищ Александровской церкви»), во многих отношениях действительно являющаяся подлинной летописью наиболее важных событий и жизни храма, и всего Селища. Подобные летописи в дореволюционное время велись в очень немногих храмах, еще меньше их уцелело к нашему времени; во всяком случае, в Ко-

*Церковно-приходская летопись Александро-Антониновской церкви
— уникальный источник сведений по истории храма и прихода*

стромской епархии селищенская «Церковно-приходская летопись» является единственной дошедшей до нас, к страницам её мы будем постоянно обращаться.

В начале «Летописи» говорится: «Само наименование церкви Александро-Антониновскою в селе Селищах, какого не носит ни одна из церквей всей России, заставляет предполагать, что был особенный случай, по которому устроена в селе (...) церковь во имя святых мучеников Александра и Антонины»¹. А дальше приводится и доныне бытующее в Селище предание об обстоятельствах появления здесь храма: «По устному преданию старожилов протекших годов старожилам настоящего времени, известно, что в старину (...) лицо именитое (...) с супругою своею, которая была беременна, проезжали Волгою, имение ли свое обозревать, или по другим причинам, — случилось только так, что на том месте (...) женщина (...) разрешилась от бремени двойнями: сыном и дочерью»². Новорожденные младенцы были наречены Александром и Антониною, «вероятно по причине привзошедшего осмого дня, — продолжает «Летопись», — в который даются имена новорожденным, в 10-й день июня месяца, в который

Православная Церковь празднует память святых мучеников Александра и Антонины. Тот же именитый муж в ознаменование благополучного разрешения от бремени супруги своей, дал обет Богу — устроить (...) храм во имя святых мучеников Александра и Антонины, во славу которых понесли на себе имена дети его»³.

Сомневаться в этом предании у нас нет никаких оснований, и, в первую очередь, в достоверности его убеждает само посвящение храма, являющееся, возможно, единственным в России — во имя святых мучеников Александра и Антонины Римских, христианских подвижников начала IV века н. э., чья память празднуется 10/23 июня. Но когда могло произойти это событие, завершившееся возведением в нынешнем Селище первого деревянного храма? Как кажется, у нас есть возможность определить это довольно точно. Когда во второй половине XIX века писалась «Летопись», уже давно забылось, что некогда в Селище существовал монастырь — один из древнейших в Костромском крае. Этот монастырь упоминается в духовной грамоте (завещании) великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты († 1340 г.), составленной накануне его кончины, около 1339 года. В числе того, что великий князь завещал своей супруге, княгине Ульяне, в частности, значится «и Олександр святой, что есмь купил на Костроме»⁴. Выражение «на Костроме» в старинных документах могло обозначать и — в городе Костроме, и — в Костромском крае. «Олександр святой» — так в ту эпоху могли назвать и храм, и монастырь*, но в данном случае речь, безусловно, идет о монастыре, так как храм не мог передаваться по завещанию. О том, что «Олександр святой» — монастырь, а не храм, свидетельствует и то, что в духовной грамоте Иван Калита завещает «святому Олександру себе в поминанье»⁵ три сельца.

Однако никаких Александровых монастырей в самой Костроме никогда не существовало. В Костромском крае имелась небольшая Александрова пустынь близ Солигалича, но она была основана преподобным Александром Вочским на рубеже XIV и XV веков и поэтому никак не могла быть упомянута в духовной грамоте Ивана Калиты от 1339 года (к тому же, относясь к территории Галичского княжества, она бы значилась не «на Костроме», а — «на Галиче»). Никаких других храмов, посвященных святому Александру (не считая несрав-

* Например, Ипатиевский монастырь в документах XV — XVI вв. обычно именуется «святой Ипатий», «святой Еупатий».

ненно более поздних, посвященных святому благоверному князю Александру Невскому, прославленному в лике святых в середине XVI века), ни в самой Костроме, ни во всем нашем крае, за исключением селищенского, нам неизвестно. Можно, правда, возразить, что в грамоте сказано «Олександр святой», а не «святые Александр и Антонина», но упоминание одного мученика Александра являлось в старину обычно практикой, например, в одном из документов 1653 года говорится: «Села Селищ Александровские попы (...)»⁶, а престольный праздник в селе и в прошлом, что многократно фиксируется костромскими газетами начала XX века, и в настоящее время, называется именно «Александров день». Таким образом, всё подводит нас к выводу, что упоминаемый в грамоте Ивана Калиты монастырь «Олександр святой» находился именно в Селище, и, что нынешний Александро-Антониновский храм является его преемником. (Известно, что в старину при упразднении по каким-либо причинам монастыря, его, как правило, обращали в приходской храм, посвященный тому святому или празднику, которому был посвящен монастырь.) Несомненно, что Александров монастырь являлся небольшой ктиторской* особножительной обителью, основанной неким знатным человеком в честь рождения его детей. То, что к 1339 году монастырь уже перешел от своих прежних владельцев к великому князю Московскому, позволяет отнести время его основания, как минимум, к концу XIII века.

Но кто мог быть этот «именитый муж», согласно «Летописи», основавший в Селище Александро-Антониновский храм, а точнее — монастырь? Возможно ли сейчас, спустя столько веков попытаться установить его личность, если нам известны лишь имена его детей — Александр и Антонина? Он не мог быть рядовым гражданином, так как основание монастыря, хотя бы и небольшого, во все времена являлось делом недешевым. Вряд ли он был и князем, так как в этом случае народная память, скорее всего, сохранила бы нам — в

* Ктиторский монастырь (от слова «ктитор», то есть строитель, создатель) основывался на средства ктитора (князя, боярина, церковного иерарха), который затем содержал его на свой счет, передавал по наследству и даже мог продать. Ктиторские монастыри особенно были распространены на Руси в XI-XIV вв.⁷ О том, что «Олександр святой» являлся ктиторской обителью, убедительнее всего свидетельствует то, что его купил великий князь Московский — ведь «обычные» монастыри, как известно, купле-продаже не подлежали.

виде устных преданий — факт основания обители кем-то из князей. Вероятнее всего, Александров монастырь основал боярин, причем, возможно, костромской (сомнительно, чтобы проживающий где-то далеко знатный человек отправился в дорогу с беременной женой). Логично предположить, что боярином был и его сын Александр. Нет ли в источниках упоминаний о костромском боярине Александре, жившем на рубеже XIII и XIV веков? Для этого времени нам известен лишь один костромской боярин с таким именем — боярин Александр Захарьевич Зерно, убитый в Костроме в 1304 году на вече во время «замятни», произошедшей во всей Северо-Восточной Руси в связи с борьбой за великое княжение князей Михаила Тверского и Юрия Московского⁸, и погребенный (рядом с отцом) в Ипатьевском монастыре. Конечно, у нас нет сведений о том, имелась ли у него сестра Антонина, но думается, что Александр Зерно, как никто, другой, может быть сопоставим с младенцем Александром, родившимся в Селище. Во-первых, по имени — в XIII веке, когда он родился, имя Александр не принадлежало к числу весьма распространенных, во-вторых, по хронологии: совершенно исключено, чтобы «Олександр святой» мог быть продан основателем монастыря или его сыном Александром, в честь рождения которого он, в первую очередь, и был построен; для того, чтобы к 1339 году монастырь стал собственностью великого князя необходимо, чтобы к этому времени они оба — и отец, и сын — уже ушли из жизни. Продать Александров монастырь Ивану Калите — вероятно, это произошло в 30-е гг. XIV века — могли уже только потомки убитого в 1304 году Александра Зерно.

Но имя отца боярина Александра Зерно очень хорошо известно, и, если допустить (конечно, это только предположение, хотя и имеющее большую степень вероятности), что родившийся в Селище младенец Александр и боярин Александр Зерно — одно и то же лицо, то получается, что основателем Александрова монастыря является сам мурза Чет (в святом крещении Захария), почитаемый как основатель Ипатьевского монастыря и предок знаменитых в русской истории родов Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых-Зерновых.

По-видимому, после 1339 года Александров монастырь просуществовал относительно недолго. Вероятно, уже к концу XIV века он мог быть упразднен и обращен в приходскую церковь, которая, перестраиваясь и обновляясь, дошла до нашего времени. Таким образом, нынешний Александров-Антониновский храм является преемником одного из древнейших монастырей Костромского края.

Храм в XVI-XVII веках

Вплоть до второй половины XVI века мы располагаем очень скудными сведениями по истории Селища и его церкви. По сообщению «Летописи», некогда на месте Селища существовало селение, называемое Мошениною слободой⁹. Не доверять этому местному преданию мы не можем, хотя в известных нам письменных источниках такая слобода не упоминается. С конца XVI века село уже именуется Селищем. Согласно В. И. Далю, термин «селище» имел в прошлом два основных значения: наши предки называли так или «уничтоженное, снесенное селение, остатки жилого места», или — «весьма большое село, слобода, где более одной церкви»¹⁰. В первом случае, можно предположить, что когда-то существовавшее здесь поселение (возможно — слобода, о которой говорится в «Летописи») исчезло, например, в результате татарского набега, а место, где оно существовало, стали называть «селищем»*. Через какое-то время селение возродилось, сохранив за собой наименование «Селище». Не противоречит этому и второй приводимый В. И. Далем вариант объяснения термина «селище»: в известный нам исторический период Селище всегда являлось «весьма большим селом», где имелось «более одной церкви». В московских источниках, описывающих пришествие в 1613 году в Кострому Великого посольства Земского собора, Селище именуется «Новоселками», отчего в краеведческой литературе, посвященной событиям 1613 года село нередко именуется так же. Встречается в литературе и название «Новое Селище». Однако в костромских по происхождению документах наименования «Новоселки» и «Новое Селище» не встречаются: село всегда называется только Селище. Возможно, что в московских источниках село названо неточно, или же в них до нас дошел один из вариантов его названия**.

Вплоть до начала XX века в именовании села преобладала нередкая в русском языке форма множественного числа в значении един-

* В русском языке целый ряд слов с окончанием на -ище означает места, в которых люди по каким-либо причинам больше не живут: селище — место, где было село; городище — место, где был город; деревнище — место, где была деревня; усадище — место, где была усадьба и т. д.

** В «Сказании» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, лично бывшего в Селище в составе Великого посольства Земского собора в марте 1613 года, оно называется «селище Новоселки именуемо»¹¹.

ственного* — Селищи (в Селищах, у Селищ и т. д.). В XX веке, в советское время, утвердилась форма именования в единственном числе — Селище.

Неизвестно, принадлежало ли Селище до середины XVI века кому-либо из бояр или дворян, или его жители относились к числу «черных» (государственных) крестьян, но во второй половине XVI века — предположительно в 70-е годы — Селище и прилегающие к нему деревни были пожалованы царем Иваном Грозным в вотчину князю и боярину Ивану Михайловичу Глинскому. По преданию, князья Глинские вели свое происхождение от знаменитого эмира Мамая, фактического правителя Золотой Орды в 60-70 гг. XIV века, разбитого русскими войсками в битве на Куликовом поле в 1380 году, чьи потомки выехали в Литву и перешли в православную веру. В 1508 году трое братьев Глинских, в том числе и дед будущего владельца Селища, Василий Львович Глинский, бежали из Литвы в Россию на службу к великому князю Московскому Василию Ивановичу. В России князья Глинские заняли высокое положение при великокняжеском дворе. В 1526 году дочь Василия Львовича, Елена Васильевна Глинская, стала второй женой бездетного в первом браке великого князя Василия Ивановича, через четыре года родившей ему долгожданного наследника — будущего царя Ивана Грозного. После смерти в 1533 году супруга Елена Васильевна вплоть до своей кончины в 1538 году являлась регентшей (правительницей) при малолетнем сыне Иване. Брат великой княгини, князь Михаил Васильевич Глинский († 1559 г.), играл очень важную роль в начальный период правления первого русского царя. Особое место при государевом дворе занимал и его сын Иван Михайлович Глинский, владелец Селища, племянник великой княгини Елены Васильевны и двоюродный брат Ивана Грозного. Его положение еще более упрочилось после женитьбы на дочери всесильного Малюты Скуратова. Этот брак сделал его не только зятем царского любимца, но и свояком будущего правителя и царя — Бориса Годунова, женатого на другой дочери Малюты Скуратова. После кончины в 1584 году Ивана Грозного, став при своем шурине царе Федоре Ивановиче правителем государства, Борис Годунов в 1585 году ввел князя И. М. Глинского в Боярскую думу. Последний, в свою очередь, после смерти в 1598 году бездетного царя Федора Ивановича помог Годунову взойти на царский престол¹².

* Это названия типа — Деревеньки, Горки и др.

Не подлежит сомнению, что именно благодаря князю Ивану Михайловичу Глинскому мы обязаны первому упоминанию в дошедших до нас документах церкви святых мучеников Александра и Антонины в Селище, где она значится в январе 1599 года как «новопостроенная»¹³ («новопостроенная», в данном случае, по-видимому, обозначает — построенная взамен старой, разобранный по ветхости, или сгоревшей при пожаре). Строителем нового храма в Селище, конечно, был князь И. М. Глинский (строительство церквей в вотчинах являлось, по сути, прямой обязанностью их владельцев). По данным 20-х гг. XVII века церковь являлась шатровой («древяна вверх»)¹⁴. Скорее всего, это был монументальный могучий храм, каких немало существовало на русском Севере еще в начале XX века. Храм был «летним», то есть он не отапливался, и в нем совершали богослужения только в теплое время года (из-за своих размеров шатровые храмы, как правило, являлись «холодными»). Но если имелся «летний» храм, то должен был быть и «зимний», то есть отапливаемый. По данным 20-х годов XVII века рядом с летним Александро-Антониновским храмом стоял небольшой («клетцки») зимний храм «страстотерпца Христова Егория» (святого великомученика Георгия Победоносца)¹⁵. В XVI-XVII вв. большинство приходских деревянных церквей состояло из двух храмов — летнего и зимнего, но в Селище на рубеже XVI и XVII вв. высылся ансамбль из трех деревянных храмов (что сразу заставляет вспомнить одно из объяснений термина «селище» как «весьма большое село, где более одной церкви»). Наряду с Александро-Антониновской и Георгиевской здесь находилась и третья церковь — во имя святого пророка Илии, про которую в писцовой книге 20-х годов XVII века сказано, что она «ветха, стоит без пения»¹⁶ (то есть к тому времени богослужение в ней уже не совершалось). Согласно «Летописи», с момента основания и вплоть до 80-х гг. XVIII века храмы в Селище стояли не на вершине холма, где ныне находится каменная Александро-Антониновская церковь, а у его подножия (где позднее была выстроена церковь во имя Василия Блаженного)¹⁷. Возле храмов находилось приходское кладбище; здесь же в 20-е гг. XVII века стояло семь келий для нищих, живших подаянием. Скорее всего, эти кельи существовали и на рубеже XVI и XVII веков.

Селище являлось центром большого прихода, в который входили десятки небольших окрестных деревень (в основном, скорее всего, относящихся к вотчине И. М. Глинского). Из-за величины прихода,

по крайней мере, уже в начале XVII века, причт церкви был двухклировым, то есть состоял из двух священников¹⁸.

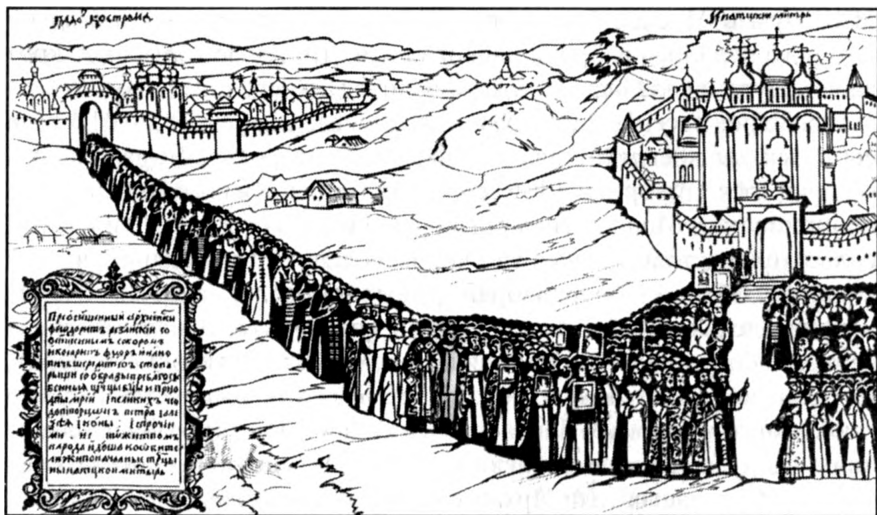
Неизвестно, бывал ли князь И. М. Глинский в своей костромской вотчине, но, вероятно, бывал (к тому же её центр — село Селище — находилось как раз напротив Ипатиевского монастыря, чьё значение после коронации в 1598 года Бориса Годунова необычайно выросло — ведь в его стенах покоились предки нового государя, включая его отца и мать, отчего Глинскому, как относящемуся к ближнему окружению царя Бориса Федоровича, был лишний повод посетить Кострому и Селище). К концу XVI века род Глинских пресекается: Иван Михайлович оказался последним князем Глинским. Страдая наследственной болезнью своего рода — «черным» или «падучим» недугом (эпилепсией), он скончался на рубеже XVI и XVII веков (точный год его смерти неизвестен). Из-за отсутствия наследников, как и было принято в таких случаях, после кончины И. М. Глинского селищенскую вотчину отписали на государя.

А вскоре началось Смутное время, чьи потрясения не обошли Селище стороной. В конце декабря 1608 года воевода самозванца Лжедмитрия II («тушинского вора») Александр Лисовский захватил Кострому, поддерживавшую царя Василия Ивановича Шуйского, и подверг её разгрому. Однако, едва Лисовский ушел, восстание против тушинцев вспыхнуло вновь. В марте 1609 года ополчение ряда северных городов (Галича, Соли Галицкой, Тотьмы, Великого Устюга) освободило Кострому, при этом разбитые тушинцы и поляки укрылись в Ипатиевском монастыре, представлявшем для того времени первоклассную крепость. Ополченцы начали осаду монастыря. Узнав об этом, Лисовский от Юрьевца, по правому берегу Волги, подвергнув по дороге разгрому Кинешму, устремился к Костроме, на помощь осажденным в Ипатии. В первых числах июня 1609 года его полуторатысячный отряд вошел в Селище и встал здесь лагерем. Лисовский разослал казаков по берегу Волги искать лодки для переправки к Ипатиевскому монастырю, но, не найдя их, вынужден был уйти из Селища на помощь к полякам и тушинцам, осаждавшим одну из главных святынь России — Троице-Сергиев монастырь, разгромив по дороге Нерехту и Троице-Сыпанов монастырь...¹⁹

В марте 1613 года церковь в Селище оказалась причастной к историческому событию, имевшему всероссийское значение. Как известно, после великой победы ополчения Минина и Пожарского, освободившего от иноземных захватчиков столицу России, в январе

1613 года в Москве был созван Земский собор, основной задачей которого являлось избрание нового царя, что после долгих лет кровавой смуты и безвластия знаменовало бы собой окончательное восстановление российской государственности. 21 февраля 1613 года собор избрал новым государем Михаила Феодоровича Романова, находившегося в то время в Костроме. Для официального извещения и приглашения в Москву к нему было направлено особое «Великое посольство», состоявшее из «всех чинов людей», принимавших участие в работе собора — бояр, дворян, стрелецких голов, казачьих атаманов, посадских людей, представителей духовенства. Возглавляли посольство боярин Федор Иванович Шереметев и святитель Феодорит, Архиепископ Рязанский и Муромский. В состав посольства входили также князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский, окольный Федор Васильевич Головин и целый ряд видных представителей духовенства: настоятели Архангельского и Благовещенского соборов Московского Кремля, настоятели ряда московских монастырей (Чудова — архимандрит Авраамий, Новоспасского — архимандрит Иосиф*, Симонова — архимандрит Павел), келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, настоятель храма Николы Зарайского из г. Зарайска протопоп Димитрий Леонтьев (сподвижник князя Д. М. Пожарского в период его воеводства в Зарайске), протопоп Спасо-Преображенского собора Нижнего Новгорода Савва Ефи-

* В связи с архимандритом Иосифом, настоятелем Новоспасского монастыря, в котором находилось родовое кладбище Романовых «доцарского» периода, позволим себе высказать предположение — не были это будущий Патриарх Московский и всея Руси Иосиф, Предстоятель Русской Православной Церкви в 1642-1652 гг.? К сожалению, биография Патриарха Иосифа до 1642 года, когда из нескольких кандидатов по жребию новым Предстоятелем Церкви стал архимандрит Иосиф, настоятель Симонова монастыря, почти не известна. Архимандрит Иосиф стал настоятелем Новоспасского монастыря незадолго до 1613 года (еще в 1612 году в этой обители настоятельствовал архимандрит Кирилл), что позволяет предположить относительно молодость Иосифа. Уже в 1623 году взамен архимандрита Павла настоятелем Симонова был архимандрит Иосиф, будущий Патриарх²⁰. Можно предположить, что в конце 10-х годов архимандрита Иосифа назначили настоятелем Симонова монастыря, где он и прослужил до 1642 года. Следовательно, с немалой долей уверенности можно полагать, что в составе посольства, прибывшего в Селище вечером 13 марта, находился и будущий, пятый по счету, Патриарх Русской Церкви.

14 марта 1613 года. Шествие Великого посольства и костромичей в Ипатьевский монастырь.

Рисунок из книги «Избрание на царство Михаила Федоровича». 1672-1673 гг.

мьев (ближайший помощник Кузьмы Минина по организации нижегородского ополчения) и др.

Выехав из Москвы 2 марта, вечером 13 марта посольство по Нагорной дороге от Ярославля прибыло в Селище. Отсюда за скованной льдом Волгой виднелась конечная цель путешествия — Ипатьевский монастырь, где в то время находился Михаил Федорович Романов. В Селище посланцев Земского собора встречали представители костромских властей во главе с воеводой князем Р. И. Гагариным, назначенным на эту должность в марте 1612 года одним из вождей народного ополчения князем Д. М. Пожарским, «со множеством народа». Поскольку уже было поздно, руководители посольства, посоветовавшись с воеводой и, по-видимому, встретившись с матерью Михаила Федоровича инокиней Марфой Ивановной, решили назначить церемонию наречения на следующий день — воскресенье 14 марта.

Вместе с посольством из Москвы прибыло несколько святынь — чудотворная Владимирская икона Божией Матери, написанная в начале XIV века святителем Петром, Митрополитом Московским и всея Руси (отчего эту икону, с XIV века находившуюся в Успенском соборе Московского Кремля, обычно именуют Петровской), и образ святы-

*Святитель Феодорит, Архиепископ Рязанский и Муромский.
Современная икона*

телей Московских Петра, Алексия и Ионы. При поездках со святыми иконами, последние на ночь положено вносить в храм. Несомненно, что московские святыни духовными членами посольства были внесены в зимний Егорьевский храм Селища, где они и пребывали в ночь с 13 на 14 марта (думается, что всю эту ночь пред образами горели свечи и молились жители Селища, Костромы и окрестных деревень). Члены посольства заночевали в Селище, разместившись по избам.

Следующий день, 14 марта 1613 года, было воскресенье (или — «неделя», как называли его в старину), по церковному календарю на этот день приходилась Неделя 1-я Великого поста, именуемая также Неделей торжества Православия. Утром 14 марта все участники Великого посольства во главе с боярином Ф. И. Шереметевым присутствовали на Божественной литургии, которую в сослужении с другими священнослужителями, членами посольства и селищенским причтом (настоятелем церкви в это время предположительно был упоминаемый в 20-е гг. XVII века священник Ермолай Леонтьев²¹) совершил

святитель Феодорит*. После ее окончания члены посольства с московскими святынями, вместе с многочисленными жителями Селища и окрестных селений, двинулись по льду через Волгу к Ипатьевскому монастырю. Под колокольный звон всех храмов Костромы на устье реки Костромки шествие из Селища слилось с шествием горожан, идущим из Костромского Кремля с главной святыней Костромы — чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери... Некоторое время спустя, в Троицком соборе Ипатьевского монастыря сын находящегося в польском плену Митрополита Филарета (позднее — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси) юный Михаил Феодорович Романов был провозглашен новым российским государем. Так, в стенах Ипатия в «величественной драме» Смутного времени (выражение А. С. Пушкина) окончательно ставилась точка.

Несомненно, что вместе с Великим посольством в шествии через Волгу принял участие и причт Александрo-Антониновской церкви с храмовыми иконами и хоругвями. События 13-14 марта 1613 года навсегда вписали Селище и его церковь в одно из важнейших событий отечественной истории.

Избрание русского царя, разумеется, не означало окончания войны с Речью Посполитой, продолжавшейся еще несколько лет. Самый тяжелый ее момент наступил, когда в сентябре 1618 года польские войска во главе с королевичем Владиславом подошли к Москве и осадили её. Осада Москвы, в ходе которой не раз казалось, что защитники столицы не выдержат и все жертвы и победы 1612-1613 гг. пойдут прахом, завершилась тем, что 1 декабря 1618 года измотанные противники заключили на 14 с половиной лет перемирие, давшее России долгожданную передышку. На завершающем этапе войны Селище и его округа — бывшая вотчина князя И. М. Глинского — пошли «в раздачу» на поместья и вотчины дворянам, в основном отличившимся при отражении польского нашествия на Москву в 1618 году. В 1617 г. часть Селища («жеребей») была пожалован Василию Владимировичу Поливанову²³ (его потомки владели ею вплоть до первой половины XIX века и участвовали в строительстве каменного Александрo-Антониновского храма). В 1619 году царь Михаил Фео-

* Святитель Феодорит, Архиепископ Рязанский и Муромский, скончался в 1617 году в г. Переяславле-Рязанском (ныне — г. Рязань), где и был погребен. 12 января 1987 года святитель Феодорит был прославлен в лике святых. Память его празднуется в Соборе Рязанских святых 10/23 июня и в день кончины — 10/23 сентября²². В 2004 году имя святителя Феодорита включено в Собор Костромских святых.

дорович «за московское осадное сиденье в королевичев приход» пожаловал частью Селища и несколькими деревнями (Коряково и др.) в вотчину Дмитрию Кирилловичу Клементьеву²⁴. В 1620 году за то же «осадное сиденье» другая часть Селища и ряд окрестных деревень (в том числе и «Пантусово, Панково тож») были пожалованы Тихону Ивановичу Мошкову²⁵ (его потомство владело частью села вплоть до начала XIX века). В 1639 году стольник (позднее — боярин) Глеб Иванович Морозов «променял полюбовно» у В. Т. Мошкова часть селищенского поместья²⁶. После кончины в 1662 году Глеба Ивановича эту часть Селища унаследовал его сын Иван, но до совершеннолетия последнего управительницей поместья являлась его мать, боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова, владелица соседнего села Городище, позднее — одна из виднейших деятельниц раннего периода церковного раскола, скончавшаяся в заточении в 1675 году. В январе 1672 года после ранней кончины И. Г. Морозова (сына мятежной боярыни) его «жеребей села Селищ», как не имеющий наследников, был отписан на государя²⁷.

Имена священников Александро-Антониновской церкви в Селище известны нам с конца 20-х гг. XVII века. В это время здесь служили священники Ермолай Леонтьев и Степан (Стефан) Юрьев²⁸ (как уже писалось, настоятелем, скорее всего, являлся упоминаемый первым о. Ермолай). В XVII веке в Селище служил целый ряд настоятелей церкви, но самым известным среди них стал священник Иван (Иоанн), впервые упоминаемый в 1644 году²⁹. К сожалению, известность этого священника сомнительна и связана с одним из драматических событий, возвещавшем о приближающейся трагедии раскола Церкви и всего русского общества.

События эти, взбудоражившие в середине XVII века Кострому, стали следствием деятельности прибывшего из Москвы в конце 40-х годов нового настоятеля Успенского собора в Костромском Кремле протопопа Даниила, бывшего члена влиятельного московского кружка ревнителей благочестия, возглавляемого духовником молодого царя Алексея Михайловича протопопом Стефаном Вонифатьевым. Участники кружка выступали против нарушений богослужебного чина, за введение церковных проповедей, за повышение нравственного уровня духовенства. В этом кружке Даниил сблизился с будущим вождем старообрядчества протопопом Аввакумом. В Костроме новый настоятель собора активно взялся за претворение в жизнь идеалов ревнителей благочестия. Правда, он пытался бороться с общественными пороками чрезмерно круто и поспешно, не считаясь

с устоявшимися обычаями. В 1652 году во время масленицы и великого поста по настоянию Даниила в Костроме были закрыты все кабаки, что вызвало сильное недовольство протопопом у значительной части горожан и жителей окрестных селений. Суровые меры Даниила вызвали к нему неприязнь и со стороны главы местной администрации, воеводы Ю. М. Аксакова. Зревшее давно недовольство суровым настоятелем собора, в конце концов привело к взрыву, грянувшему в конце мая 1652 года.

По распоряжению протопopa Даниила, время от времени под замок в палату под собором сажали — «в смиренность» — нарушителей общественного порядка (в основном, пьяных). Накануне 28 мая Даниил отправил туда же троих очередных нарушителей, бывших, по-видимому, жителями Селища. Этот случай оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения противников протопopa. 28 мая 1652 года в Кремль пришла большая толпа крестьян из Селища и других окрестных селений, во главе которой стоял настоятель Александро-Антониновской церкви священник Иван (во время следовавшего затем следствия ряд свидетелей называл о. Ивана «бражником», на основании чего историки полагают, что селищенский священник имел личные счеты к протопопу Даниилу, так как тот наверняка и его обличал в склонности к выпивке³⁰). Толпа, в которой было много пьяных, сбив замок, освободила из палаты под собором троих задержанных. Мятежники избили нескольких сторонников протопopa. Толпа искала и самого Даниила (свидетели позже показывали, что «безчинники (...) протопopa Даниилу хотели убить до смерти»³¹). Спасая свою жизнь, он сперва скрылся в соборе, а затем два дня укрывался в находящемся в Кремле Крестовоздвиженском монастыре. Характерно, что во время бесчинств, совершаемых толпой, воевода Ю. М. Аксаков, воеводский двор которого находилась вблизи от Успенского собора, видел всё происходящее, но не принял никаких мер к восстановлению порядка, что обычно объясняют его неприязнью к Даниилу. В первых числах июня Даниил покинул Кострому и отправился в Москву*.

* В июле того же 1652 года новым Патриархом Московским и всея Руси стал бывший Митрополит Новгородский Никон, начавший вскоре свое знаменитое исправление церковных книг и обрядов. Протопоп Даниил активно выступил против никоновских нововведений, в результате чего летом 1653 года он был арестован, сослан в Астрахань, где вскоре и скончался заточенный в земляную тюрьму.

О судьбе селищенского священника о. Ивана, возглавившего выступление против соборного протопопа, после 1652 года нам ничего неизвестно. Разумеется, за своё участие в подобном событии он должен был понести какое-то суровое наказание, но в свете последующих трагических обстоятельств церковного раскола и превращения протопопа Даниила в одиозную фигуру, дело, скорее всего, замаяли. К личности самого о. Ивана и к возглавленному им выступлению против одного из будущих видных деятелей старообрядчества, можно относиться по-разному. В любом случае, костромские события 1652 года и роль, сыгранная в них селищенским священником, вошли в отечественную историю XVII столетия, о них упоминают все труды, посвященные раннему периоду раскола Русской Православной Церкви.

С первой половины XVII века на жизнь Александро-Антониновского прихода заметное влияние стал оказывать Богородицко-Игрицкий монастырь, основанный в 1624 году посадскими людьми города Костромы на месте бывшего погоста Николы Великорецкого в «Игрицах» в 15 верстах к югу от города. В период XVII — начала XX веков этот монастырь являлся одним из наиболее почитаемых в Костромском крае. Жители прилегающих к обители селений Александро-Антониновского прихода ходили туда на богомолье и поклонение её главной святыне — чудотворной Смоленской-Игрицкой иконе Божией Матери. По-видимому, уже во второй половине XVII века возникла традиция ежегодного принесения чудотворного образа в Селище и другие селения прихода. Когда именно возник этот обычай неизвестно. В Кострому Смоленскую-Игрицкую икону Божией Матери приносили с 1792 года³², но в прилегающую к монастырю округу, в том числе и в Селище, святыню стали носить, конечно, гораздо раньше. К 1870 году, когда обычай принесения иконы жителями Александро-Антониновского прихода фиксируется в «Церковно-приходской летописи», он уже упоминается как существующий с незапамятных времен³³. Ежегодно в летнее время чудотворный образ носили по всем домам Селища и по домам приходских деревень. На ночь его обычно оставляли в Александро-Антониновской церкви. Эта традиция просуществовала несколько столетий — вплоть до 20-х годов XX века.

Храм в XVIII веке

По истории села Селища и его церкви в XVIII веке мы располагаем сведениями только со второй половины этого столетия. Как

именно отразилось на жителях Селища — крестьянах, помещиках, священнослужителях — бурное время петровских преобразований с его бесконечными войнами, мобилизациями и поборами, мы можем только предполагать.

В 1777 году в России проводилось так называемое генеральное межевание (своего рода экономическая перепись), в «Экономическом описании» которого по Костромскому уезду сохранились важнейшие сведения о тогдашнем Селище. В 1777 году в селе, располагавшемся при столбовой дороге, ведущей из Костромы в Ростов Великий (именно по ней в 1613 году прибыло Великое посольство Земского собора) находилось 68 дворов, в которых проживало 360 душ крестьян обоего пола. О занятиях селищенских жителей в «Экономическом описании» сказано: «Крестьяне села Селище, кроме хлебопашества, занимаются по большей части сапожным промыслом и рыбною ловлею, а также зимою в извозе, а летом ходят на барках и стругах, а некоторые работают на костромских полотняных фабриках. Все крестьяне состоят на господском изделье, землю пашут на своих господ и частью на себя. Хлеб лучше всего родится рожь и пшеница, яровые хуже, а сенокосы очень хороши, против других мест лучше (...). Женщины того села, кроме своих полевых и огородных работ, упражняются в рукоделье, прядут лен и шерсть и ткут холсты и сукна, как для себя, так и на продажу»³⁴. На впадающей у села в Волгу речке Ключевке в конце XVIII века стояла водяная мельница* «об одном поставе», принадлежавшая владельцу соседнего села Городище Я. Л. Хитрово. Она работала почти круглогодично — «в зимнее и летнее время, до разлива реки Волги»³⁵.

В 1777 году в Селище находилось четыре усадьбы. К сожалению, фамилии их владельцев в «Экономическом описании» не указываются. По другим источникам можно установить, что владельцами двух из них были господа Поливановы и Каблуковы. Кто владел другими двумя, сказать трудно. Согласно А.А.Григорову, в 70-80 гг. XVIII века одним из владельцев Селища являлся известный екатерининский вельможа — граф Роман Илларионович Воронцов († 1783 г.), генерал-аншеф, сенатор, в начале 80-х гг. бывший Владимирским и Костромским генерал-губернатором³⁶. Не принадлежала ли ему одна из этих усадеб?

В 1777 году в центре Селища стояли два деревянных храма — «летний» Александро-Антониновский (скорее всего, это был шатровый

* Мельница на Ключевке существовала вплоть до 30-х гг. XX века.

храм, возведенный еще в конце XVI века князем И. М. Глинским) и — рядом с ним — «зимний» Георгиевский «с приделом во имя пророка Илии и блаженного Василия»³⁷. По-видимому, Георгиевский храм с 20-х гг. XVII века перестраивался, и возможно, неоднократно, о чем свидетельствует появление Ильинско-Васильевского придела. Как мы помним, на рубеже XVI и XVII веков в Селище наряду с Александро-Антониновской и Георгиевской церквями имелась и третья — Ильинская, о которой в 20-е гг. XVII века указывалось, что она «ветха, стоит без пения», после чего упоминания о ней исчезают. Логично предположить, что, вероятно, уже в первой половине XVII века Ильинский храм по ветхости разобрали, а престол во имя святого пророка Илии перенесли в Георгиевский храм, где и был устроен Ильинский придел. Но когда и при каких обстоятельствах этот придел получил дополнительное посвящение во имя блаженного Василия — знаменитого московского юродивого, жившего в царствование Ивана Грозного, в честь которого в 20-е гг. XIX века в Селище будет возведен каменный храм? По сообщению «Летописи», каменный храм Василия Блаженного в Селище был построен «во исполнение заветного обещания»³⁸ местного помещика, отставного гвардии поручика Василия Даниловича Каблукова, внуком последнего — отставным полковником Василием Николаевичем Мягковым. По-видимому, дополнительное посвящение придела Георгиевского храма во имя блаженного Василия появилось в 70-е гг. XVIII века, скорее всего, по обету, данному В. Д. Каблуковым.

В XVIII столетии Александро-Антониновская церковь оставалась приходским храмом для весьма крупного прихода: в 1744 году в нем числилось 206 дворов³⁹. У нас нет точных сведений о том, какие именно окрестные деревни в XVIII веке входили в состав прихода; наиболее ранними данными на этот счет мы располагаем только на 1870 год, но, скорее всего, приводимый ниже список деревень на этот год соответствует (за вычетом или добавлением одного-двух селений) составу прихода и в XVIII столетии. Итак, в 1870 году в приход наряду с Селищем входило 14 деревень, максимально удаленных от храма на 10-13 верст: Пантусово, Козелино, Коряково, Дербино, Будихино, Захарово, Зарубино, Палкино, Пепелино, Окульцево, Ременниково, Емельянка, Стариково и Самычево⁴⁰.

Вторая половина XVIII являлась временем повсеместной — и в городах, и в селах — замены деревянных храмов на каменные. В 70-е гг. XVIII века из всех правобережных сел и слобод, находя-

щихся напротив Костромы, старые деревянные храмы сохранились только в Селище*. К концу 70-х годов очередь возведения каменной церкви дошла и до него.

1779-1786 годы.

Возведение каменного храма

В конце 70-х гг. XVIII века в Селище было решено возвести каменную церковь. Согласно «Летописи» основными жертвователями на её строительство стали местные помещики: отставной генерал-майор Александр Филиппович Мошков, отставной гвардии поручик Василий Данилович Каблуков и «вдова-дворянка» Прасковья Степановна Поливанова⁴¹. Похоже, что главной фигурой среди них был генерал А. Ф. Мошков, владевший усадьбой в Малышкове. По сообщению «Летописи», он сам составил и «план на устройство храма»⁴² (вряд ли это выражение надо понимать в том смысле, что генерал Мошков является автором проекта постройки каменного храма: вероятнее всего, речь идет о том, что он выбрал место закладки и предписал строителям основные пропорции церкви). Причины, побудившие прихожан-помещиков возвести каменную церковь взамен деревянных храмов, скорее всего, были теми, что и везде: во-первых, к 70-м гг. XVIII века деревянные храмы вероятно уже сильно обветшали, во-вторых, деревянный храм с горящими в нем свечами и лампадами всегда являлся — особенно летом — пожароопасным объектом**.

Из троих храмоздателей нам немного известно только о первых двух. В. Д. Каблуков родился в 1734 году (где именно — неизвестно) и уже в 1748 году был записан в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1762 году его производят в чин поручика (судя по году, можно предположить, что очередное офицерское звание он получил за участие в перевороте 1762 года, возведшем на престол императрицу Екатерину II; как известно, Семеновский полк сыграл в этом событии важную роль). По-видимому, уже в 60-е годы В. Д. Каблуков вышел в отставку и поселился в усадьбе Новлян-

* В селе Городище и в Спасской слободе каменные храмы возвели еще в XVII веке. В 1773 году в Никольской слободе был освящен построенный взамен деревянного каменный Никольский храм.

** Вспомним новейший пример, когда 4 сентября 2002 года в Ипатиевском монастыре сгорела деревянная Преображенская церковь из с. Спас-Вёжи (Спас), в результате чего пожар едва не охватил весь монастырь.

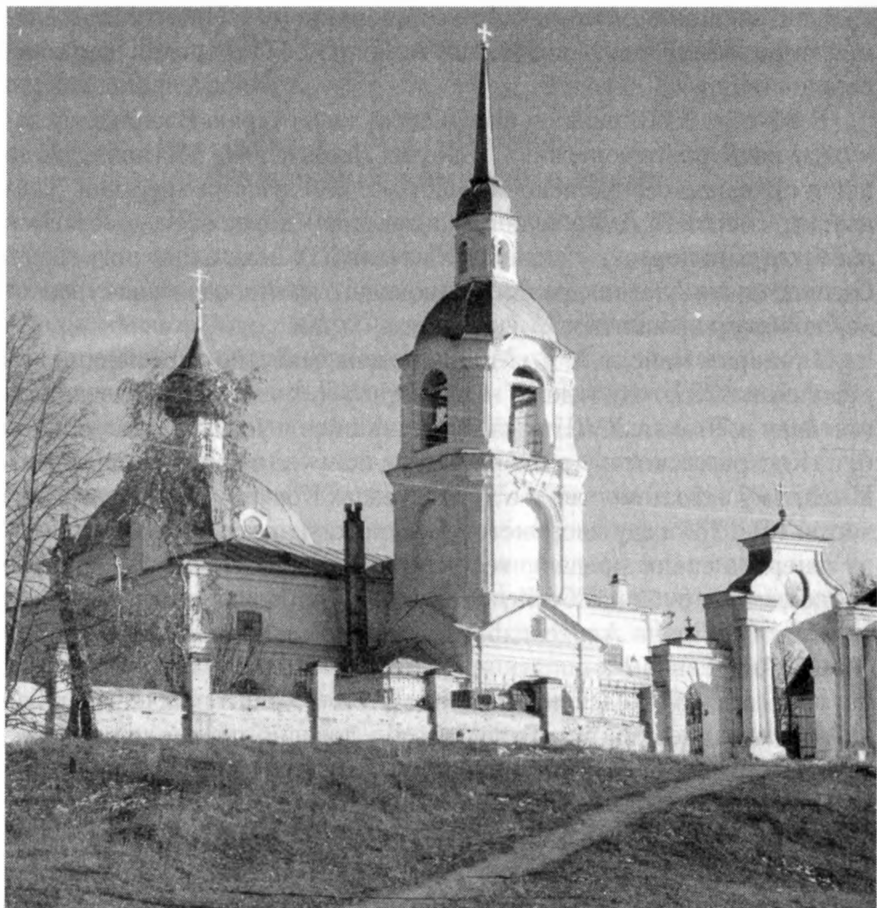
ское в Кинешемском уезде*. Его «попечением» в Новлянском взамен деревянной была возведена каменная Покровская церковь, освященная в 1806 году⁴³.

В 80-е гг. XVIII века он выдал свою дочь Марию Васильевну замуж за надворного советника Николая Леонтьевича Мягкова, дав за ней в приданое селищенское поместье с 630 душами крестьян. Точный год смерти В. Д. Каблукова неизвестен; скорее всего, отставной лейб-гвардии поручик скончался в начале XIX века и был погребен в Селище возле Александро-Антониновского храма, одним из строителей которого он являлся⁴⁴.

О генерал-майоре А. Ф. Мошкове нам известно еще меньше: он родился в 1721 году (где — неизвестно) и, по-видимому, вышел в отставку в 70-е гг. XVIII века, поселившись в усадьбе Малышково близ Костромы, которую, скорее всего, получил в приданое за женой. Имелись у него поместья и в других уездах Костромского наместничества. В 1787 году дворянство Буйского уезда избрало отставного генерала своим предводителем. Вероятнее всего, А. Ф. Мошков скончался на рубеже XVIII и XIX веков, но место его погребения неизвестно. Вдова Александра Филипповича, «генерал-майорша» Мария Андреевна Мошкова, урожденная Павлова (1756-1832 гг.), погребена на приходском кладбище у стен Христорожественской (Ильинской) церкви в с. Городище⁴⁵ и логично предположить, что там же похоронен и её скончавшийся раньше супруг, но сведений об этом не сохранилось.

Каменную церковь было решено построить на новом месте — на вершине холма, у подножия которого, как мы помним, стояли древние деревянные храмы. В один из дней 1779 года (точная дата неизвестна, но, вероятнее всего, это произошло весной или летом) по благословению правящего архиерея — Епископа Костромского и Галичского Павла (Зернова) на бровке холма состоялась торжественная закладка церкви. Кто совершил чин закладки, неизвестно, но можно предположить, что храм заложил тогдашний наместник Ипатьевского монастыря. Работа по возведению каменного храма продолжалась семь лет, из которых года три-четыре вероятно ушло на выполнение кладки и два-три — на внутреннюю отделку (устройство трех иконостасов, росписи стен и т. д.). Кто непосредственно руководил строительством — подрядчик со стороны, или кто-то из крепостных

* Ныне — это территория Заволжского района Ивановской области.

*Алекса́ндро-Анто́ниновский храм. Вид с северо-востока.
На переднем плане — Свя́тые врата. Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

помещиков-храмоздателей, нам неизвестно. Кирпичи для строительства храма изготовлялись здесь же в селе*.

* В 1975 году на левом берегу р. Ключевки при впадении её в Волгу были обнаружены и археологически исследованы остатки печи для обжига кирпича — некогда большого сооружения в четыре метра в длину и пять в ширину, сохранившегося в высоту до 1,2 метра от основания. Руководитель раскопок М. Ю. Кузнецова пишет: «Печь для обжига кирпича вероятнее всего датировать концом XVIII в. и связывать со строительством в с. Селище каменной церкви великомучеников Александра и Антонины (1786 г.)»⁴⁶

*Александрo-Антониновский храм. Вид с юга.
Фото Г. П. Белякова. 1998 г.*

Пока на вершине холма воздвигалась каменная церковь, богослужения по-прежнему совершались в деревянных храмах у его подножия. И вот настал день, когда в деревянном Александрo-Антониновском храме службу совершили в последний раз... Иконы, богослужебные книги, предметы утвари стали переносить в каменную церковь. В новый храм были перенесены все три храмовых престола: в холодном четверике — во имя святых мучеников Александра и Антонины, в теплой трапезной: левый — во имя святого пророка Илии, правый — во имя святого великомученика Георгия Победоносца (неизвестно, перешел ли в каменный храм престол во имя Василия Блаженного; согласно традиции, он должен был перейти и сюда, но, по-видимому, этого не произошло: похоже, что уже в то время предполагалось возведение отдельно стоящего Васильевско-го храма).

Наконец, в 1786 году состоялось торжественное освящение нового Александрo-Антониновского храма, прошедшее, конечно с участием соседних церковных причтов села Городища, Спасской и Никольских слобод, при массовом стечении местных жителей. К сожалению,

*Ворота северной стороны ограды.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

«Летопись» не сообщает нам ни точной даты освящения, ни того, кем оно было совершено. Впрочем, логично предположить, что освящение могло состояться накануне одного из трех престольных праздников — 6 мая, 10 июня или 2 августа; можно также уверенно полагать, что новый каменный храм в селе, находящемся напротив резиденции костромских архиереев — Ипатьевского монастыря — освятил сам тогдашний владыка, Епископ Костромской и Галичский Павел (Зернов).

Вероятно, вскоре после освящения каменной церкви стоявшие у подножия холма деревянные храмы были разобраны. Около двухсот лет господствовавший в пейзаже Селища силуэт шатрового Александрo-Антониновского храма, исконно русский, пропитанный духом старой московской Руси, исчез, уступив место своему преемнику, храму новейшего, екатерининского времени. На месте деревянных храмов через три с лишним десятилетия была возведена

*Одна из калиток северной стороны ограды.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

каменная церковь во имя Василия Блаженного. Находившееся здесь старинное приходское кладбище, вероятно, просуществовало еще несколько десятилетий, но постепенно исчезло и оно (при каменном храме появилось новое приходское кладбище).

Освященная в 1786 году Александрo-Антониновская церковь представляла собой традиционный для своего времени сельский храм, состоящий из собственно храма типа «восьмерик на четверике», увенчанного одной главой, трапезной и трехъярусной колокольни с невысоким шпилем. Храм украшал скромный сдержанный декор (наличники окон, пилястры), выдержанный в стиле позднего барокко. Необходимо отметить, что первоначально Александрo-Антониновский храм в целом был гораздо стройнее и изящнее, чем сейчас: в 70-е гг. XIX века после перестройки и увеличения трапезной церковь стала более грузной. Как и обычно, четверик храма был холодным, неотапливаемым — в нем служили летом, а трапезная с её двумя приделами отапливалась (здесь находилось две печи), и в ней богослужения совершались в холодное время года. С 80-х гг. XVIII века белый храм на вершине холма, издалика видный и с Волги и с окружающих село равнин, стал главным украшением Селища.

В начале XIX века вокруг церкви и устроенного рядом с ней кладбища была возведена каменная ограда, представляющая собой довольно внушительное сооружение с тремя воротами, несколькими калитками и небольшой часовней. Главным украшением ограды являются западные трехарочные ворота. Выдержанные в стиле раннего классицизма, с двумя парами колонн, обрамляющих центральный проём, и венчающим его криволинейным изящным аттиком, они воспринимаются как монументальная, хотя и небольшая Триумфальная арка. При взгляде снизу — от подножия холма, от Волги — ворота сливаются с храмом и колокольней в единое целое. Южные ворота, выходящие к бывшей столбовой дороге, гораздо скромнее по архитектуре. В юго-восточной части ограды строители встроили в неё небольшую восьмигранную часовню (к сожалению, её посвящение нам неизвестно).

Когда была построена ограда, точно неизвестно. По мнению архитектора Л. С. Васильева, ограда и ворота возведены в первое десятилетие XIX века, в период, предшествующий Отечественной войне 1812 года. Имя строившего её архитектора нам неизвестно. Сооружена ограда, конечно, на средства местных помещиков — Поливановых и Мягковых. Её возведение в основном завершило создание в Селище каменного церковного ансамбля.

Каменная ограда заключила в себя новое приходское кладбище, возникшее у стен храма. С конца XVIII-го и до середины XX века оно являлось основным местом упокоения жителей Селища. Как мы помним, дворяне Поливановы входили в число храмоздателей селищенской церкви. Вплоть почти до середины XIX века представителей этого старинного рода хоронили у алтарной части Александро-Антониновского храма. В 1822 году здесь был погребен Сергей Николаевич Поливанов (1761-1822 гг.). Через семь лет, в 1829 году, рядом с ним было предано земле тело его сына — подполковника Азовского пехотного полка Николая Сергеевича Поливанова (1791-1829 гг.), погибшего 21 июля 1829 года во время Русско-Турецкой войны. В 1839 году здесь же похоронили пережившую и мужа, и сына Александру Ивановну Поливанову (1764-1839 гг.)⁴⁷. К сожалению, в послереволюционное время большая часть «господских» надгробных памятников была уничтожена. Каким-то чудом, с севера от алтарной части храма уцелел один обомшелый надгробный памятник в античном стиле — вероятно, поставленный над могилой кого-то из Поливановых.

*Старинный памятник у церковного алтаря, поставленный, возможно, на могиле кого-то из дворян Поливановых.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

Сведений о составе причта церкви в конце XVIII века не сохранилось, но имя одного человека, связанного происхождением с Александро-Антониновским причтом, нам известно. В декабре 1797 года, за три дня до Рождества, в Селище родился, и, по-видимому, через несколько дней был крещен в зимнем приделе Александро-Антониновской церкви едва ли не самый знаменитый местный уроженец — выдающийся русский религиозный философ, профессор Московской духовной академии, протоиерей Федор Александрович

*Уроженец Селища, выдающийся религиозный философ,
профессор Московской духовной академии
протоиерей Федор Голубинский (1798-1854 гг.).*

*Литография П. Бореля.
Вторая половина XIX века.*

Голубинский (1797-1854 гг.)*, мать которого, Анастасия Андреевна (1774-1836 гг.), являлась дочерью причетника селищенской церкви⁴⁹.

С 1786 года новый Александро-Антониновский храм был центром религиозной и общественной жизни Селища и округа. В его стенах в ноябре 1796 года совершались заупокойные службы по скончавшейся императрице Екатерине II, а через пять лет, в марте 1801 года, и по её сыну – убитому заговорщиками императору Павлу I. Здесь же в храме происходила присяга новому государю – императору Александру I, с которым Россия вступала в новый XIX век.

Во время Отечественной войны 1812 года, в августе-сентябре, через Селище, мимо стен храма, ехали многочисленные беженцы из захваченной французами горящей Москвы, надеющиеся найти пристанище в Костроме... Для Селища одним из ближайших последствий эпопеи 1812 года стало возведение в селе второго каменного храма, посвященного святому Василию Блаженному.

1826-1831 годы. Возведение храма во имя святого Василия Блаженного

По-видимому, в конце 1816 года в Селище вернулся уволенный «от службы за раны» отставной полковник Василий Николаевич Мягков (1786-1853 гг.), участник Отечественной войны 1812 года,

* В литературе существует и другая точка зрения, что Ф. А. Голубинский родился в Ипатьевской слободе возле Ипатьевского монастыря⁴⁸; его отец, Александр Андреевич (1775-1835 гг.) служил в то время псаломщиком Троицкого кафедрального собора в Ипатьевском монастыре. Думается, что решающим в данном случае является надпись на надгробном памятнике о. Федора Голубинского на кладбище у стен Иоанно-Богословской церкви в Ипатьевской слободе, гласящая: «Протоиерей Федор Александрович Голубинский Московской Духовной Академии профессор философии, цензор и св. Анны 2-й ст. кавалер. Родился в Селищах близ Костромы 1797 года Декабря 22 дня. Скончался в Костроме 1854 года Августа 22 дня». Надо полагать, что когда умер о. Федор Голубинский, в Костроме еще были живы его родные или старые знакомые, поэтому вряд ли на памятнике стали указывать точное место рождения, если бы в этом не имелось твердой уверенности. Таким образом, с именем знаменитого профессора Московской духовной академии неразрывно связаны два храма в Костроме – Александро-Антониновский в Селище и Иоанно-Богословский в Ипатьевской слободе.

Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. и будущий строитель храма во имя Василия Блаженного.

Скорее всего, В. Н. Мягков родился в Селище, в усадьбе, которую его отец, надворный советник Николай Леонтьевич Мягков, получил в приданое за его матерью, Марией Васильевной, урожденной Каблуковой, от своего тестя, упоминавшегося выше отставного гвардии поручика В. Д. Каблукова. В. Н. Мягков поступил на военную службу в 1806 году и вначале служил в Тамбовском пехотном полку (этот полк стоял в то время в Костроме), а с 1810 года — в лейб-гвардии Уланском полку. Ему довелось принять участие почти во всех основных сражениях 1812-1814 гг. В качестве адъютанта командира корпуса, генерал-лейтенанта князя А. И. Горчакова, он участвовал в Бородинском сражении, где был тяжело ранен пулей в плечо. Заживив рану, Василий Николаевич возвратился в армию. В 1813 году в рядах своего лейб-гвардии Уланского полка он сражался в Германии под Люценом, Дрезденом и Бауценом. В знаменитом Кульмском сражении его вновь ранили — пулей в ногу. За участие в Заграничном походе В. Н. Мягков был награжден несколькими наградами, в том числе — золотой саблей «За храбрость». В самом конце войны, 1 марта 1814 года, его захватили в плен французы. После капитуляции Наполеона он был освобожден и прибыл в Париж, где стоял тогда его полк. В 1816 году В. Н. Мягков вышел в отставку «от службы за ранами» с чином полковника и вскоре приехал в Селище⁵⁰.

Около 1820 года В. Н. Мягков женился на дочери одного из самых богатых костромских купцов, полотняного фабриканта и тогдашнего городского головы Д. Д. Солодовникова — Елизавете Дмитриевне Солодовниковой (1802 — после 1846 гг.), от которой имел 11 детей. Отставной полковник поступил на гражданскую службу, заняв вскоре высокий пост председателя Костромской гражданской палаты. По-видимому, в 20-е гг. XIX века В. Н. Мягков построил в своей селищенской усадьбе новый деревянный дом в стиле классицизма, в перестроенном виде сохранившийся донине*, а в 1826 году неподалеку от усадьбы Мягковых, по благословению Епископа Костромского и Галичского Самуила (Запольского-Платонова), произошла торжественная закладка каменного храма во имя Василия Блаженного, небесного покровителя двух владельцев усадьбы — В. Н. Мягкова и

* Современный адрес бывшего главного дома усадьбы Мягковых — Приречный проезд, д. 7.

*Селище. Главный дом усадьбы Мягковых.
Фото Д. И. Пряничникова. 1929 г.*

его деда В. Д. Каблукова (точный день закладки и кто её совершал, неизвестно). Согласно «Летописи», Васильевский храм возводился В. Н. Мягковым «во исполнение заветного желания» В. Д. Каблукова⁵¹. Как уже писалось, дополнительное посвящение Ильинского придела Георгиевского храма в Селище во имя блаженного Василия, Христа ради юродивого, появилось, по-видимому, в 70-е гг. XVIII века по инициативе отставного гвардии поручика В. Д. Каблукова, вероятнее всего, в связи с каким-то эпизодом его военной биографии. Внук, выполняя «заветное обещание» деда, наверняка имел не меньше поводов отблагодарить своего святого покровителя возведением храма. В этом смысле Васильевскую церковь в Селище можно рассматривать как своеобразный храм-памятник и войнам екатерининского времени, и Отечественной войне 1812 года.

Строительство и внутренняя отделка Васильевского храма продолжались пять лет, и в 1831 году состоялось его торжественное освящение, которое совместно с причтом Александро-Антониновской церкви совершил настоятель Успенского собора Костромы протоиерей Иаков Арсеньев (1763-1848 гг.)⁵², известный как историк, автор первой книги о главном храме Костромы.

Храм Василия Блаженного. Вид с востока. Фото начала XX в.

Васильевская церковь представляла собой увенчанный сферическим куполом одноглавый храм, со всех четырех сторон украшенный изящными четырехколонными портиками*.

При относительно небольших размерах он был истинно монументальным и представлял собой один из лучших храмов в стиле классицизма в Костромской губернии. Имя архитектора, по проекту которого он построен, в документах не сохранилось. По свидетельству костромского историка протоиерея Павла Островского (1806-1876 гг.), храм в Селище является «памятником архитектурных познаний» механика Александра Васильевича Красильникова (1774-1852 гг.)⁵³, традиционно считающегося прототипом механика Кулигина в «Грозе» А. Н. Островского⁵⁴ (заметим, что о. Павел Островский лично близко знал А. В. Красильникова и был современником сооружения храма в Селище). Однако, по предположению архитектора-реставратора Л. С. Васильева, церковь Василия Бла-

* По какой-то непонятной причине все 16 колонн храма остались без капителей, архитектор Л.С.Васильев полагает, что они должны были быть ионического ордера.

Храм Василия Блаженного. Вид с юга. Фото начала XX в.

женного, скорее всего, возведена крупнейшим зодчим Костромского края первой половины XIX века Петром Ивановичем Фурсовым (1796 — после 1844 гг.), чуть раньше построившим на центральной площади Костромы — Сусанинской — знаменитые здания пожарной каланчи и гауптвахты.

С самого начала храм во имя Василия Блаженного строился и как место последнего упокоения членов рода Мягковых: в его подклете была устроена усыпальница, куда вскоре после освящения с кладбища у Александро-Антониновской церкви первым перенесли и предали земле останки В. Д. Каблукова. Вплоть до революции, где бы ни умирали представители мягковского рода, их, как правило, привозили в Селище и погребали в подклете Васильевского храма*.

* В XIX веке в усыпальнице храма были погребены: брат храмоздателя Иван Николаевич Мягков, его дети — Дмитрий Васильевич Мягков, Мария Васильевна Мягкова, Наталья Васильевна Мягкова, Мария Васильевна Корсакова, урожденная Мягкова († 1898 г.) и др.⁵⁵. Не сохранилось сведений о том, где погребена супруга В. Н. Мягкова — Елизавета Дмитриевна, урожденная Солодовникова, но, скорее всего, её похоронили рядом с мужем, в подклете Васильевского храма.

Через десять лет после освящения, в 1841 году, в результате большого пожара, вспыхнувшего в Селище в ночь на 22 сентября и уничтожившего 74 двора местных жителей, Васильевская церковь очень сильно обгорела, но была восстановлена В. Н. Мягковым и вновь освящена в 1842 году Епископом Костромским и Галичским Павлом (Подлипским)⁵⁶.

В. Н. Мягков скончался в Петербурге 19 февраля 1853 года, и вскоре его останки были привезены в Селище и погребены в усыпальнице возведенного им Васильевского храма⁵⁷.

Храм Василия Блаженного являлся бесприходным и всю свою историю числился как приписной к Александрo-Антониновской церкви, причт которой совершал в нем богослужение в теплое время года (вплоть до 1875 года храм оставался неотапливаемым). С момента возведения храма Василия Блаженного его престольный праздник, приходящийся на 2 августа (15 августа по новому стилю), стал одним из главных в Селище и во всем приходе. Уже во второй половине XIX века установилась традиция, согласно которой праздник отмечался на протяжении трех дней — 2, 3 и 4 августа. Празднование начиналось 2 августа с Божественной литургии в храме Василия Блаженного, после окончания которой по Селищу проходил многолюдный крестный ход. В последующие два дня праздник отмечался в Селище и окрестных деревнях. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX века⁵⁸.

Храм в середине XIX века

По-видимому, в конце 40-х годов XIX века поместье Поливановых в Селище купил Гавриил Николаевич Ратьков (1828-1911 гг.), с именем которого неразрывно связана история села и его храма во второй половине XIX века. Судя по всему, в начале 50-х годов взамен деревянного усадебного дома Поливановых Г.Н.Ратьков построил в центре Селища каменный дом с мезонином и балконом, выходящим на Волгу*. Вероятно, тогда же сзади дома был разбит регулярный парк с липовыми аллеями⁵⁹.

В начале 50-х годов Гавриил Николаевич женился на княжне Екатерине Михайловне Урусовой; где произошло их венчание неизвестно, но, скорее всего, оно состоялось в Александрo-Антониновском храме. В Селище же у молодых супругов родилось трое детей: Измаил Гаврилович (1852 г.), Михаил Гаврилович (1853 г.) и Екате-

* Современный адрес бывшего главного дома усадьбы Ратьковых в Селище: ул. Городская, д. 25.

*Главный дом усадьбы Ратьковых. Середина XIX века.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

рина Гавриловна (1856 г.)⁶⁰ Вскоре, по-видимому, при родах, Екатерина Михайловна умерла. Вероятнее всего, её отпевание произошло в Александро-Антониновской церкви, а похороны — на приходском кладбище, но могила Е. М. Ратьковой не сохранилась. 23 января 1862 года Г. Н. Ратьков женился во второй раз, обвенчавшись в Александро-Антониновской церкви с Ольгой Павловной фон Виц. Во втором браке у него родилось еще двое детей: Ольга Гавриловна (1865 г.) и Николай Гаврилович (1867 г.), все они появились на свет в Селище⁶¹.

С середины XIX века, благодаря «Летописи» и дошедшим до нас клировым ведомостям, мы располагаем достаточно полными сведениями о настоятелях Александро-Антониновской церкви и других членах причта. С 1850 года настоятелем церкви в Селище служил иерей Иоанн Иоаннович Богословский. Он родился в 1821 году (где именно — неизвестно) и после окончания Костромской духовной семинарии 8 августа 1844 года был рукоположен во священника Никольской церкви в с. Зарайском Юрьевецкого уезда. В 1850 года по прошению его перевели на освободившееся место настоятеля в Селище, где о. Иоанн Богословский и прослужил ровно двадцать пять лет⁶².

Настоятельство о. Иоанна Богословского составило целую эпоху в истории селищенского прихода, отчасти из-за личных заслуг самого священника, отчасти из-за целого ряда судьбоносных событий в истории России, пришедшихся на это время. В 1853 году началась Крымская война, неудачная для России. В разгар её в Кострому из Петербурга пришло известие о том, что 2 марта 1855 года скончался император Николай I. В Александро-Антониновской церкви, как и во всех российских храмах, были совершены заупокойные службы по почившему государю, правившему Россией тридцать лет, и состоялась традиционная церемония принесения прихожанами и причтом присяги новому императору Александру II.

Согласно Высочайшему Манифесту от 29 января 1855 года, в стране вновь, как и в 1812 году, повсеместно стало создаваться народное ополчение. Формирование ополчения началось и в Костромской губернии. Точно неизвестно, участвовали ли в нем жители Селища, но, судя по всему, какое-то количество крестьян из селений Александро-Антониновского прихода встало в ряды ратников Костромской ополченческой дружины. Во всяком случае, в ополчение вступил молодой селищенский помещик Г. Н. Ратьков⁶³. После торжественных проводов в Костроме дружины Костромского ополчения 3 и 4 августа 1855 года переправлялись через Волгу. Здесь утром 4 августа на поле за Никольской слободой (скорее всего — это место ныне занято заводом «Рабочий металлист») тысячи ратников «построились развернутыми рядами, четырехугольником». Вслед за воинами на поле из Успенского кафедрального собора прибыл торжественный крестный ход во главе с Епископом Костромским и Галичским Филофеем (Успенским; 1807-1882 гг.), в котором участвовало всё духовенство Костромы. Не подлежит сомнению, что в этом крестном ходе приняло участие и духовенство всех заволжских церквей, в том числе и настоятель Александро-Антониновского храма о. Иоанн Богословский. Ополчение провожали тысячи людей, в том числе, конечно, большинство жителей Селища и окрестных селений. На особом помосте владыка Филофей (будущий Митрополит Киевский и Галицкий) отслужил напутственный молебен и окропил ряды ратников святой водой⁶⁴.

К счастью, Костромскому ополчению не довелось участвовать в боевых действиях, так как его направили не в Крым, а в Царство Польское для прикрытия западных рубежей империи. После подписания 18 марта 1856 года в Париже позорного для России мирного договора в начале августа того же года ополченческие дружины возвратились в Кострому. В память о Крымской войне 1853-1856 гг. на-

стоятель Александрo-Антониновского храма о. Иоанн Богословский был награжден бронзовым наперсным крестом (к сожалению, не сохранилось сведений о том, за что именно его отметили этой наградой). В 1859 году он стал благочинным большого IV-го Костромского церковного округа, в состав которого входило и Селище (эту должность он занимал вплоть до 1865 года)⁶⁵. Отец Иоанн стал благочинным в тот момент, когда и Селище, и весь его округ будоражили слухи о грядущей «воле» — о предстоящей отмене крепостного права. Россия шла навстречу большим переменам.

Храм во второй половине XIX века

В годовщину восшествия на престол, 19 февраля 1861 года, император Александр II подписал главный документ своего царствования — Манифест об отмене крепостного права. 10 марта 1861 года в Александрo-Антониновской церкви, до отказа заполненной селищенскими, козелинскими, коряковскими прихожанами-крестьянами, еще вчера крепостными господ Мягковых и Ратьковых, после Божественной литургии о. Иоанн Богословский зачитал Манифест с амвона⁶⁶. Под сводами храма прозвучали его знаменитые заключительные слова Манифеста: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественно-го»⁶⁷.

Вслед за отменой крепостного права в 1861 году в была проведена административная реформа, вводившая в сельской местности частичное самоуправление. С этого времени каждый уезд стал делиться на волости, во главе которых стояли выборные волостные старшины. В 1861 году Селище и весь Александрo-Антониновский приход вошли в состав Коряковской волости, центром которой стала находящаяся в нескольких верстах от Селища деревня Коряково, где и разместилось волостное правление⁶⁸. В состав Коряковской волости Селище входило вплоть до 1928 года.

В том же 1861 году Александрo-Антониновская церковь существенно обновилась: по заказу причта живописец из Больших Солей* Иосиф Иванович Шварев расписал холодный храм фреска-

* До революции посад Большие Соли, славящийся своими живописцами и каменщиками, входил в состав Костромского уезда. Ныне это древнее селение, переименованное в 1938 году в поселок Некрасовское, является районным центром Ярославской области.

ми⁶⁹. До этого он еще не был украшен стеной живописью, в «Летописи» сказано, что перед началом работ в нем «фресок под штукатуркою открыто не было»⁷⁰. За сезон 1861 года* И. И. Шварев написал на сводах холодного храма композицию «Хвалите Господа», на западной стене — «Страшный суд», на южной — «Распятие», на северной — «Медный змий». Все композиции были заключены в «орнаментальные рамы с пышными картушами»⁷¹.

Пореформенное время принесло много нового в жизнь Селища и всего прихода. К 1863 году в Александро-Антониновский приход вместе с Селищем входило 17 селений, в которых проживало 2666 человек (1192 — мужчин и 1474 — женщин)⁷³. Часть крестьян Селища по-прежнему зарабатывала на жизнь традиционным хлебопашеством, но всё больше и больше жителей села во вторую половину XIX века стали заниматься сапожным промыслом (когда именно этот промысел появился в Селище, неизвестно**). В 50-60 годы XIX века на левом берегу Волги, в городе, возле устья Костромки один за другим воздвигались краснокирпичные корпуса фабрик — Кашинской, Михинской, Зотовской. Многие жители Селища и окрестных деревень пошли работать на эти фабрики. Летом на лодках, зимой — по волжскому льду мужчины, женщины и подростки добирались до фабричного района Костромы.

Из-за обширности Селищенского прихода, как уже писалось, еще в XVII веке Александро-Антониновский храм был двухклировым, то есть в нем служило два священника. Благодаря «Летописи», мы знаем обо всех членах Александро-Антониновского причта 50-70 годов XIX века. В 1859-1874 гг. вторым священником в храме служил, числясь сверх штата, иерей Павел Васильевич Лебедев (место и год рождения неизвестны). В 1855 году он по первому разряду окончил Костромскую духовную семинарию и до принятия сана несколько

* В каталоге «Памятники архитектуры Костромской области» роспись холодного храма ошибочно датирована 1917 годом⁷².

** Краевед М. М. Зимин, в начале XX века опрашивавший селищенских стариков о том, когда в их селе зародился сапожный промысел, писал: «Старики говорят по-разному. Одни говорят, что «когда три земли шли на нас (очевидно, имеют в виду Крымскую кампанию), тогда ище работали на войско (то есть, шили обувь для солдат — Н.З.) (...). Тибе бы, — добавляли старики, со стариком, дедушкой Васильем Оленёвым (с. Селище) поговорить, он бы много порассказал, он всё записывал и всё время на книгах лежал (много читал); он недавно помер (...))»⁷⁴.

Церковно-приходская

летопись

Александро-Антоновской церкви с. Селище

в 1870 г.

Часть I

Общее описание церкви и прихода

1. Храм начался строить в 1773 году, а окончательно совершить постройку в 1786 году.

Храм каменный, во имя Святого мученика

Алекса^{сандра} и Антони^я, в 1773 году построил

Николай отроковец, а в 1786 — с благословения Пре

свитерского Павла Варнова, Епископа Астраханского

и Тамбовского, что справедливо должно быть потому

что в это время, 1773—1800 гг., кавалеру Епископу

во Астраханском Епархий занимался воспитанием

т. е. Епископ Павел; а отроковец был в то время

Прот. П. Овчар. К. 1870 г. стр. 125. и в то время в селе

Первый лист церковно-приходской летописи,
начатой в 1870 году

лет учительствовал, обучая «крестьянских детей в государственном имени». В 1859 году он был рукоположен в сан священника к Александро-Антоновской церкви, где и прослужил вплоть до своей кончины в 1874 году, в период 1865-1867 гг. исправляя должность благочинного⁷⁵. В 1854-1876 гг. диаконом в Селище служил о. Александр Шеметов (1803-1876 гг.). Уроженец Владимирской губернии, он после окончания духовного училища в г. Переяславле-Залесском десять лет прослужил пономарем в с. Воскресенском, что в Хмельниках, а в 1831 году был рукоположен в диакона Преображенской церкви с. Шишкино Костромского уезда (ныне — Судиславский район). В 1854 году о. Александра перевели в Селище. В историю прихода он вошел как просветитель: в «Летописи» сказано, что о. Александр,

«проходя должность диакона при сей церкви, занимался (...) обучением грамотности прихожанских детей в своем доме», причем особенно отмечено, что он занимался этим «по свободному своему желанию, для пользы общественной»⁷⁶.

Со второй половины XIX века и вплоть по 1917 год мы располагаем сведениями и о церковных старостах. На протяжении нескольких десятилетий, с 1864-го по 1899 год, церковным старостой бесценно избирался селищенский крестьянин Исмаил Иванович Коровкин, сыгравший важную роль в истории храма второй половины XIX века⁷⁷.

В 1870 году в жизни Александро-Антониновского храма произошло событие, имевшее важное значение в истории прихода: в этом году о. Иоанн Богословский начал вести уже не раз упоминавшуюся выше «Церковно-приходскую летопись Александро-Антониновской церкви села Селище». Побудительным толчком к началу её ведения послужила анкета какого-то исторического общества, разосланная, видимо, по линии Святейшего Синода. Однако, возникнув по довольно случайному поводу, «Летопись» непрерывно велась далее несколькими поколениями настоятелей на протяжении почти полувека — вплоть до 1917 года. Она — уникальный источник по истории и храма, и Селища в целом, в котором фиксировались различные предания, биографии членов причта, данные о ремонтах и перестройках, природные явления*, сведения о посещении храма архиереями, о благотворителях, ежегодные статистические данные о крещениях, венчаниях, отпеваниях и т. д.

К началу 70-х гг. XIX века теплый храм Александро-Антониновской церкви стал очень тесен для растущего количества прихожан, — ведь, если в 1744 году в приходских селениях было 206 дворов⁷⁹, то к 1863 году их число выросло до 406 и в них, как уже писалось, проживало 2667 человек⁸⁰. В связи с этим в 1872 году по инициативе о. Иоанна Богословского общее собрание прихожан решило «теплый

* Уже вскоре после начала ведения «Летописи» на её страницах было описано редчайшее в наших местах природное явление — северное сияние. В «Летописи» сказано: «На 24 число Генваря месяца сего 1872 г. в 6 часов вечера на небосклоне северо-запада появилось красное, или бледно-красное облако, которое в продолжении ночи разошлось по всему небу и рисовалось то отделами в виде столпов, то радугою с голубыми, около багряно-красных полос, неправильными большими шарами, — сияние очень резко видно для всех и разительное, продолжавшееся далеко за полночь»⁷⁸.

*Священник Василий Шафранов —
настоятель Александро-Антониновской церкви в 1875-1903 гг.
Фото конца XIX в.*

храм по причинам тесноты (...) разобрать и наместо одного устроить новый в просторном виде»⁸¹. Строителем, то есть человеком, отвечающим за возведение нового теплого храма, был избран крестьянин из д. Козелино Алексей Федорович Копков, а его помощниками — церковный староста И. И. Коровкин и селищенский крестьянин Григорий Алексеевич Буков⁸².

Правда, большая перестройка Александро-Антониновской церкви происходила уже при другом настоятеле. 3 июля 1875 года храм посетил Архиепископ Костромской и Галичский Платон (Фивейский; 1809-1877 гг.)⁸³, и вскоре о. Иоанн Богословский (видимо, за какую-то провинность) был переведен далеко от Селища — священником Ильинской церкви погоста Чудцы в Галичском уезде⁸⁴. Новым настоятелем Александро-Антониновского храма стал священник Василий Шафранов, до того служивший в находящейся в двух верстах от Се-

лица Спасской, что за Волгой, церкви — приходском храме старинной Спасской слободы.

Василий Никифорович Шафранов (1836-1904 гг.) родился в с. Наволоки Кинешемского уезда в семье священника. Окончив в 1856 году по первому разряду Костромскую духовную семинарию, он 26 декабря 1857 года был рукоположен в священника Троицкой церкви посада Пучеж Юрьевецкого уезда, с 1863 года служил в церкви с. Карпово Варнавинского уезда, с 1869 года — в Спасской, что за Волгой, церкви Спасской слободы⁸⁵.

Вторым священником в том же 1875 году был назначен о. Василий Вознесенский, переведенный в Селище из той самой Ильинской церкви погоста Чудцы, куда был отправлен о. Иоанн Богословский. С именами этих двух священников (в 1903 году о. Василий Вознесенский сменил своего предшественника на посту настоятеля) неразрывно связана вся последующая история Александро-Антониновского прихода вплоть до революции 1917 года.

Василий Сергеевич Вознесенский (1847 — после 1919 гг.) родился в с. Троицком Буйского уезда в семье священника. В 1871 году он окончил по второму разряду Костромскую духовную семинарию и поступил в число послушников Ипатьевского монастыря. 10 мая 1872 года состоялась его хиротония во священника Ильинской церкви погоста Чудцы в Галичском уезде⁸⁶.

Разборка прежнего теплого храма, возведенного почти сто лет назад, началась в мае 1877 года и взамен него за один строительный сезон возвели новый храм, больший по площади и более вместительный (в основных чертах он сохранился до наших дней). В 1878-1879 гг. в теплой части церкви шли отделочные работы, в обоих придельных храмах — Ильинском и Георгиевском — были установлены новые иконостасы, изготовленные на пожертвования Г. Н. Ратькова⁸⁷. Наконец, 16 декабря 1879 года состоялось торжественное освящение расширенного теплого храма, причем Георгиевский придел освятил викарий Костромской епархии. Епископ Кинешемский Геннадий (Левицкий; 1818-1893 гг.), а Ильинский — благочинный IV-го Костромского церковного округа, настоятель Воскресенской церкви в с. Любовникове протоиерей Капитон Толгский⁸⁸. В следующем, 1880 году, был позолочен иконостас в Ильинском придельном храме, а в 1881 году — в Георгиевском⁸⁹.

В настоятельство о. Василия Шафранова произошла и большая пристройка ограды приходского кладбища, увеличившая её длину

*Участок церковной ограды, возведенной в 1900-1901 гг. Вид с юга.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

почти в два раза. К концу 80-х гг. XIX века находящееся возле стен Александрo-Антониновской церкви приходское кладбище постигла обычная участь — оно оказалось переполненным и ему стало тесно в стенах ограды. В результате долгих хлопот в мае 1892 года с восточной стороны кладбища к нему был прирезан участок земли площадью в 400 квадратных сажень (около 1800 квадратных метров)⁹⁰. 30 августа того же года общее собрание прихожан приняло особый приговор о сборе средств для расширения кладбищенской ограды. Сбор продолжался семь лет, и к сооружению нового участка приступили в 1899 году: в период с 15 июня по 5 октября вокруг нового участка кладбища возвели — «по образцу существующей» — каменную ограду⁹¹ (её окончательная доделка произошла в 1900-1901 гг.), одновременно было разобрано восточное прясло прежней ограды.

В селениях Александрo-Антониновского прихода к концу XIX века находилось шесть часовен (в Корякове, Будихине, Емельянке, Дербине, Пепелине и др.), являвшихся своеобразными деревенскими храмами. В часовнях молились главным образом старики, которым было тяжело добираться до Селища. На рубеже XIX и XX веков обновление коснулось и часовен. 1 ноября 1892 года в д. Корякове состоя-

лось освящение новой большой часовни во имя Феодоровской иконы Божией Матери, построенной взамен «старой, ветхой и тесной» на средства жителей деревни. Часовню освятил причт Александрo-Антониновской часовни во главе с о. Василием Шафрановым; в освящении участвовал также иеромонах Богородицко-Игрицкого монастыря Сергей, прибывший в Коряково вместе с чудотворной Смоленской-Игрицкой иконой Божией Матери. После освящения часовни о. Василий Шафранов обратился к присутствующим со словом о её «назначении и пользе (...) для местных жителей, особенно старых, слабых здоровьем и несовершеннолетних детей, которые не могут ходить по воскресным и праздничным дням в приходскую церковь»⁹². В 1897 году в д. Емельянке взамен старой деревянной была возведена первая в приходе каменная часовня, построенная уроженцем деревни С. Гавриловым⁹³.

Отмена крепостного права положила начало переменам в жизни Селища и всего Александрo-Антониновского прихода в деле просвещения. В 1869 году Костромское уездное земство открыло в центре Коряковской волости — деревне Корякове — начальное училище⁹⁴. Первым его попечителем на протяжении многих лет был уже упоминавшийся выше Г. Н. Ратьков⁹⁵. В 70-80 гг. XIX века Г. Н. Ратьков, владелец одной из двух дворянских усадеб Селища, являлся видной фигурой общественной жизни Костромского уезда и всей губернии: в 1875-1884 гг. он был Костромским уездным предводителем дворянства, в 1879-1881 гг. — исправляющим должность губернского предводителя дворянства, в 1886-1889 гг. — председателем Костромской уездной земской управы⁹⁶. На протяжении долгого времени Г. Н. Ратьков оставался одним из главных жертвователей Александрo-Антониновской церкви. В 60-е гг. XIX века он сделал в храм ценный вклад — изготовленное его «усердием» большое напрестольное Евангелие в серебряном окладе, весившем 3 фунта 30 золотников (то есть свыше 1,2 килограмма)⁹⁷.

Г. Н. Ратьков необычайно много сделал для просвещения крестьян Селища и его округи. Еще в 1852 году он открыл в людской своей усадьбы первую школу для крестьянских детей⁹⁸. Вслед за Коряковым в октябре 1874 года земское начальное училище открылось и в Селище⁹⁹: первоначально оно размещалось в частном доме, но в середине 80-х гг. для него на земле, уступленной Г. Н. Ратьковым, выстроили специальное здание^{100*}. Г. Н. Ратьков был попечителем

* Современный адрес бывшего Селищенского земского училища: ул. Городская, д. 29.

Селищенского училища почти четверть века — вплоть до 1897 года*. С момента открытия училища в Селище и вплоть до 1918 года священники Александро-Антониновского храма преподавали в нем Закон Божий: первым законоучителем был священник о. Иоанн Потанов, с 1875 года — о. Василий Шафранов, с 1895 года — о. Василий Вознесенский¹⁰².

В 1883 году о. Василий Шафранов записал в «Летописи»: «...нельзя не отметить, что грамотность и элементарное образование в молодом поколении всё более и шире распространяется (...) в приходе нашем. Начиная сознавать пользу грамотности, прихожане заботятся обучить своих детей грамоте — особенно сыновей. Крестьяне села Селищ и близких селений охотно отдают детей своих в земское Селищенское училище»¹⁰³. 6 апреля 1885 года в Александро-Антониновской церкви «с особенною торжественностью и благочином» в присутствии всех учеников Селищенского земского училища и «многочисленного собрания прихожан» было совершено богослужение в честь 1000-летия кончины просветителя славян — святителя Мефодия, Архиепископа Моравского¹⁰⁴.

В 80-е годы XIX века дети из отдаленных от Селища деревень прихода стали учиться в церковно-приходских школах при Богородицко-Игрицком монастыре (открылась в 1887 году)¹⁰⁵ и при Назаретской пустыни^{107**}. В 1890 году, комментируя это явление, о. Василий Шафранов записал в «Летописи»: «Свет учения постепенно всё более разгоняет тьму невежества и суеверий!»¹⁰⁸. Правда, в записи за 1887 год он же отметил: «Школьное образование и грамотность в приходе особенно между детьми мужского пола заметно с каждым годом всё больше и больше разливается, но соответствующего этому образованию повышения нравственности и усовершенствования жизни по вере между молодым поколением не замечается. Это происходит: а) от неудовлетворительного воспитания родителями детей,

* В последний раз Г. Н. Ратьков упоминается в качестве попечителя в 1897 году. В 1898 году попечителем значится уже другой селищенский помещик — Г. В. Мягков¹⁰¹.

** Назаретская пустынь находилась в 16 верстах от Костромы на территории Коряковской волости (современная Бакшеевская сельская администрация). Пустынь возникла в 60-е годы XIX века на месте высочайше пожалованной пустоши Калашниково Рыло¹⁰⁶ и представляла собой пригородное хозяйство Богоявленско-Анастасиина женского монастыря. При пустыни действовала народная лечебница.

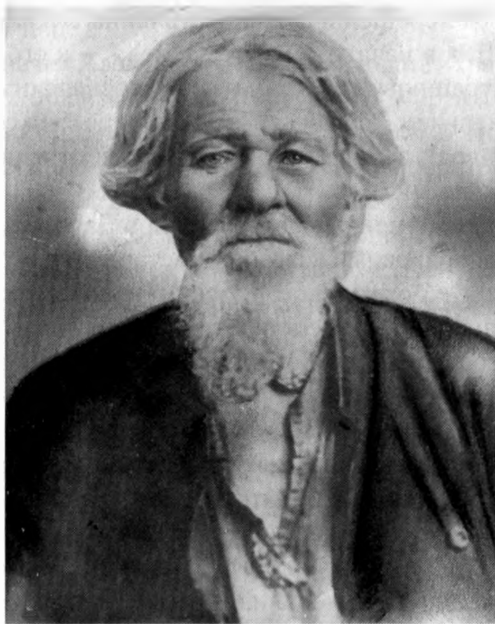

*И. Е. Репин. «Бурлаки на Волге». 1870-1873 гг.
Четвертый справа — селищенец В. И. Коровкин.*

б) от худого влияния на несовершеннолетних окружающей их среды, в) по научении грамоте многие из детей (...) отдаются родителями на фабрики, разные заводы и мастерские, и там они много портятся в нравственности и развращаются»¹⁰⁹.

В пореформенной России происходил промышленный переворот. В 60-70 гг. XIX века на Волге появлялось всё больше и больше пароходов, быстро уничтоживших старинный бурлацкий промысел, которым издавна занималось немало селищенцев. Именно в это время — на излете вытесняемого пароходами бурлачества — в историю русского искусства навсегда вошел селищенский крестьянин Василий Иванович Коровкин (1823-1906 гг.), запечатленный на знаменитой картине И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». Потомки В. И. Коровкина, доньне живущие в Селище, рассказывают, что портрет их предка, в летнее время обычно уходившего в бурлаки, И. Е. Репин написал в начале 70-х годов XIX века в Нижнем Новгороде. В 1873 году законченная картина была представлена публике в Петербурге. В группе бурлаков на знаменитом полотне четвертым справа (в синей рубашке) изображен В. И. Коровкин*. В доме потомков прославлен-

* В. И. Коровкин скончался в Селище 27 февраля 1906 года, а 1 марта в Александро-Антониновской церкви состоялось его отпевание, совершенное вторым священником о. Николаем Студитским¹¹⁰. К сожалению, могила В. И. Коровкина на приходском кладбище утрачена.

В. И. Коровкин. Фото конца XIX в.

ного бурлака, доньине живущих в Селище, висит большая репродукция репинской картины, всегда пользовавшейся в этой семье особым почитанием. Правнучка В. И. Коровкина, Евгения Александровна Ватолина, стала одним из летописцев Селища (на её воспоминания мы будем неоднократно ссылаться ниже).

В середине 80-х гг. XIX века началось строительство железной дороги, которая должна была связать Кострому с Ярославлем и обеими столицами — Москвой и Петербургом. В версте от Селища был возведен железнодорожный вокзал (вплоть до открытия в 1932 году нового вокзала на левом берегу Волги вокзал в Заволжье являлся главным транспортным узлом Костромы и прилегающих к ней уездов). 17 декабря 1887 года на костромской вокзал из Ярославля прибыл первый поезд. В честь этого исторического события Епископ Костромской и Галичский Александр (Кульчицкий; 1826-1888 гг.) отслужил на вокзале молебен¹¹¹. С этого момента железная дорога и вокзал навсегда вошли в жизнь жителей Заволжья.

В конце XIX века происходящий в России промышленный переворот достиг и Селища: в 1895 году здесь вступил в действие паровой лесопильный завод купца Якова Александровича Александрова¹¹²;

в 1898 году завод перешел в руки крестьянина Василия Михайловича Страшнова¹¹³, а в начале 10-х гг. XX века — к его сыну Николаю Васильевичу Страшнову¹¹⁴. Чуть позднее московским купцом Василием Харлампиевичем Афанасьевым в Селище был создан еще один лесопильный завод*. С этими предприятиями отныне была связана жизнь многих жителей села.

В первые пореформенные десятилетия в Заволжье, по соседству с угасающими дворянскими усадьбами вставали роскошные дачи новых хозяев жизни — богатых костромских купцов и промышленников. В 80-е гг. XIX века в Селище напротив Александрo-Антониновского храма и бок-о-бок с усадьбой Ратьковых была построена большая деревянная дача костромского промышленника Ивана Савельевича Михина (1819-1896 гг.), владельца льнопрядильной Михинской фабрики (в советское время она получила название «Знамя труда»)**.

На смену прежним покровителям Александрo-Антониновской церкви приходили новые. В конце XIX веков одним из главных жертвователей храма стал Сакердон Гаврилов — его бывший прихожанин, уроженец д. Емельянки, перебравшийся к тому времени в Петербург. В феврале 1882 года он преподнес селищенскому храму в дар большое напестольное Евангелие с переплетом, оправленным позолоченным серебром; в 1884 году — серебряную дарохранильницу (весом в 8,5 килограммов), изготовленную, скорее всего, питерскими мастерами и представляющую собой в миниатюре точную копию Александрo-Антониновской церкви. Надпись на дарохранильнице гласит: «От Сакердона и Марии». В марте 1885 года С. Гаврилов пожертвовал «священнослужебный сосуд серебropозлащенный с принадлежащими к нему: диском, звездицею, лжицею и двумя блюдцами...» (общий вес всех предметов составлял около двух килограммов серебра)¹¹⁷. 9 июня 1887 года, накануне Александрова дня, он пожертвовал храму серебropозлащенный напестольный крест (весом около 0,5 килограмма)¹¹⁸. В 1897 году в д. Емельянке, как уже писалось, взамен ветхой деревянной часовни на средства С. Гаврилова — в память коронации 14 мая 1896 года императора Николая II — была построена

* Точное время основания завода В. Х. Афанасьева неизвестно, но он существовал уже в ноябре 1905 года¹¹⁵.

** Дача И. С. Михина сгорела в 1908 году. Вскоре на её месте селищенский купец И. В. Байков построил свой дом¹¹⁶ (его современный адрес: ул. Городская, д. 27).

каменная часовня¹¹⁹ (здание часовни в Емельянке дошло до нас в руинированном виде).

Так или иначе Александрo-Антониновский храм затрагивали многие события общероссийской истории. 1 марта 1881 года в Петербурге на Екатерининском канале взрывом бомбы, брошенной рукой террориста-народовольца, был убит император Александр II. Уже на другой день об этом узнали в Селище. В последующие дни в Александрo-Антониновском храме о. Василий Шафранов совершал заупокойные службы по убитому государю. Здесь же в храме жители села и окрестных деревень приносили присягу новому императору Александру III. К сожалению, в «Церковно-приходской летописи» отсутствует годовая запись за 1881 год (подобных случаев пропуска годовой записи в «Летописи» всего несколько за весь период её ведения). Однако по описанию заупокойных служб в Александрo-Антониновской церкви в 1894 году по скончавшемуся императору Александре III мы можем представить, как в мартовские дни 1881 года массы крестьян стекались в селищенский храм, и как при пении «Вечная память» и «Со Святыми упокой» люди опускались на колени и плакали...

В 1891–1892 гг. целый ряд губерний Европейской части страны вследствие неурожая поразил голод. Русская Православная Церковь активно помогала голодающим. В 1891 году по призыву о. Василия Шафранова прихожане Александрo-Антониновской церкви собрали «в пользу голодающих и неурожайных местностей России» немалую для того времени сумму — 49 рублей 25 копеек¹²⁰. В 1892 году, как записал о. Василий в «Летописи», прихожане вновь «сделали довольно значительные пожертвования вещами, хлебом и деньгами в пользу голодающих»¹²¹; одними деньгами в 1892 году было собрано 40 рублей 55 копеек¹²².

20 октября 1894 году в Крыму неожиданно для страны скончался император Александр III. В последующие дни о. Василий Шафранов совершал в церкви заупокойные богослужения по почившему государю. В «Летописи» он отметил: «С какою глубокою и сердечною скорбью прихожане встретили весть о преждевременной (...) кончине обожаемого и любимого ими доброго и мирного Царя, и с каким великим усердием в нарочитые дни, по оповещении, и во множестве стекались они в церковь помолиться об упокоении блаженной памяти праведной души Его! При совершении панихид в церкви, пении: “Со святыми упокой...” и возглашении вечной Ему памяти, все поч-

*Феодоровская икона Божией Матери
в золотой ризе, изготовленной в 1891 году.
Фото В. Н. Кларка. 1908 г.*

*Памятник на могиле о. Василия Шафранова.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

ти вставляли на колени и проливали при сем горячие слезы о неожиданной кончине любимого и дорогого для всех русских Государя Императора»¹²³. 29 и 30 октября причт и многочисленные прихожане присягали в стенах храма новому императору Николаю II¹²⁴. И никто тогда, конечно, не знал, что они приносят присягу последнему русскому царю...

20 января 1893 года о. Василий Шафранов был назначен благочинным IV-го Костромского церковного округа¹²⁵ (эту должность он исполнял десять лет, вплоть до выхода за штат в 1903 году). 1 февраля 1896 года за «двадцатипятилетние отлично-усердные труды по народному образованию» Высочайшим указом он был награжден высокой наградой — орденом святой Анны 3-й степени¹²⁶.

По-видимому, именно при о. Василии Шафранове установилась традиция принесения на престольный праздник Александро-Антониновской церкви главной святыни Костромского края — чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, доставляемой через Волгу из кафедрального собора Костромы. 10 июня 1893 года, в Александров день, в церковь вместе с чудотворным образом прибыл недавно вступивший в управление епархией Епископ Костром-

ской и Галичский Виссарион (Нечаев; 1822-1905 гг.) — выдающийся богослов и проповедник своего времени. Вместе с двумя соборными протоиереями и обоими селищенскими священниками он совершил Божественную литургию, во время которой «произнес слово о подражании мученикам». После богослужения владыка Виссарион посетил церковь Василия Блаженного¹²⁷.

Подходило к концу XIX столетие, и на рубеже веков в селищенском приходе произошла естественная смена поколений: в 1899 году взамен прежнего церковного старосты Исмаила Ивановича Коровкина, уволенного от должности «по преклонности лет», был избран крестьянин с. Селище Григорий Иванович Скрипкин¹²⁸, оставшийся старостой вплоть до своей кончины в 1910 году. Вскоре, вслед за старым старостой, ушел и старый настоятель: 19 февраля 1903 года о. Василий Шафранов по прошению был уволен за штат, а на его место назначен второй священник о. Василий Вознесенский¹²⁹. За штатом о. Василий Шафранов прожил недолго: 14 мая 1904 года он скончался, а 17 мая состоялись его отпевание и похороны, прошедшие при огромном количестве народа. Отпевание своего бывшего старшего товарища и предшественника совершил новый настоятель о. Василий Вознесенский, сказавший при погребении усопшего прощальное слово. Священник Василий Шафранов был похоронен вблизи алтаря Александро-Антониновской церкви, в которой он прослужил двадцать семь лет¹³⁰. Вскоре на его могиле поставили памятник из черного камня (каким-то чудом он — единственный из всех памятников на могилах дореволюционных селищенских священников — сохранился до наших дней).

Особое место в истории прихода второй половины XIX — начала XX веков принадлежит потомкам строителей обоих селищенских храмов — дворянам Мягковым и Купреяновым, оставившим яркий след в истории и села, и Костромского края, и всей России. Как писалось выше, В. Н. Мягков скончался в Петербурге в 1853 году: его останки были привезены в Селище и погребены в усыпальнице возведенного им храма Василия Блаженного. Новым владельцем селищенской усадьбы стал один из его сыновей, Геннадий Васильевич Мягков (1840-1903 гг.).

Г. В. Мягков родился в 1840 году в Селище. После домашнего образования он был помещен в 1-й кадетский корпус в Петербурге, после окончания которого в 1859 году находился на военной службе. Однако в армии Г. В. Мягков пробыл недолго и в 1861 году вышел в

Г. В. Мягков. Фото начала XX в.

отставку. В 1865 году он поступил в Костромское акцизное управление, и с тех пор почти сорок лет его последующей жизни были связаны со статской службой. С 1870 года он служил в Казани, в окружном интендантском управлении, но в 1872 году вернулся в Селище, с которым уже больше не расставался. В том же году Г. В. Мягков был утвержден в должности мирового посредника 2-го участка Костромского уезда, в 1874 году назначен неперменным членом Костромского уездного по крестьянским делам присутствия, в 1883 году стал старшим советником Костромского губернского присутствия, а в 1890 году — неперменным членом Костромского губернского присутствия, заняв, таким образом, один из высших постов в губернской чиновничьей иерархии. 14 мая 1896 года Г. В. Мягков был произведен в действительные статские советники, то есть стал гражданским генералом (этот чин приравнивался к званию генерал-майора на военной службе)¹³¹. Внук Г. В. Мягкова, художник Н. Н. Купреянов писал, что его дед «...был разносторонне талантлив. Он был музыкант, пи-

сал стихи, занимался скульптурой и главным образом рисовал. У него были резко выраженные склонности графика и карикатуриста. В громадном множестве сделанных им рисунков он изобразил быт и нравы губернского общества. Он рисовал губернаторов, возжигающих лампы перед вицмундиром, повешенным на место иконы; чиновников особых поручений, с физиономиями и жестами, выражающими светскую любезность и служебную преданность; дам почтенных, играющих в карты, и дам прелестных, вальсирующих с офицерами (...). Эти рисунки были вольнодумны и составили деду дурную славу настолько далеко за пределами губернии, что однажды в Петербурге высокоофициальное лицо, пользуясь возможностями частного знакомства, советовало моей бабушке убедить своего мужа рисовать поменьше»¹³².

Подобно своему отцу, Г. В. Мягков до конца своих дней заботился о церкви Василия Блаженного, стоящей недалеко от его усадьбы. В 1875 году на его пожертвования под полом храма была устроена «механическая» печь и с этого времени бывший холодный храм, в котором богослужения совершались только в теплое время, стал действовать круглый год¹³³.

После того, как в 1897 году Г. Н. Ратьков сложил с себя обязанности попечителя Селищенского земского училища, Г. В. Мягков сменил его на этой должности и оставался попечителем вплоть до своей кончины в 1903 году¹³⁴.

В середине 60-х гг. XIX века Г. В. Мягков женился на Елизавете Константиновне Михайловской (ок. 1845-1916 гг.). Где состоялось их венчание неизвестно, но, скорее всего, оно произошло в Александро-Антониновской церкви, а таинство брака совершил о. Иоанн Богословский. В числе других родных на венчании, конечно, присутствовал старший брат Елизаветы Константиновны, Николай Константинович Михайловский (1842-1904 гг.) — быстро приобретающий известность литературный критик и публицист. С этого времени имя Н. К. Михайловского, знаменитого «властителя дум» интеллигенции второй половины XIX — начала XX вв., чтившей его как непосредственного преемника и продолжателя традиций В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, навсегда связано с Селищем и обоими его храмами.

Н. К. Михайловский происходил из калужских дворян, он родился в 1842 году в г. Мещовске Калужской губернии. В 1845 году его родители переехали в Кострому, где и прошло детство будущего публи-

Н. К. Михайловский. Фото конца XIX в.

циста; их семья жила в Богословском переулке (ныне — ул. Горная). Еще в раннем детстве Н. К. Михайловский лишился матери, Юлии Васильевны, урожденной Фишер. В 1852 году Н. К. Михайловский поступил в Костромскую гимназию на Муравьевке (и уже в её стенах он очень рано выделялся своими блестящими сочинениями по литературе), однако здесь он окончил только четыре класса. После кончины в 1856 году его отца, штабс-капитана К. П. Михайловского, над Николаем Михайловским была учреждена опека. Одним из опекунов будущего «властителя дум» стал отставной полковник Д. П. Шипов (1805-1882 гг.) — основатель завода братьев Шиповых в Костроме, в 1878-1879 гг. — губернский предводитель дворянства¹³⁵. Опекуны поместили Н. К. Михайловского в Петербургский корпус горных инженеров (позднее преобразованный в Горный институт). В 1862 году, незадолго до получения им звания горного инженер-поручика, его исключили из корпуса за участие в беспорядках (позднее оппоненты обычно упрекали Н. К. Михайловского в том, что тот не окончил ни гимназии, ни корпуса). С тех пор он жил трудом критика и публициста¹³⁶.

Его литературная слава быстро росла. С 1868 года Михайловский — ведущий критик руководимого Н. А. Некрасовым журнала «Отечественные записки». С 1877 года (после смерти Некрасова) и вплоть до закрытия «Отечественных записок» в 1884 году он (вместе с М. Е. Салтыковым-Щедриным) являлся редактором журнала. С 1892 года Михайловский участвует в журнале «Русское богатство», издаваемом артелью писателей народнического направления (Н. Н. Златовратским, Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным и др.). С 1894 года он — вместе с В. Г. Короленко — один из редакторов «Русского богатства», ставшего вскоре главным органом легального народничества. Популярность Н. К. Михайловского основывалась не только на его литературном таланте. Этот выдающийся социолог, экономист, историк, критик и публицист был известен как человек весьма радикальных взглядов. Всю свою жизнь Михайловский оставался убежденным противником самодержавия, сторонником созыва Земского собора и передачи помещичьей земли крестьянам. Дважды — в 1882-1886 гг. и в 1891 г. — за свою связь с революционными кругами он подвергался высылке из Петербурга, что, разумеется, только увеличивало его популярность, особенно в кругах студенческой молодежи¹³⁷. В 70-90 гг. XIX века Н. К. Михайловский фактически превращается в одного из главных идеологов народничества. После возникновения в августе 1879 года партии «Народная воля», избравшей террор в качестве главного орудия борьбы с самодержавием, он активно сотрудничает с народовольцами. Уже в ноябре 1879 года во 2-м номере подпольной газеты «Народная воля» было опубликовано (разумеется, под псевдонимом) первое из его «Писем социалиста». В нём, обращаясь к молодежи, Н. К. Михайловский призывал: «У русского гербового орла две головы, два жадные клюва — один династически-полицейский, а другой — буржуазный (...). Бейте же по обеим головам хищной птицы!»¹³⁸.

Когда селищенские крестьяне плакали в церкви на заупокойных богослужениях по убитому государю Александру II, им, конечно, и в голову не могло придти, что регулярно приезжавший в Селище Н. К. Михайловский имеет отношение к этому преступлению. После убийства Александра II Исполнительный Комитет «Народной воли» отправил Александру III знаменитое письмо от 10 марта 1881 года, в котором выдвигал новому императору свои требования. Основной проект письма написал Л. А. Тихомиров, а редактирование его было поручено Н. К. Михайловскому¹³⁹. Historики отмечают корректный и

по-своему тактичный тон письма, отправленного царю убийцами его отца, скорее всего — это след редакции Михайловского¹⁴⁰. В письме, в тысячах экземплярах разошедшемся тогда по стране, говорилось: «Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение (революционное — Н.З.) должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться всё более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп всё более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно всё более падать, мысль о революции, о её возможности и неизбежности всё прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка»¹⁴¹. Письмо называло подобную перспективу развития событий в России «страшной и печальной»¹⁴².

В 1882 году Н. К. Михайловский принял участие в негласных переговорах, которые правительство начало с почти полностью разгромленной «Народной волей». Новому императору Александру III необходимо было короноваться в Москве, но власти опасались покушения на его жизнь во время коронации, и в правительственных кругах созрело решение о необходимости заключения с народолюбцами временного перемирия. Посредником в переговорах между правительством и Исполнительным Комитетом «Народной воли» предложили стать Н. К. Михайловскому. Последний согласился взять на себя эту миссию и 15 октября 1882 года встретился в Харькове с единственным оставшимся на свободе в России членом Исполнительного Комитета Верой Фигнер (1852-1942 гг.), которую в это время искала вся российская полиция и жандармы. К самой идее переговоров В. Н. Фигнер отнеслась резко отрицательно. Позднее она вспоминала: «Я не буду (...) приводить все доводы, которые убеждали меня в том, что это ловушка, чтобы, завязав переговоры, обеспечить безопасность коронации, или же обыкновенная хитрость полицейского сыска, для того, чтобы найти нить, по которой можно было бы проследить народолюбческую организацию. (...) На все мои возражения, указывающие на несерьезность и даже опасность каких бы то ни было сношений по данному делу, Михайловский поставил вопрос: «А может ли фактически партия произвести какие-нибудь терро-

ристические действия в настоящее время?» На это мне пришлось сказать правду: положение революционной организации не дает надежд на это. «В таком случае вы ничего не теряете, — сказал Михайловский, — а выиграть кое-что все же можете»¹⁴³. Итогом встречи Н. К. Михайловского с В. Н. Фигнер стало то, что последняя согласилась передать вопрос о переговорах с правительством на усмотрение членов исполнительного Комитета, находившихся в Париже*. Заодно В. Н. Фигнер заручилась согласием Михайловского на его участие в предполагаемых новых подпольных изданиях народолюбцев¹⁴⁴; этого не случилось только потому, что в начале 1883 года В. Н. Фигнер была арестована и приговорена к пожизненному заключению в Шлиссельбурге (в этой крепости на Ладожском озере она пробыла 22 года — с 1883-го по 1904 год).

В 1883 году народолюбец П. Ф. Якубович, организовавший в Петербурге подпольную типографию, привлек Н. К. Михайловского (своего старого знакомого) к работе в подпольных народолюбческих изданиях¹⁴⁵. Естественно, что в правительственных кругах Н. К. Михайловского считали врагом. В одном из секретных документов Департамента полиции за 1883 год говорилось: «Собранными сведениями было установлено, что Михайловский, человек, безусловно, враждебный правительству, отличается неблагонадежным направлением, которое ясно обнаруживается во многих его литературных произведениях»¹⁴⁶.

Истинным триумфом Н. К. Михайловского стало состоявшееся в Петербурге 15 ноября 1900 года празднование 40-летия его литературной деятельности, в котором принял участие весь цвет тогдашней литературной общественности. «Все соглашались, — писал В. Г. Короленко в письме жене 17 ноября 1900 года, — что ничего подобного по размерам в области литературных юбилеев еще не бывало»¹⁴⁷.

В конце 1902 года Н. К. Михайловский принимал активное участие в работе общественного комитета по подготовке празднования 200-летия русской периодической печати, которое предполагали использовать для оппозиционных выступлений. В связи с этим

* Как известно, парижские члены Исполнительного Комитета «Народной воли» Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина за спокойное проведение коронации потребовали возвращения из Сибири духовного вождя русских революционеров — Н. Г. Чернышевского, — который вскоре и был переведен из далеского Виллойска вначале в Астрахань, а затем в его родной Саратов.

10 декабря 1902 года министр внутренних дел В. К. Плеве пригласил Михайловского к себе как «главнокомандующего» оппозиции и руководителя «Русского богатства», ставшего «главным штабом революции». В. К. Плеве настоятельно посоветовал ему добровольно покинуть Петербург, на что получил от Михайловского письменный отказ¹⁴⁸.

И если бы не полемика, которую Н. К. Михайловский, как один из вождей народничества, вёл в 90-е годы XIX века с молодыми русскими марксистами, и не та критика, которой в ответ подвергли его марксистские вожди — В. И. Ленин и Г. В. Плеханов*, — то, несомненно, что в советское время Н. К. Михайловский был бы отнесен к числу выдающихся русских критиков, а школьники и студенты «проходили» бы его труды наравне со статьями В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского.

В последние полтора десятилетия писавшие о Михайловском обычно, что вполне естественно, делали упор на острую критику его В. И. Лениным, трактуя это в пользу Михайловского. При этом забывается, что после кончины недавнего «властителя дум» Ленин относился к роли, которую тот сыграл в общественной жизни последних десятилетий XIX века, несравненно объективней. Думается, что Ленин был абсолютно прав, предсказывая, что если бы Михайловский не умер в 1904 году, то в период начавшейся вскоре первой русской революции он, скорее всего, стал бы «оппортунистом и ренегатом»¹⁴⁹. Вероятно, так бы и случилось (современные исследователи отмечают нотки тревоги и страха перед грядущей революцией, проскакивавшие в отдельных личных письмах Николая Константиновича)**, однако к 1905 году это уже не имело никакого значения, так как объективно свою роль одного из тех, кто своим талантливым пером толкал Россию к революции, Михайловский к тому времени уже сыграл. И Ленин, как никто, понимал это. В написанной в 1914 году, в связи с 10-летием его кончины, статье «Народники о Н. К. Михайловском», большевистский вождь, охарактеризовав бы-

* В. И. Ленин полемизировал с Н. К. Михайловским в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894 г.), а Г. В. Плеханов — в работе «К вопросу о развитии монического взгляда на историю» (1895 г.).

** «Я предчувствую смутные и мрачные времена», — писал Н. К. Михайловский 19 ноября 1901 года в одном из писем, имея в виду революцию¹⁵⁰.

*Г. И. Успенский.
Фото 70-х гг. XIX в.*

*Д. Н. Мамин-Сибиряк.
Фото начала XX в.*

лого оппонента как одного из «лучших выразителей взглядов русской буржуазной демократии», писал: «Великой заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивая в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью. В наше время (...) нельзя не помянуть добрым словом этой заслуги. (...) Мы чествуем Михайловского (...) за его уважение к подполью и за помощь ему»¹⁵¹.

На протяжении нескольких десятилетий — с 60-х гг. XIX века и вплоть до начала XX века — Н. К. Михайловский почти каждое лето проводил в Селище у сестры, с которой он был очень близок. Критик и публицист приезжал на Волгу в ореле своей всероссийской популярности. Нередко к нему (или вместе с ним) в Селище приезжали погостить не менее знаменитые его коллеги и друзья из того же народнического круга: Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, Н. Г. Гарин-Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др. С 1879 года Н. К. Михайловский состоял под негласным надзором полиции. При-

*Н. Г. Гарин-Михайловский.
Фото начала XX в.*

*В. Г. Короленко.
Фото 1896 г.*

езжая к сестре, он из-под надзора столичных жандармов переходил на «попечение» их костромских коллег. Надзор этот, впрочем, был необременительным для самого Михайловского и фактически сводился только к тому, что полицейские и жандармские чины фиксировали даты приезда и отъезда «неблагонадежного» поднадзорного из Петербурга в Селище и обратно.

Большинство донесений Костромского уездного исправника начальнику Костромского губернского жандармского управления (КГЖУ) о Н. К. Михайловском однотипно. Например, в 1899 году исправник доносил, что «...состоящий под негласным надзором полиции дворянин Николай Константинович Михайловский прибыл в село Селище 20 июня сего года», а «19 сего июля из села Селища выбыл в г. Санкт-Петербург»¹⁵². Необычайно интересное и подробное донесение от 5 августа 1900 года опубликовал журналист В. А. Шпанченко, работавший в областном архиве с фондом КГЖУ до пожара 1982 года, во время которого оригинал документа сгорел. В этом донесении на имя начальника КГЖУ полковника П. К. Кемпе говорилось: «Имею честь осведомить Ваше Превосходительство, что Н. К. Михайловский проживает в Селище, в усадьбе действительного статского советника Мягкова, без определенных занятий, находится

*Н. К. Михайловский на крыльце усадьбы в Селище.
Фото начала XX в.*

в близких отношениях с семейством земского начальника г. Перелешина, знаком с артистическим кружком г. Костромы, участвует в спектаклях, устраиваемых в усадьбе Мягкова. Ни в чем преднамеренном замечен не был»¹⁵³.

Как известно, большинство народников было людьми неверующими, хотя, в отличие от более поздних марксистов, они нередко чтили Иисуса Христа, почитая его как своеобразного революционера и гуманиста. Сам Н. К. Михайловский относился к христианству с уважением, отмечал большие православные праздники, а после кончины состоялось его отпевание в петербургском приходском храме. Но, конечно, он не был воцерковлённым человеком и оба селищенских

храма во время своих приездов к родным, как и большинство интеллигентов того времени, посещал лишь по случаю крестин, венчаний и отпеваний родных и знакомых.

Разумеется, Н. К. Михайловский оказал большое влияние на семью своей сестры. Скорее всего, под влиянием брата Е. К. Мягкова, имевшая звание домашней учительницы, в 1887 году открыла в Костроме частное училище для мальчиков, в котором преподавала французский и немецкий языки¹⁵⁴ (это училище просуществовало несколько лет). После кончины в 1903 году Г. В. Мягкова, Елизавета Константиновна сменила мужа на посту попечителя Селищенского земского училища и затем регулярно переизбиралась Костромским уездным земским собранием на эту должность вплоть до своей смерти в 1916 году¹⁵⁵. Во многом благодаря Н. К. Михайловскому, в последние несколько десятилетий перед революцией в усадьбе Мягковых, в основном, царил народнический дух. Все дети Г. А. и Е. К. Мягковых воистину боготворили своего знаменитого дядю и разделяли его политические взгляды.

Большое влияние Н. К. Михайловского испытал на себе единственный сын и наследник Мягковых Александр Геннадьевич Мягков (1870-1960 гг.). Хотя А. Г. Мягков и родился 31 августа 1870 года в Казани, где служил тогда его отец, но своей родиной всегда считал Селище, в котором он жил с малых лет. В силу народнических идеалов Саша Мягков получил весьма необычное для дворянского мальчика образование. Обычно в то время его сверстники, получив начальное домашнее образование, дальше обучались в гимназиях. Однако внук строителя храма Василия Блаженного А. Мягков окончил Селищенское земское начальное училище. В ежегодных училищных отчетах он числился как единственный обучающийся в нем представитель дворянского сословия¹⁵⁶. После же окончания начальной школы родители отдали Сашу учиться не в костромскую гимназию на Муравьевке, а в Костромское реальное училище на Мшанской улице (он обучался в нем в 1883-1889 гг.). Дальнейшая судьба А. Г. Мягкова в какой-то степени схожа с судьбой его знаменитого дяди. Окончив в 1889 году реальное училище, он той же осенью поступил в Петербургский технологический институт, однако уже весной 1890 года за участие в студенческой сходке его оттуда отчислили (с этого времени А. Г. Мягков много лет состоял под негласным надзором полиции). Осенью 1890 года А. Г. Мягков поступил в Горный институт, но в 1893 году с третьего курса вынужден был из него уйти,

А. Г. Мягков. Фото начала XX в.

так как природный недостаток зрения (дальтонизм) не позволил ему изучать минералогию и ряд других наук. В 1893-1899 гг. недоучившийся горный инженер Мягков в качестве начальника партии работал на строительстве Транссибирской железной дороги, в составе различных геологических экспедиций искал золото в Сибири, на Чукотке и в Манчжурии. В конце 1903 года он в качестве помощника начальника экспедиции отправился для изучения золотоносных месторождений в Абиссинию (Эфиопию), где и провел весь 1904 год¹⁵⁷. В отпуск А. Г. Мягков, как правило, приезжал в Селище, сразу же подпадая как «политически неблагонадежное лицо» под негласный надзор Костромского губернского жандармского управления¹⁵⁸.

Не менее последовательной сторонницей идей Н. К. Михайловского являлась младшая дочь Мягковых — Анна Геннадьевна Мягкова, в замужестве Перелешина (1869-1959 гг.). Анна Геннадьевна родилась в Селище 28 января 1869 года и была крещена в Александро-Антониновской церкви; её восприемниками (крестными родителями) стали её дядя — майор Николай Васильевич Мягков и тетка — владелица усадьбы Лунево в Костромском уезде Екатери-

*Н. К. Михайловский, М. Н. Михайловский и А. Г. Перелешина.
Фото начала XX в.*

на Васильевна Сумарокова¹⁵⁹. Анна Геннадьевна выросла убежденной народницей. В 1898 году она открыла при усадьбе небольшую больницу и амбулаторию для местных крестьян, в которой работала в качестве фельдшерицы и сестры милосердия (эта больница просуществовала до 1904 года)¹⁶⁰. В последующие годы Анна Геннадьевна по-прежнему не отказывала никому из жителей села в бесплатной медицинской помощи. Как и все народники, она была убежденной противницей самодержавия. По воспоминаниям старожилов, на рубеже XIX и XX веков Анна Геннадьевна постоянно снабжала селищенскую молодежь запрещенной и полузапрещенной литературой. И замуж племянница Н. К. Михайловского вышла за человека одинаковых с ней убеждений — за Александра Васильевича Перелешина (1856-1910 гг.), представителя старинного костромского дворянского рода, племянника известных героев обороны Севастополя М. А. и П. А. Перелешинных.

А. В. Перелешин родился 4 сентября 1856 года в усадьбе Щетино в Буйском уезде и был крещен в Благовещенской церкви, что

на р. Монзе (преемнице древнего Благовещенского Ферапонтова монастыря). Окончив в 1878 году Морской корпус, он служил на флоте до 1890 года, когда в звании капитана II ранга вышел в отставку. В 90-е гг. А. В. Перелешин поочередно являлся земским начальником в Нерехтском и Костромском уездах*. С 1901 года он состоял членом Костромской губернской земской управы и гласным Костромского губернского и уездного земств. В 1904-1907 гг. он стал Костромским уездным предводителем дворянства^{162**}. В бурное время начала XX века А. В. Перелешину было суждено стать одной из важных фигур общественно-политической жизни нашей губернии (об этом чуть ниже).

Женившись в середине 90-х гг. XIX века на Анне Геннадьевне, он обычно жил в Селище в двухэтажном флигеле, стоящем вблизи от дома Мягковых***.

Племянник Анны Геннадьевны, художник Н. Н. Купреянов позднее вспоминал об Александре Васильевиче: «На моей памяти он был земцем, одевался в штатское платье, и только переносица, обожженная тропическим солнцем, была в его внешности осязаемым следом его морского прошлого. Я звал его дядей Сашей. Он занимался жи-

* В 1895-1901 гг. А. В. Перелешин был земским начальником 5-го участка Костромского уезда. В состав этого участка входило 5 волостей: Коряковская, Чернозаводская, Шунгенская, Башутинская и Апраксинская¹⁶¹.

** Нельзя не отметить, что в вышедшем в 2002 году справочнике А. А. Григорова «Без Костромы наш флот неполон...» в статье об А. В. Перелешине есть весьма существенные ошибки. Готовившие справочник к печати научный сотрудник Государственного архива Костромской области Н. А. Дружнева и краевед П. П. Резепин добавили в авторский текст статьи об А. В. Перелешине неверные (выделенные курсивом) сведения о том, что будто бы с 1898 года А. В. Перелешин состоял председателем Буйской уездной земской управы, в 1905-1907 гг. являлся председателем Костромской губернской земской управы и депутатом I и II Государственной Думы¹⁶³. Однако А. В. Перелешин был членом только II Государственной Думы, председателями Костромской губернской земской управы в период 1905-1907 гг. состояли П. В. Исаков и И. В. Шулепников; председателем же Буйской уездной земской управы в 1898 году стал не Александр Васильевич Перелешин, а его родной брат Андрей Васильевич Перелешин¹⁶⁴. Вызывает сожаление, что текст А. А. Григорова «дополнен» подобным образом.

*** Его современный адрес: Приречный проезд, д. 9.

*А. В. Перелешин.
Фото 1885 г.*

вописью. В своих работах он (...) пренебрегал окружающей действительностью. Он писал морские пейзажи, фрегаты под парусами, бури и закаты над морем. В его кабинете с балконом, выходящим на Волгу, над диваном висели кривые японские мечи и большая фотография корвета «Минин», на котором он служил. В комнате пахло кожаной мебелью и мастерской живописца. Дядя Саша рассказывал мне о своих плаваниях, и рассказы эти остались в моей памяти неразрывно слитыми с запахом красок и скипидара, японскими мечами и туго надувшимися парусами корветов»¹⁶⁵.

В 1898 году при своей усадьбе Г. В. Мягков создал народный театр для местных крестьян*. В создании театра ему активно помогали А. Г. Перелешина, а также старший сын Н. К. Михайловского, Николай Николаевич Михайловский (1874-1923 гг.) — будущий актер, режиссер и антрепренер. Наряду с «господами» в спектаклях

* Театрально и музыкально одаренный Г. В. Мягков в 1901 году стал директором по музыкальному отделу в Костромском обществе любителей музыкального и драматического искусств¹⁶⁶.

*Театр в усадьбе Мягковых.
Первый справа Г. В. Мягков, пятая — А. Г. Перелешина,
шестой — Н. Н. Михайловский.
На переднем плане — Николай Купреянов.
Фото 1902 г.*

играли и представители селищенской крестьянской молодежи. Иногда в представлениях участвовал и сам Н. К. Михайловский. Будущий Народный артист РСФСР П. П. Гайдебуров (1877-1960 гг.), друг Н. Н. Михайловского по гимназии, в конце XIX века гостил в Селище и участвовал в спектакле по пьесе А. Н. Островского «Лес». Позднее он вспоминал: «...Роль Счастливецва в «Лесе» А. Н. Островского я впервые играл в очень своеобразном спектакле для крестьян в усадьбе Мягковых возле костромского села Селища, что напротив города Костромы. Хозяйкой усадьбы была Елизавета Константиновна Мягкова, сестра Н. К. Михайловского. Обитатели старинной усадьбы крепко держались народнических убеждений: земля была давно роздана крестьянам, с которыми поддерживалась крепкая связь, — одна из дочерей Мягковых, Анна Геннадьевна, учила и лечила крестьян, и взрослых, и ребят. В летние месяцы в усадьбу съезжалась учащаяся молодежь, случалось, затевались импровизированные концерты, приезжие пели городские песни, а слушатели из крестьян в ответ пели свои, селищенские песни. Костромичи отличались большой му-

зыкальностью и легко перенимали новые для них мелодии, переключая их на два-три голоса. Однажды затеялся спектакль, выбрали «Лес». Во дворе усадьбы выстроили сцену, соорудили самодельные декорации и костюмы. Пополнили свой состав любителями из города. У крестьян спектакль имел большой успех. Народ настолько был заинтересован, что выстоял на ногах весь спектакль — сидеть было не на чем»¹⁶⁷.

Благодаря поддержке и связям Г. В. Мягкова, народный театр в Селище укоренился и просуществовал вплоть до 30-х годов XX века. Селищенские артисты ставили свои спектакли не только в селе. С начала XX века они стали давать представления в Костроме, выступая или в читальне имени А. Н. Островского на Мшанской улице (ныне в этом здании находится кукольный театр)¹⁶⁸, или в Народном доме на Власьевской улице¹⁶⁹ (более известном костромичам под советским названием клуб «Красный ткач»). Репертуар селищенской труппы в основном состоял из пьес А. Н. Островского и различных водевилей, имевших большой успеху публики. Летом 1902 года обозреватель газеты «Костромской листок», говоря о народных театрах края, довольно критически и явно незаслуженно отметил «деревенский» театр Г. В. Мягкова: «Что (...) касается деревенской труппы Г. В. Мягкова, то она подвизалась почти исключительно в заволжском селе Селищах; являясь же на гастроли в Кострому, знакомила со своими спектаклями только интеллигентную публику»¹⁷⁰.

Благодаря театру, А. Г. Перелешина была постоянно окружена местной молодежью. В этот круг входил и совсем юный Михаил Васильевич Задорин (1884-1962 гг.) — один из самых известных селищенцев, будущий большевик, председатель Костромской Губчека и многолетний узник ГУЛАГа.

М. В. Задорин родился 27 июля 1884 года в находящейся в 12 верстах от Селища д. Будихино (в советское время считалось, что он родился в Селище; по-видимому, семья Задориных перебралась в село вскоре после рождения Михаила). Уже 28 июля его родители — крестьяне Василий Данилович и Евгения Константиновна — принесли крестить ребенка в Александро-Антониновскую церковь. Крещение совершил о. Василий Вознесенский¹⁷¹. Конечно, о. Василий не мог знать, что крестит будущего виднейшего костромского большевика, чекиста, врага Церкви и своего личного врага.

Имея восемь человек детей, Задорины жили бедно, и после окончания Селищенского начального училища двенадцатилетний Миша

Задорин пошел работать на Зотовскую фабрику. В 1900 году, шестнадцати лет, он вступил в Российскую социал-демократическую партию (РСДРП) и, видимо, тогда же порвал с религией и перестал ходить в Александро-Антониновский храм. М. В. Задорин очень активно проявил себя во время потрясшей Кострому крупной забастовки в мае 1903 года. 10 ноября 1903 года он впервые был арестован жандармами и оказался в старой костромской тюрьме на Русиной улице. По обвинению в принадлежности к РСДРП и за распространение нелегальных прокламаций М. В. Задорину грозил большой срок. Однако А. Г. Перелешина взяла юношу на поруки, и уже 23 декабря он был освобожден под особый надзор полиции¹⁷².

Храм в начале XX века

К началу XX века Селище было крупным пригородным селом; по переписи 1897 года, в нем проживало 1319 человек (647 мужчин и 672 женщины)¹⁷³, в 1907 году в Селище насчитывалось 307 дворов¹⁷⁴. К 1911 году количество селений, входивших в Александро-Антониновский приход, сократилось с 17 (в 1870 году) до 13, но зато общее количество прихожан возросло: к 1911 году в приходе числилось 3380 человек (1196 мужчин и 2184 женщины)¹⁷⁵.

К началу XX века наряду с крестьянами-хлебопашцами в Селище жило большое количество ремесленников — главным образом, сапожников*, но было немало и кузнецов, портных, печников. Немало селищенцев работало в городе на фабриках, по преимуществу — на Большой Костромской льняной мануфактуре (по народному — на «Кашинской» фабрике).

Е. А. Ватолина пишет о селе начала XX века: «...В центре Селища занимала большое место усадьба помещика Ратькова с огромным садом из липовых аллей. Она была окружена высоким забором. (...) Напротив сада Ратькова огромное место занимала дача фабриканта Михина и также была окружена забором — это почти вся правая сторона теперешнего Кленового проезда и часть Нижне-Селищенской улицы. (...) Главная улица села шла от церкви Василия Блаженного к Волге. Здесь находился двухэтажный дом Скрипкиных, которые содержали лавку, так называемую «казенку», где продавали водку и

* В начале XX века упоминавшийся выше М. М. Зимин писал: «Село Селище на другом берегу Волги, жители его почти все как мужчины, так и женщины занимаются сапожным промыслом, сапожники и башмачники»¹⁷⁶.

разные продовольственные товары. Почти все крыши домов в селе были крыты дранкой, железом крыли амбары и некоторые жители побогаче — крыши домов. Во всех домах строились сени, почти равные жилому помещению, летом в этих сенях спали. Большинство жителей Селища держали коров, но зато не имели огородов. Дровами и сеном селищенцев снабжали крестьяне из окрестных деревень, привозили их на дровнях к церкви по базарным дням целыми возами. В конце села за большим оврагом начиналось гумно, на котором молотили зерно. Отработанную солому складывали в громадные скирды. Гумно занимало всю площадь, ныне застроенную улицами Загородной, Прямой и Прямым проездом. На речке Ключевке напротив усадьбы Мягковых находилась «загада» (плотина) и стояла частная водная мельница, на которой мололи зерно*.

Летом жители сгоняли скотину в стадо в 4 часа утра. В полдень стадо пригоняли на левый берег Ключевки и до трех часов коровы паслись около воды. В 8 часов вечера скотину пригоняли в село. Село жило своей размеренной жизнью, соблюдая все религиозные каноны, посты и праздники»¹⁷⁸.

Другой старожил, А. А. Беленогова, дополняет картину Селища начала XX века: «А что самое красивое было раньше — так это на западной стороне за Ключевкой прекрасный лес. На берегу Ключевки был Буков перелесок, молодой осинник, там мы в детстве собирали ландыши, а в грибную пору — боровики в красных шляпках. (...) за полкилометра от осинника в еловом лесу Мякинница росли крепкие серые грибы с черноватыми шляпками. Еще через полкилометра был лес “за Глухой рекой”, так он назывался потому, что там протекала Глухая река»¹⁷⁹.

Начало XX века для Селища было отмечено кончиной двух видных селищенских «старожилов». 18 марта 1903 года скоропостижно скончался от паралича сердца Г. В. Мягков. В тот же день А. В. Перелешин, как и положено в таких случаях, обратился к Епископу Костромскому и Галичскому Виссарionу с прошением о разрешении похоронить своего тестя в фамильной усыпальнице в подклете храма Василия Блаженного. В прошении, в частности, говорилось: «Род Мягковых был строителем церкви во имя св. Василия Блаженного в селе Селищах, родовом имени Мягковых, где и име-

* В начале XX века мельница на Ключевке принадлежала крестьянину Константину Егорову¹⁷⁷.

ется фамильный склеп рода Мягковых. В настоящее время вышеупомянутый храм поддерживается на средства Мягковых, о чем может свидетельствовать причт церкви села Селищ»¹⁸⁰. 19 марта в Костроме, в здании Губернских присутственных мест*, в присутствии губернатора Л. М. Князева и других высших чинов администрации по Г. В. Мягкову была отслужена панихида¹⁸¹. 20 марта в Александро-Антониновской церкви состоялось его отпевание, которое совершил о. Василий Вознесенский, — на отпевании, помимо родных, присутствовало всё руководство губернии во главе с губернатором, — после чего останки усопшего были погребены в подклете храма Василия Блаженного¹⁸².

Не сохранилось свидетельств о том, провожал ли в последний путь своего шурина Н. К. Михайловский. Вообще точно неизвестно, когда он в последний раз приезжал из Петербурга в Селище (в сохранившихся документах Костромского губернского жандармского управления последнее свидетельство о его пребывании в Селище относится к 1899 году, но, как мы помним, Михайловский жил в усадьбе Мягковых, по крайней мере, еще летом 1900 года). Однако, учитывая, что знаменитый столичный гость, как правило, бывал в Селище ежегодно, можно уверенно предполагать, что в последний раз он приезжал сюда или в марте 1903 года, на похороны Г. В. Мягкова, или летом того же года.

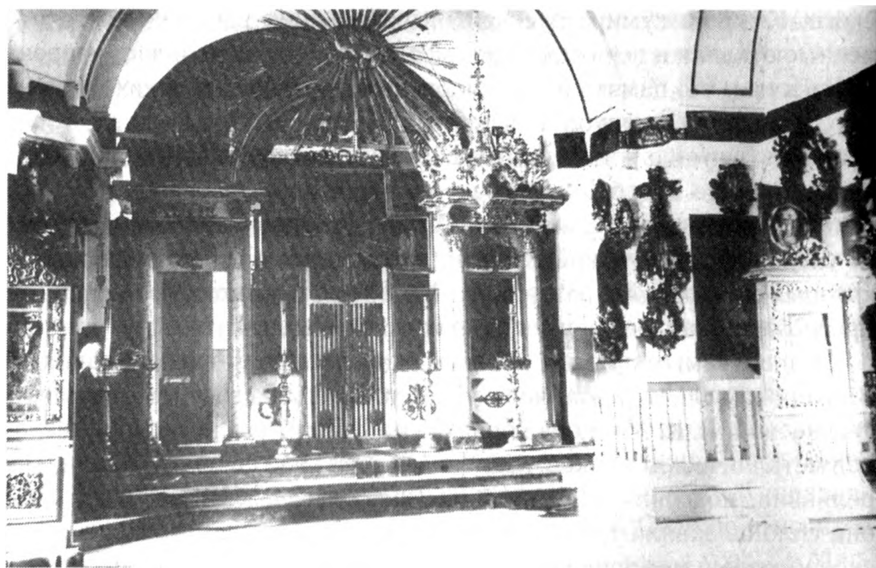
Сам Н. К. Михайловский скоропостижно скончался в Петербурге 28 января 1904 года, на второй день Русско-Японской войны, открывшей для России полосу её бед в XX веке. Идейного вождя народников похоронили согласно православным обычаям. Его старый товарищ В. Г. Короленко так писал об этом 31 января в письме своей жене: «Служил молодой священник панихиду среди шкапов с книгами. Вместо икон со стен глядели: портрет Успенского, с одной стороны, и бюст Шелгунова — с другой. Потом вынесли гроб в Спасскую церковь напротив, где шла очень долгая литургия... Толпа была такая, что, говорят, не бывало с похорон Тургенева... Венки везли на трех колесницах, гроб до самого кладбища несли на руках...»¹⁸³. После отпевания в Преображенском соборе многотысячная процессия провожала гроб до Волкова кладбища, где останки Н. К. Михайловского были преданы земле на так называемых «Литераторских мостках», на которых издавна хоронили наиболее выдающихся деятелей искусства и культуры, вблизи могилы умершего ранее Г. И. Успен-

* Ныне — здание городской администрации.

ского. Кончина кумира русской интеллигенции вызвала многочисленные отклики в печати, общим местом в которых являлась уверенность в том, что память о Михайловском будет жить в веках. Например, в некрологе, опубликованном в «Костромском листке», говорилось: «Будущие поколения русского общества сумеют оценить покойного, и его имя будут называть в числе дорогих сердцу русского интеллигента имен Белинского, Герцена, Чернышевского и других, по следам которых покойный всегда стремился идти, лучшие заветы которых он охранял и развивал...»¹⁸⁴. Время показало, что подобные прогнозы оказались очень сильно преувеличенными*.

Селище самым прямым образом оказалось связанным с кончиной и похоронами Н. К. Михайловского. В том же 1904 году, по-видимому, уже весной, Е. К. Мягкова привезла из Петербурга несколько десятков металлических венков, возложенных на гроб её брата. Венки, как реликвии, повесили внутри храма Василия Блаженного, в котором они сплошь заняли три стены. С этого момента храм превратился в своеобразный мемориал памяти Н. К. Михайловского (венки оставались здесь вплоть до 1929 года)¹⁸⁶. Устройство подобной «постоянной экспозиции» из похоронных венков в церкви, кажется, является единственным случаем в России. Согласимся, что в самом факте этой перевозки из Петербурга десятков похоронных венков и размещения их на стенах храма есть что-то противоестественное (неслучайно, что об этом событии ни слова не сказано в «Церковно-приходской летописи»). Видимо, Елизавета Константиновна и другие члены её семьи полагали, что подлинный культ Н. К. Михайловского, суще-

* На самом деле политизированный культ Н. К. Михайловского ненадолго пережил самого «властителя дум». После катаклизма 1917 года его слава наряду с подобными ему предреволюционными кумирами развеялась очень быстро. Примечательно в этом отношении свидетельство И. В. Гессена (1866-1943 гг.) — одного из лидеров кадетской партии, редактора центрального органа кадетов газеты «Речь», в эмиграции издателя «Архива русской революции». Будучи гимназистом, он, как и многие его сверстники, зачитывался статьями Михайловского и позднее вспоминал, что молодежь 70-80 годов XIX века «просто бредила Михайловским, Щедриным, Успенским...» Много лет спустя, в 30-е годы, в эмиграции, И. В. Гессен заметил: «...недавно здесь мне попался том его (Н. К. Михайловского — Н.З.) полного собрания сочинений и я не только не мог вызвать ощущения былых чувств восхищения и воспламенения, но просто не верилось, что молодежь могла видеть властителя дум в авторе односторонне унылой публицистики»¹⁸⁵.

*Интерьер церкви Василия Блаженного.
Фото Д. И. Пряничникова. 1929 г.*

ствовавший в течение нескольких десятилетий в среде русской интеллигенции, сохранится и после его кончины, превратив Селище и храм Василия Блаженного в место массового паломничества почитателей почившего. Будущее показало, какими ошибочными оказались эти ожидания...

В том же 1904 году покойный Н. К. Михайловский оказался навсегда связан с Селищем и Александро-Антониновской церковью еще одной нитью. Весной заболел туберкулезом (или чахоткой, как обычно называли тогда эту болезнь) его сын, Марк Николаевич Михайловский (1877-1904 гг.) — талантливый молодой ученый-биолог, выпускник естественного факультета Петербургского университета. Уже в студенческие годы и после окончания учебы М. Н. Михайловский участвовал в нескольких северных экспедициях — на Мурман (побережье Кольского полуострова), Новую Землю и Шпицберген (последний он посетил в составе экспедиции известного исследователя Севера Ф. Н. Чернышева). После окончания университета он работал в Зоологическом музее Академии Наук. Летом 1904 года Марк Николаевич приехал в Селище, в котором он часто бывал вместе с отцом. Вначале ему стало лучше, но затем состояние больного резко ухудшилось, и в ночь с 28 на 29 августа он скончался, ис-

*Венки с похорон Н. К. Михайловского
на стенах церкви Василия Блаженного.
Фото Д. И. Пряничникова. 1929 г.*

поведавшись перед смертью о. Василию Вознесенскому. Отпевание М. Н. Михайловского состоялось 30 августа в Александро-Антониновской церкви, после чего его тело было предано земле на приходском кладбище вблизи от алтарной части храма¹⁸⁷ (не совсем понятно, почему Марка Николаевича не похоронили в фамильной усыпальнице в храме Василия Блаженного). Скорее всего, уже в 1905 году, на могиле установили надгробный памятник из черного полированного камня с большим крестом (в советское время крест был разбит, но сам памятник сохранился до наших дней).

На Дальнем Востоке, на сопках Манчжурии гремели сражения Русско-Японской войны. Весной 1904 года жители Селища собрали «на усиление» нашего Военно-Морского флота 100 рублей¹⁸⁸. На Святках 1904-1905 гг. в связи с неудачами на войне по настоянию о. Василия Вознесенского в приходских селениях не происходило обычных свозов (собраний молодых людей и девушек) и других обычных увеселений¹⁸⁹.

Между тем Россия вступала в смуту первой русской революции. В начале декабря 1904 года по всей стране прошла устроенная либеральной общественностью так называемая «банкетная» кампа-

*Памятник на могиле М. Н. Михайловского. Так выглядит он сейчас.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

ния, приуроченная к 40-летию судебной реформы Александра II. Так как открытые политические собрания были запрещены, либералы прибегли к устройству банкетов (на устройство последних разрешения не требовалось), на которых публично выдвигались требования реформирования российской политической системы. 8 декабря 1904 года подобный «банкет» прошел и в Костроме — в ресторане «Большой Московской гостиницы» на Павловской улице (ныне — проспект Мира). В числе приглашенных на банкет, наряду с либералами, была и группа костромских большевиков во главе с молодым Я. М. Свердловым, выступившим на банкете с открытым призывом к свержению самодержавия. На банкете присутствовал и М. В. Задорин. В тот вечер вместе со Свердловым и другими единомышленниками он покинул гостиницу, оглашая её стены песней «Отречемся от старого мира!»¹⁹⁰.

В Русско-Японской войне принимал участие целый ряд прихожан Александрo-Антониновского храма. Весной 1905 года в Костромском уезде, в том числе и в селениях Александрo-Антониновского прихода происходил призыв местных военнообязанных крестьян из запаса на «действительную военную службу», то есть на войну¹⁹¹. Несколько уроженцев Селища участвовали и в печально знаменитом походе 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр адмиралов З. П. Рожественского и Н. И. Небогатова из Балтики к осажденному японцами Порт-Артуру, завершившемуся 14 мая 1905 года в Цусимском проливе страшным разгромом нашего флота. В числе моряков, совершивших этот поход, был и внук Г. Н. Ратькова — Николай Михайлович Ратьков (1885-1920 гг.), родившийся в Селище 2 октября 1885 года и крещеный в Александрo-Антониновском храме. Н. М. Ратьков окончил Морской корпус в Петербурге 28 января 1904 года. Молодой мичман получил назначение на крейсер «Жемчуг», на котором вскоре в составе 2-й эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского и проделал длинный путь к роковой Цусиме¹⁹². В Цусимском сражении Н. М. Ратьков был тяжело контужен (после боя, спасаясь от японцев, «Жемчуг» ушел в Манилу, на Филиппины)¹⁹³. В этом же сражении участвовал и селищинец П. Я. Сухарев, служивший минером на крейсере «Аврора» (тогда, конечно, еще никто не мог знать, что «Аврора» — будущий легендарный «корабль революции»). Позднее П. Я. Сухарев участвовал в I Мировой и Гражданской войнах, затем долгое время работал на заводе «Рабочий металлист». Во 1935 и 1936 гг. приезжавший в Кострому писатель А. С. Новиков-Прибой, автор известного романа «Цусима» дважды встречался с П. Я. Сухаревым¹⁹⁴. В начале 1905 года в Манчжурию прибыл и А. Г. Мягков, возглавивший там хозяйство Костромского отряда Красного Креста. В составе этого отряда А. Г. Мягков пробыл на Дальнем Востоке до конца войны¹⁹⁵.

Трагедия «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года, военные поражения на полях Манчжурии и ужасающий Цусимский разгром необычайно ускорили процесс развития российской смуты. В стране разгоралась революция. Казалось, что сбывается заветная мечта Н. К. Михайловского: русский народ начал крепко бить по обеим головам «хищной птицы».

Жертвой обострения политической борьбы летом 1905 года в Селище пал народный мягковский театр. А. Г. Перелешина позднее вспоминала, как в 1905 году «администрацией спектакли были

запрещены, сцену велено было сломать, дабы не привлекать скопищ народа»¹⁹⁶. Упомянувшийся выше П. П. Гайдебуров также вспоминал, что «крамольная затея (селищенский театр — Н.З.) была пресечена губернатором»¹⁹⁷. По распоряжению губернатора Л. М. Князева, проведение спектаклей было запрещено (после окончания революционной смуты театр в Селище возродился вновь).

К началу XX века немало жителей Селища работало в городе на фабриках. Многие из них в 1905 году принимали участие в забастовках, митингах и сходках. В революционных событиях в Костроме в это время активно участвовал и молодой большевик М. В. Задорин (много лет спустя, в марте 1956 года, в связи с 50-летием первой русской революции его наградили — и по праву — орденом Ленина). Скорее всего, именно он, в частности, инспирировал появление в сентябре 1905 года большевистского пропагандистского документа, направленного лично против настоятеля Александро-Антониновского храма.

Весь 1905 год о. Василий Вознесенский пытался противостоять проникавшим в Селище революционным настроениям. В своих проповедях в храме он взывал к чувству здравого смысла своих прихожан и предостерегал о грозной опасности, исходящей от охватившей Россию смуты. Его роль как проповедника была «отмечена» в бюллетене Костромского комитета Российской социал-демократической партии (РСДРП), выпущенном в сентябре 1905 года (подобное «признание заслуг» является уникальным случаем, и то, что из большого количества священнослужителей Костромы и уезда социал-демократы особо «выделили» настоятеля Александро-Антониновского храма, говорит само за себя). В этом бюллетене, в те дни в большом количестве распространявшемся в Костроме, в частности, говорилось: «В Селище во время обедни поп (в документе имя священника не названо, но не подлежит сомнению, что речь идет об о. Василии Вознесенском — Н.З.) говорил любопытную проповедь; советовал своему православному стаду скорее женить своих детей. Неженатые молодые люди занимаются темными делами, говорит поп, ходят в лес на сходки, читают непозволительные книги, устраивают забастовки. Жените их скорее, вопил поп с амвона. Он знает, что неженатая молодёжь, не связанная по рукам и ногам семьёй, смело идет на борьбу против капиталистов и царского самодержавия; он знает также, что рабочий класс, поднявшись против эксплуатации, не позабудет ударить и по поповскому карману.

Пусть бы селищенский поп почитал, что делается теперь на Кавказе; там священники во многих уездах перестали быть царскими прислужниками, а сами встали на сторону измученного народа, и вместе с ним говорят: «долой царское угнетение и надругание, да здравствует отделение церкви от государства!»

Это значит вот что. Ежели ты хочешь учить людей вере, то учи не под защитой полиции, а свободно, не делай так, чтобы веру, которую ты называешь священной, царские прислужники обратили в полицейский сыск, отстаивай полную свободу для веры и не страшай народ полицейским участком!»¹⁹⁸.

Разумеется, этот бюллетень — обычный пример большевистской демагогии. Наверняка о. Василий в своей проповеди говорил не только о том, что надо скорее женить молодых людей (тем более, что информатор комитета РСДРП, которым, как сказано выше, скорее всего, был М. В. Задорин, сам, судя по всему, проповеди не слышал, а судил о ней с чужих слов). Довольно нелепы и туманные ссылки на каких-то священников из неких уездов огромного Кавказа, переставших быть «царскими прислужниками» и вставшими «на сторону измученного народа» (положительная ссылка на пример Кавказа, где, разумеется, в 1905 году каких только ужасов не происходило, сама по себе крайне характерна для большевистской агитки). А вот что совершенно ясно читается между строк бюллетеня и что придает ему весьма зловещий характер — это исходящая от него плохо скрытая угроза и для о. Василия Вознесенского, и в его лице для всей Русской Православной Церкви... Однако повторим, сам факт того, что Костромской комитет РСДРП в своем печатном органе в 1905 году особо «отметил» проповедь настоятеля Александро-Антониновского храма, наглядно свидетельствует о его авторитете и влиянии на прихожан.

Заметим, что, как и всегда в эпохи потрясений, во время Русско-Японской войны и первой русской революции многие люди, ища утешения, потянулись в церковь. В этот период существенно выросло число тех, кто бывал в Александро-Антониновском храме на исповеди и причастии. Если в 1904 году в нем исповедалось и причастилось 2059 человек¹⁹⁹, то в 1905-м — 2386²⁰⁰, в 1906-м — 2468²⁰¹, в 1907-м — 2890²⁰².

В 1905 году в Селище произошло еще одно заметное событие, связанное с историей Александро-Антониновского прихода. Наряду со своеобразным «мемориалом» в храме Василия Блажен-

ного Мягковы и Перелешины решили устроить в Селище в память о Н. К. Михайловском библиотеку-читальню. В феврале 1904 года А. В. Перелешин был избран Костромским уездным предводителем дворянства²⁰³. Одновременно он — по должности — стал и председателем Костромского уездного комитета попечительства о народной трезвости, приступившего к этому времени к открытию в сельской местности первых народных библиотек. Супруги Перелешины решили открыть библиотеку имени Н. К. Михайловского по линии этого комитета.

14 декабря 1904 года по предложению А. В. Перелешина Костромской уездный комитет попечительства о народной трезвости принял постановление об открытии в Селище библиотеки-читальни²⁰⁴. 28 апреля 1905 года комитет принял предложение А. Г. Перелешинной о размещении библиотеки в её собственном доме и официально предложил ей принять на себя обязанности заведующей библиотеки²⁰⁵. 18 июля 1905 года комитет принял решение об открытии библиотеки в Селище 20 июля, в местный престольный праздник — Ильин день²⁰⁶. Однако в этот день открытие библиотеки не состоялось. А. Г. Перелешина хотела, чтобы она открылась, уже нося имя Н. К. Михайловского, и обратилась с соответствующим ходатайством к губернатору Л. М. Князеву. В другое время предложение о присвоении имени недавно скончавшегося знаменитого земляка, столь долго пользовавшегося репутацией врага существующего строя, разумеется бы отклонили. Однако летом 1905 года, в обстановке массовых забастовок в Костроме и повсеместно проходящих крестьянских беспорядков, главе губернской администрации было уже не до таких «мелочей». 20 августа 1905 года губернатор Л. М. Князев уведомил А. Г. Перелешину, что ей и «под её ответственность разрешено открыть в с. Селище общественную публичную библиотеку имени Николая Константиновича Михайловского»²⁰⁷. В первых числах сентября 1905 года библиотека-читальня имени Н. К. Михайловского была торжественно открыта^{208*}. Все библиотеки-читальни, создаваемые по линии комитетов попечительства о народной трезвости, открывались публичными молебнами. Не подлежит сомнению, что и в Селище после торжественного богослужения в Александро-Антониновском храме перед открытием библиотеки о. Василий Вознесенский отслужил молебен.

* Ошибочно считается, что библиотека в Селище, ныне носящая имя А. В. Луначарского, была создана в 1910 году.

К делу устройства библиотеки А. Г. Перелешинной, остававшейся её заведующей вплоть до 1918 года²⁰⁹, удалось привлечь целый ряд известных писателей, близких Н. К. Михайловскому или сделавших первые шаги в литературе при его помощи: В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. И. Куприна, В. В. Вересаева. А. М. Горького и других, приславших в Селище книги со своими автографами²¹⁰. Тогда же, в сентябре 1905 года, при библиотеке открылось Селищенское Пантелеимоновское общество трезвости. К концу 1905 года в этом обществе — одном из первых в нашей губернии — числилось 60 человек²¹¹. С ноября 1905 года по воскресным вечерам о. Василий Вознесенский стал проводить в библиотеке «религиозно-нравственные и просветительские чтения и беседы»²¹².

Библиотека-читальня имени Н. К. Михайловского и канцелярия Пантелеимоновского общества трезвости разместились в двухэтажном флигеле усадьбы Мягковых, в котором жили А. В. и А. Г. Перелешины*.

За короткое время библиотека-читальня стала весьма популярной в округе. Наряду с селищенцами её читателями стали и жители окрестных селений — Спасской и Никольской слобод, деревень Коряково, Козелино, Пантусово, Пепелино, Дербино и других. В 1906 году библиотеку регулярно посещало 520 читателей (а всего посещений за год было 11160). Собственно библиотека работала ежедневно по 3 часа, с 17 до 20 часов вечера в будни, и с 12 до 15 часов в праздничные дни. Читальня же, в которой имелся богатый выбор тогдашних газет и журналов, работала ежедневно с 10 часов утра до 10 часов вечера. В библиотеке периодически устраивали чтения с демонстрацией «туманных картин» (диапозитивов), так в 1906 году были публично прочтены «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Князь Серебряный» А. К. Толстого²¹³. Вдумаемся в суть того, что сделала А. Г. Перелешина. Открыть в своем доме библиотеку-читальню, в значительной степени состоящую из своих же собственных книг, которая будет работать ежедневно с десяти утра до десяти вечера, — так, конечно, могла поступить только истинная народница, беззаветно преданная идеалам народного просвещения.

Наряду с о. Василием Вознесенским с беседами в библиотеке регулярно выступали и другие священники, в частности, о. Василий

* Современный адрес: Приречный проезд, д. 9.

Соколов, законоучитель Костромской гимназии и настоятель гимназической церкви Сошествия Святого Духа на Апостолов²¹¹. Вплоть до революции 1917 года численность Пантелеимоновского общества трезвости, действовавшего в Александро-Антониновском приходе, неуклонно росла. В 1908 году в нем состояло 70 человек²¹⁵, к 1911 году – 120²¹⁶, в 1913 году – 225²¹⁷. Начавшаяся в 1914 году война с Германией парализовала работу общества, а грянувшая затем революция положила ему конец.

Всю осень 1905 года в Костроме шли забастовки участники которых наряду с экономическими, всё чаще выдвигали политические требования. В октябре в городе начал действовать руководимый социал-демократами Костромской Совет рабочих депутатов, обособившийся в Народном доме на Власьевской улице. 30 ноября 1905 года забастовали и рабочие лесопильных заводов М. В. Страшнова и В. Х. Афанасьева в Селище, выдвинувшие ряд экономических требований (в частности, сокращения длительности рабочей смены до 10 часов). Забастовка продолжалась только один день, к вечеру 30 ноября между забастовщиками и владельцами заводов было достигнуто соглашение, по которому продолжительность рабочей смены осталась прежней, но рабочие получали прибавку в 10-20% к заработной плате. В 10 часов вечера того же дня работа на обоих заводах возобновилась²¹⁸.

В 1905-1907 гг. живший по преимуществу в Селище А. В. Перелешин играл видную роль в политической жизни нашей губернии. Являясь с февраля 1904 года Костромским уездным предводителем дворянства, он, по-видимому, уже в начале 1906 года стал членом только что образованной конституционно-демократической (кадетской) партии. Как известно, кадеты вместо того, чтобы использовать появившиеся после Манифеста 17 октября 1905 года возможности для созидательной работы, не считаясь с реальностью, непрерывно требовали проведения самых радикальных реформ, чем раскачивали лодку российской государственности и объективно содействовали крайним революционным силам. Современный историк А. Н. Боханов пишет о кадетях: «Выразители “чаянный несчастной России” из числа интеллектуальной элиты всё еще видели “угрозу свободе” там, где её уже не было, боролись с теми, с кем во имя будущего, во имя спасения и себя, и страны, надлежало заключать долговременное перемирие»²¹⁹. В марте 1906 года А. В. Перелешин был избран от Костромского губернского земства членом Государственного Совета²²⁰, ставшего после Манифеста 17 октября 1905 года верхней

*А. Г. Мягков и В. В. Мяглова (урожденная Савинкова).
Фото 1906 г.*

палатой российского парламента. Однако в Государственном Совете бывший военный моряк заседал недолго. Сразу после роспуска I Государственной Думы, случившегося 9 июля 1906 года, А. В. Перелешин в знак протеста против этого сложил с себя обязанности члена Государственного Совета (вместе с ним Совет покинули еще четыре члена, в том числе и будущий академик В. И. Вернадский)²²¹.

Весьма заметную роль в политической жизни нашего края в 1906-1907 гг. играл и вернувшийся в Селище с Русско-Японской войны А. Г. Мягков. 8 января 1906 года в Петербурге состоялась его свадьба — он женился на Вере Викторовне Савинковой (1871-1942 гг.), старшей сестре печально знаменитого эсера-террориста Б. В. Савинкова и племяннице (по матери) известного художника-передвижника Н. А. Ярошенко²²². В. В. Савинкова преподавала французский язык в гимназии Стоюниной в Петербурге. С началом Русско-Японской войны она в качестве сестры милосердия поехала на Дальний Восток, где, видимо, и познакомилась с А. Г. Мягковым. Через несколько дней после свадьбы молодые супруги приехали в Селище. Скорее всего, на родину А. Г. Мягков прибыл уже членом партии кадетов*.

* В ряде краеведческих публикаций А. Г. Мягков ошибочно именуется членом партии эсеров.

В среде либеральной костромской интеллигенции влиятельный племянник Н. К. Михайловского занял позицию на левом политическом фланге. Его публичный политический «дебют» в Костроме состоялся уже 24 января 1906 года, в первый день работы Чрезвычайного губернского дворянского собрания, когда А. Г. Мягков, «указывая на произвол, чинимый правительством после манифеста 17 октября, — массовые обыски, аресты и проч.», предложил «собранию обратиться к Государю Императору с всеподданнейшим адресом, прося Его Величество о немедленной отмене повсеместно военного положения и усиленной охраны и скорейшем созыве народных представителей»²²³ (в числе поддержавших предложение А. Г. Мягкова был и А. В. Перелешин, но большинство собрания его отклонило).

Через два месяца на другом Чрезвычайном губернском дворянском собрании, состоявшемся 13 марта 1906 года и посвященном выборам от дворянства губернии двух членов Государственного Совета, А. Г. Мягков вновь очень резко выступил, заявив, что «по его мнению, новое учреждение Государственного Совета находится в противоречии с основами манифеста 17 октября и, представляя собой привилегии для дворянства в ущерб прочим классам и сословиям, является крайне нежелательным, почему он и полагал бы, что костромское дворянство (...) должно отказаться в данном случае от избрания выборщиков в Совет»²²⁴. Когда подавляющим большинством голосов его предложение было отклонено, А. Г. Мягков заявил, что он отказывается от участия в выборах, и демонстративно покинул собрание (вместе с ним ушли еще 8 человек, в том числе и А. В. Перелешин)²²⁵.

В 1906-1907 гг. А. Г. Мягков был одним из редакторов костромской кадетской газеты «Костромич» (он редактировал её до мая 1907 года, когда власти закрыли газету). Как писалось выше, благодаря своему браку А. Г. Мягков породнился с одним из самых знаменитых террористов начала XX века — Борисом Викторовичем Савинковым (1875-1925 гг.). В то время Б. В. Савинков являлся заместителем руководителя Боевой организации партии эсеров и был организатором ряда громких актов политического террора, среди которых наиболее известны убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, неоднократные попытки покушения на императора Николая II. Не сохранилось сведений о том, приезжал ли Савинков в усадьбу Мягковых, и традиционно считается, что он в ней не бывал. Однако такой

выдающийся специалист по истории костромского дворянства, как А. А. Григоров, в беседе с автором этих строк допускал возможность посещения Селища Б. В. Савинковым. Как известно, Савинков был женат на дочери бывавшего в селищенской усадьбе писателя Глеба Успенского, Вере Глебовне. В любом случае, имя этого вышедшего из народнической среды террориста с 1906 года неразрывно связано с обитателями усадьбы Мягковых. Более того, А. А. Григоров также рассказывал, что видел в архивном фонде губернского жандармского управления бумагу, которой Костромское управление извещалось, что в усадьбе Мягковых в Селище предполагается появление бежавшего с каторги социалиста Иосифа Пилсудского — в то время одного из руководителей польских террористов, будущего маршала и главы польского государства.

В конце 1906 года в семье А. Г. и В. В. Мягковых родился первенец — дочь Лидия²²⁶. И никто тогда — ни молодые родители, ни бабушка и тетки, и подумать не могли, что через 14 лет Лидия вместе с родителями будет вынуждена навсегда покинуть родину, которую больше никогда не увидит, будет жить в Польше, Чехословакии и умрет во Франции*.

Вернувшийся в Селище после своей демонстративного ухода в июле 1906 года из Государственного Совета А. В. Перелешин волной продолжающейся революционной смуты вскоре был вознесен на один из высших постов в нашей губернии, став исполняющим обязанности губернского предводителя дворянства. Произошло это при следующих обстоятельствах. Как известно, после разгона I Государственной Думы большинство оппозиционных депутатов, собравшись в Выборге, приняло так называемое Выборгское воззвание, содержащее призыв к населению страны к отказу от уплаты налогов и исполнению воинской повинности. Вскоре все подписавшие воззвание были отданы под суд, а депутаты-дворяне исключены из дворян-

* В том же 1906 году произошло и пополнение семьи Купреяновых. Кажется, все три сына Н. Н. и М. Г. Купреяновых появились на свет далеко от Костромы, но их единственная дочь Елизавета родилась 6 августа 1906 года в Селище. 13 августа в Александро-Антопиновской церкви состоялось её крещение. Таинство совершил о. Василий Вознесенский, а восприемниками девочки стали её дядя и бабушка — «проживающие в селе Селищах Костромского уезда дворяне: отставной капитан 2-го ранга А. В. Перелешин и вдова действительного статского советника Е. К. Мягкова»²²⁷.

ских собраний своих губерний. В конце ноября 1906 года Костромское губернское дворянское собрание по инициативе губернского предводителя дворянства П. В. Шулепникова приняло 9 бывших депутатов-дворян во главе с бывшим председателем Думы С. А. Муромцевым в состав костромского дворянства. Разумеется, это вызвало большой политический скандал*. В связи с этим в конце ноября 1906 года П. В. Шулепников был отстранен от должности губернского предводителя дворянства и отдан под суд. В «исправление должности» губернского предводителя вступил А. В. Перелешин, оставивший в связи с этим должность Костромского уездного предводителя (исполнять обязанности последнего стал сын Г. Н. Ратькова — Н. Г. Ратьков)²²⁸. Таким образом, А. В. Перелешин вошел в традиционную тройку первых лиц губернии (губернатор, губернский предводитель и архиерей). 10 февраля 1907 года А. В. Перелешин был избран депутатом II Государственной Думы от Костромской губернии²²⁹, после чего он сложил с себя исполнение обязанностей губернского предводителя. Однако II Думу, начавшую свою работу 20 февраля, по инициативе председателя Совета Министров П. А. Столыпина распустили уже 3 июня 1907 года, и, вернувшись в Кострому, А. В. Перелешин вновь вступил в исправление должности губернского предводителя.

Смута в стране постепенно стихала, но революционные настроения проявлялись еще долго: в Селище они имели место даже в Александров день 1907 года. По сообщению газеты «Поволжский вестник», 10 июня 1907 года, в престольный праздник, в село, как и всегда, «стеклась масса гуляющей публики, большей частью люд фабричный». Как отмечалось в газете, «день прошел спокойно, можно было только слышать, что где-либо кампания молодежи пропоеет, хотя и не стройно, но громко: «Вставай, поднимайся, рабочий народ» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Но крестьяне, слушая эти песни ежедневно, не обращали внимания»²³⁰.

Во время событий 1905-1906 гг. Костромская губернская земская управа, одним из членов которой являлся А. В. Перелешин, занимала весьма революционную позицию. На средства управы, в частности, в 1906 году было издано вышеупомянутое Выборгское воззвание. Когда волны революции стали спадать, губернские власти реши-

* Постановление Костромского дворянского собрания о приеме 9 бывших депутатов в состав костромского дворянства Правительственный Сенат отменил своим указом от 4 июня 1907 года.

ли свести счеты с земцами. В начале октября 1907 года был отстранен от должности председателя губернской земской управы И. В. Шулепников — один из лидеров костромской земской оппозиции. В середине октября 1907 года, по-видимому, в знак протеста против смещения И. В. Шулепникова, А. В. Перелешин подал губернатору А. П. Веретенникову прошение об отставке с поста губернского предводителя дворянства. 26 октября распоряжением губернатора он — «по болезни» — был уволен от должности²³¹. В ноябре 1907 года А. В. Перелешин в качестве делегата от Костромского комитета партии кадетов участвовал в пятом съезде партии в Гельсингфорсе (Хельсинки)²³². В конце ноября 1907 года бывший председатель Костромской губернской земской управы и трое членов управы, в том числе и А. В. Перелешин, были преданы суду по обвинению в распространении «среди населения литературы нелегального содержания». Особое присутствие Московской судебной палаты на заседании в Костроме 16 декабря 1907 года фактически признало всех подсудимых невиновными²³³. Вокруг суда над всем составом бывшей губернской земской управы был поднят большой шум, однако одной из самых пострадавших от этого дела оказалась А. Г. Перелешина. В конце 1907 года она была арестована и по распоряжению губернатора А. П. Веретенникова на два года выслана в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции. К сожалению, подробности нам неизвестны, так как в фондах губернского жандармского управления дела о высылке А. Г. Перелешинной не сохранилось, сама Анна Геннадьевна потом писала, что подверглась высылке «за свою близость с революционной молодежью»²³⁴. В истории нашего края этот случай является уникальным: ведь административной высылке подлежала супруга человека, занимающего (или только-только оставившего) должность губернского предводителя дворянства.

В том же 1907 году на несколько лет из Селища не по своей воле исчез и М. В. Задорин. В 1906 году во время призыва в армию он в волостном правлении в Корякове не снял шапку перед портретом царя. В начале 1907 года Московская судебная палата приговорила его за это к месяцу тюрьмы. Выйдя весной на свободу, М. В. Задорин вернулся в Селище и поселился у товарища. 1 мая 1907 года под его руководством в Селище произошла стачка сапожников (в советское время, стесняясь того, что большевик Задорин поднял на борьбу за свои права сапожников, её обычно называли забастовкой рабочих). Вскоре он был вновь арестован и сослан на три года в Холмогоры в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции²³⁵.

В начале 1908 года из Селища уехал и А. Г. Мягков: со своей семьей он перебрался в Пермскую губернию, где стал служить заведующим хозяйством Камско-Воткинского горного округа и завода²³⁶.

В период, наступивший после потрясений 1905-1907 гг., власти повсеместно принялись за ликвидацию многого из вошедшего в жизнь в эпоху первой русской революции. Одной из жертв этой политики стало посвящение библиотеки-читальни в Селище Н. К. Михайловскому. Нам не удалось выяснить, когда именно и при каких обстоятельствах библиотека утратила своё посвящение, но, вероятнее всего, это произошло в 1908 году, в то время, когда А. Г. Перелешина находилась в ссылке, а А. В. Перелешин ушел с поста губернского предводителя дворянства в отставку (борьба за возвращение библиотеке её посвящения Н. К. Михайловскому вновь развернулась через несколько лет, о чем чуть ниже).

Уйдя со службы, А. В. Перелешин столкнулся с материальными трудностями: за распространение «Выборгского воззвания» он был судом лишен пенсии²³⁷. Чтобы свести концы с концами, он занялся предпринимательством: вместе с А. Э. Жадовским в 1908 году А. В. Перелешин создал близ Буя древесно-химический завод «Хвоя», на котором из сосновой хвои вырабатывались сосновый экстракт и сосновое масло²³⁸. А. В. Перелешин скончался 8 апреля 1910 года в своем имении, усадьбе Покровское в Буйском уезде, где и был погребен²³⁹. Господь уберег А. В. Перелешина от судьбы многих его товарищей по кадетской партии, левых земцев и депутатов первых четырех Государстве иных Дум, в каком-то ослеплении борющихся с «ненавистным самодержавием». В отличие от большинства из них, ставших после 1917 года жертвами большевистского террора или окончивших свои дни в эмиграции на чужбине, он не дождал до «освобождения России». А. Г. Перелешинной было суждено пережить своего супруга на 39 лет, она скончалась в Костроме в 1959 году.

Страшные картины первой русской революции произвели отрезвление у наиболее духовно чуткой части русской интеллигенции, следствием чего стал выход в 1909 году знаменитого сборника «Вехи», на страницах которого часто упоминалось и имя Н. К. Михайловского. На протяжении десятилетий в народнической и либеральной литературе это имя обычно произносилось почти с благоговением. В «Вехах» же впервые прозвучал серьезный негативный отзыв о недавнем «властителе дум». Философ Н. А. Бердяев отнес Н. К. Михайловского, наряду с Н. Г. Чернышевским, Д. И. Писаре-

вым и П. Л. Лавровым, к числу классических «философов интеллигенции», отметив, что он «был философом по интересам мысли и по размаху мысли, хотя и без настоящей школы и без настоящих знаний»²⁴⁰. Н. А. Бердяев дал общую характеристику кумиров русской революционной интеллигенции, в том числе и Н. К. Михайловского, в следующих строках: «У интеллигенции всегда были свои кружковые, интеллигентские философы и своя направленная философия, оторванная от мировых философских традиций. Эта доморощенная и почти сектантская философия удовлетворяла глубокой потребности нашей интеллигентской молодежи иметь “миросозерцание”, отвечающее на все основные вопросы жизни и соединяющее теорию с общественной практикой. Потребность в целостном общественно-философском миросозерцании — основная потребность нашей интеллигенции в годы юности, и властителями её дум становились лишь те, которые из общей теории выводили санкцию её освободительных общественных стремлений, её демократических инстинктов, её требований справедливости во что бы то ни стало»²⁴¹. В другом месте Н. А. Бердяев продолжил: «...интеллигенция всегда охотно принимала идеологию, в которой центральное место отводилось проблеме распределения и равенства, а всё творчество было в загоне, тут её доверие не имело границ. К идеологии же, которая в центре ставит творчество и ценности, она относилась подозрительно, с заранее составленным волевым решением отвергнуть и изобличить. Такое отношение загубило философский талант Н. К. Михайловского...»²⁴².

Известно, что в революционных кругах «Вехи» были восприняты как измена всем традиционным идеалам интеллигенции. Мы не знаем, как восприняли эту книгу близкие Н. К. Михайловского в Селище, но, скорее всего, их реакция на «Вехи» была такой же.

Летом 1910 года Костромская губерния, как почти и всё Поволжье, была поражена сильной эпидемией холеры. Холера поразила и Кострому, и многие уезды нашей губернии, в том числе и селения Александро-Антониновского прихода. «В нынешнем году Господь посетил прихожан наших эпидемической болезнью — азиатскую холерою»²⁴³ — записал о. Василий Вознесенский в «Летописи» за 1910 год. Эпидемия поразила наш край в конце июля, и продолжалась до начала сентября. Наличного земского медперсонала не хватало, и значительная часть населения пораженных районов оказалась лишена какой-либо врачебной помощи. Костромское уездное земство вынуждено было спешно открывать временные холер-

ные бараки, и призвало на помощь немногочисленным земским врачам всех имеющих медицинский опыт. С первых дней прихода холеры недавно вернувшаяся из ссылки А. Г. Перелешина в качестве сестры милосердия мужественно приняла участие в борьбе с эпидемией в Селище и окрестных деревнях. В целом по губернии холера унесла жизни 1773 человек, из них 812 — в Костромском уезде²⁴⁴. В Александро-Антониновском приходе в июле-августе 1910 года от эпидемии умерло 18 человек²⁴⁵, и в том, что это число не стало больше, безусловно, есть заслуга А. Г. Перелешинной.

Вернувшись в Селище из ссылки, А. Г. Перелешина столкнулась с тем, что открытая ею в 1905 году библиотека-читальня лишилась своего посвящения Н. К. Михайловскому. Естественно, что она не могла смириться с этим и начала бороться за возвращение библиотеке имени своего дяди. Однако то, что А. Г. Перелешинной — супруге Костромского уездного предводителя дворянства — удалось добиться в революционной ситуации 1905 года, спустя пять лет оказалось делом несравненно более трудным. Столкнувшись с упорным сопротивлением губернских властей, Анна Геннадьевна решила вывести селищенскую библиотеку из ведения Костромского уездного комитета попечительства о народной трезвости и передать её Костромскому обществу образования, также занимавшемуся открытием народных библиотек. В начале 1911 года А. Г. Перелешина обратилась в это общество, одним из основателей которого в 1907 году был А. В. Перелешин, предложив ему «воспользоваться тем помещением и теми книгами, которые были в её распоряжении, для предложенной несколько времени тому назад к открытию, но по административным соображениям не открытой библиотеке-читальне в с. Селище в память Н. К. Михайловского»²⁴⁶. Однако, несмотря на поддержку общества образования, власти вновь не разрешили вернуть библиотеке имени знаменитого публициста.

9 октября 1911 года библиотека-читальня в Селище, перешедшая в ведение Костромского общества образования, была вновь открыта без её посвящения памяти Н. К. Михайловскому. В этот воскресный день после богослужения в Александро-Антониновской церкви в библиотеке-читальне о. Василий Вознесенский вместе с церковным хором отслужил молебен с провозглашением многолетия «строителям и ревнителям народного просвещения», а затем — панихиду по А. В. Перелешину. После панихиды о. Василий произнес слово о значении библиотеки для местных жителей и об одном из создателей

библиотеки, покойном А. В. Перелешине. По сообщению костромской газеты, отец настоятель «рекомендовал слушателям записать имя его в поминальник за упокой, а за его супругу (А. Г. Перелешину — Н.З.) молиться за здравие»²⁴⁷. Официально обновленную библиотеку-читальню открыл председатель Костромского общества образования Б. Н. Клириков. С большой речью, посвященной памяти А. В. Перелешина, к собравшимся обратился Н. А. Огородников — присяжный поверенный, лидер костромских кадетов, бывший депутат I Государственной Думы, подписавший при разгоне её пресловутое Выборгское воззвание. В своей речи Н. А. Огородников, в частности, сказал: «По своим убеждениям Александр Васильевич был кадет. Он не был вождем, но всегда был в первых рядах. С ним приятно было работать, так как он делал всегда хорошее честное дело. Когда Александр Васильевич был избран в Государственный Совет, оратору, как члену первой Государственной Думы, часто приходилось видеть его худое бледное лицо в заседаниях Государственной Думы и именно в такие моменты, когда всего сильнее обострялась борьба. Всем своим существом покойный был на стороне народа в этой напряженной борьбе. После роспуска первой Государственной Думы Александр Васильевич один из четверых членов Государственного Совета в виде протеста сложил с себя звание члена Совета. Он не мог помириться с неожиданным роспуском первой Думы, Думы народных надежд. Затем его избрали депутатом 2-й Государственной Думы. Это было счастьем и гордостью Александра Васильевича, но в то же время это избрание было как бы сигналом, по которому посыпались на голову покойного разного рода беды (...). Великая честь, если над могилой скажут «то был человек». Но здесь приходится сказать, что А. В. Перелешин был человеком кристальной чистоты, и закончить, исповедуя: блаженны чистые сердцем, они назовутся лучшими сынами народа, и память о них пребудет вовеки»²⁴⁸. Последним выступил член правления общества образования В. В. Аристов. Обращаясь к присутствующим членам Совета библиотеки — председателю Костромской губернской земской управы Б. Н. Зузину*, Е. К. Мягковой и А. Г. Перелешинной, он сказал: «Вы, Борис Николаевич, Ели-

* Бориса Николаевича Зузина (1868 — после 1917 гг.) связывали с владельцами усадьбы Мягковых в Селище узы родства: он был женат на сестре Н. Н. Купреянова (старшего), Елизавете Николаевне Купреяновой.

завета Константиновна и Анна Геннадьевна, постарайтесь, чтобы выбор книг давал интерес, чтобы он отвечал потребностям населения и книга не отпугивала простых читателей; необходимо, чтобы книга давала полезные знания; чтобы газеты были здесь честные, непродажного направления; чтобы при выходе отсюда у народа складывались новые песни, не те печальные, которые он поет теперь»²⁴⁹.

В последующие годы библиотеку содержали общество образования и уездное земство, а А. Г. Перелешина по-прежнему работала в ней заведующей. Нам не удалось точно установить, когда библиотеке было возвращено её посвящение Н. К. Михайловскому*, но, вероятнее всего, это произошло в начале 1914 года, когда либеральная общественность отмечала 10-летие со дня смерти своего недавнего кумира. Масштаб чествования памяти «властителя дум» в печати был настолько широк, что костромские власти, по-видимому, сочли неудобным возражать против возвращения библиотеке имени знаменитого земляка (к тому же бывшая оппозиционность Н. К. Михайловского в новых условиях уже не казалась такой опасной). Правда, как мы увидим ниже, имя Н. К. Михайловского многострадальной библиотеке и на этот раз довелось носить только несколько лет.

В начале XX века в Селище часто приезжала старшая дочь Мягковых — Мария Геннадьевна Мягкова (1866-1941 гг.). В начале 90-х годов XIX века Мария Геннадьевна, окончившая Петербургскую консерваторию по классу пения, вышла замуж за представителя старинного костромского дворянского рода Николая Николаевича Купреянова (1861-1925 гг.). Выпускник юридического факультета Петербургского университета Н. Н. Купреянов большую часть своей службы был связан с той частью Польши, которая входила в состав Российской империи (в разные годы он неоднократно приезжал в Селище). К началу I Мировой войны Н. Н. Купреянов стал губернатором Сувалкской губернии. Семья Купреяновых довольно сильно отличалась от семьи Перелешиных. Мария Геннадьевна была очень религиозна, и когда жила в Селище, постоянно посещала богослужения в Александро-Антониновской церкви.

С начала XX века с Селищем неразрывно связана судьба сына Николая Николаевича и Марии Геннадьевны Купреяновых — Николая Николаевича Купреянова (1894-1933 гг.), талантливо-

* В январе 1912 года правление Костромского общества образования особо постановило, чтобы библиотеке-читальне в Селище «было присвоено имя Н. К. Михайловского, когда это станет возможным»²⁵⁰.

*М. Г. и Н. Н. Купреяновы.
Фото конца XIX в.*

го художника, запечатлевшего Селище и селищенскую усадьбу во многих десятках работ. Н. Н. Купреянов родился 4 июля 1894 года в г. Влоцлавске (ныне г. Влоцлавек в Польше), где служил тогда его отец. До восьми лет он жил в Варшаве, а затем — в Петербурге. С раннего детства будущий художник каждое лето проводил в Селище, которое очень любил. Окончив в 1912 году Тенишевское училище, Н. Н. Купреянов пошел по стопам отца и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Однако художественная натура брала своё, и одновременно с университетом он тогда же поступил в частную художественную студию Д. Н. Кардовского. В молодости Н. Н. Купреянов был очень религиозен и часто посещал богослужения в обоих селищенских храмах. В декабре 1915 года в своем письме поэту А. А. Блоку он вспоминал: «Я был воспитан в духе весьма православном и с малых лет полюбил церковь. Она давала много переживаний религиозных и эстетических одновременно, и те, и другие счастли-

вым образом не противоречили друг другу. (...) Проводя лето всегда в деревне (имеется в виду Селище — Н.З.), много и далеко ходил, рисовал и был чуток к природе. И в то же время воспринимал её всегда под каким-то «церковным» углом зрения. Я любил (и теперь люблю) разные ирмосы и акафисты, и они всегда как-то звучали в душе, даже когда о них не думал. Увлекался Нестеровым и Лесковым, отчасти Печерским, потом Рерихом. (...) Было одно лето, что всё проездил по монастырям, рисовал старинную архитектуру, много имел дела со старообрядцами. Научился любить старые иконы. Большое влияние имела на меня одна наша девица, крестьянка (...), ходившая то в Соловки, то в Киево-Печерскую Лавру. Она тоже водила дружбу со староверами (она и свела меня с ними). Она часто у нас в девичьей читала мне Патерик, и мне были близки и понятны её переживания»²⁵¹.

С детских лет Н. Н. Купреянов наблюдал жизнь родных в отцовской и материнской семьях, столь непохожих друг на друга. Позднее он вспоминал: «В материнской семье идеи народничества окрашивали собой всё, до мелочей быта включительно, вплоть до языка. Эпитет «студенческий» в семье отцовской означал — «неблагонадежный». В материнской — это был синоним возвышенного и благородного»²⁵². Н. Н. Купреянов отмечал своеобразие столь любимого им старого дома в Селище, вся «атмосфера» которого определялась личностью Н. К. Михайловского. «Атмосфера эта, — вспоминал он, — сохранялась и после его смерти»²⁵³. «Средоточием» её для Н. Н. Купреянова являлась его тетка, А. Г. Перелешина, о которой художник писал: «Она была верной ученицей своего дяди, в ранней молодости ходила в народ, работала на холерной эпидемии, устроила в имени библиотеку и больницу для крестьян, и в 1907-1910 гг. подверглась административной высылке. Она строила жизнь, подчиняясь идеям, и готова была ради них нарушать приличия»²⁵⁴.

В начале XX века, когда в краткий период, оставшийся до революции, образованное русское общество открыло для себя красоту старинной русской церковной архитектуры и иконописи, красоту строев эпохи классицизма, об одном из двух храмов Селища — храме Василия Блаженного, гармонично сочетавшего монументальность и изящество, не раз писал известный искусствовед Г. К. Лукомский. В одной из лучших книг о Костроме, вышедшей в Петербурге в 1913 году, он писал: «Часовня* в стиле Empire в Селище — очень

* Г. К. Лукомский ошибочно принял небольшой храм Василия Блаженного за часовню.

*Александрo-Антониновский храм.
Фото 1911 г.*

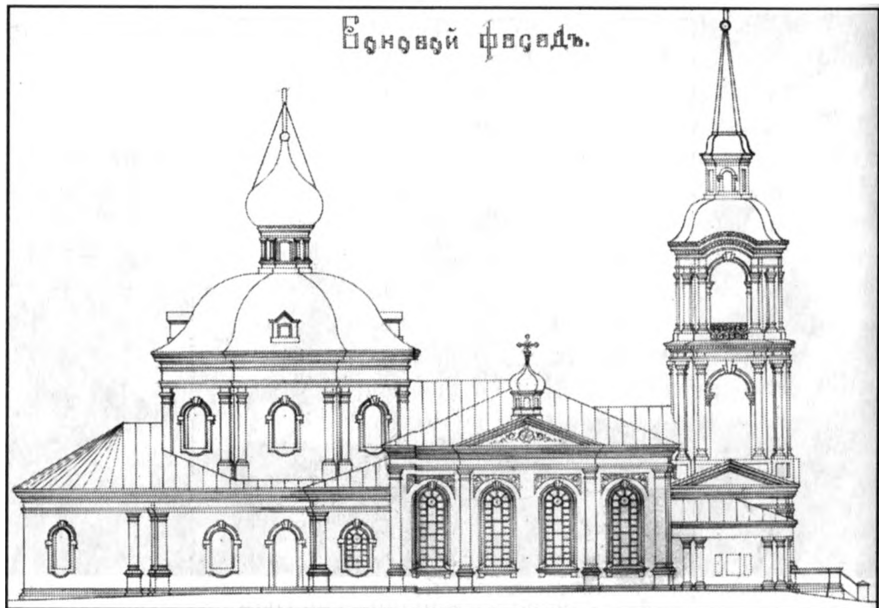
красивый храм крестового плана классических форм, украшенный портиком, четырьмя дорическими колоннами, и покрытый куполом»²⁵⁵. Последняя глава книги («Заключение») была иллюстрирована художественными заставками, на трех из которых Г. К. Лукомский с разных точек запечатлел Святые (восточные) ворота ограды Александрo-Антониновской церкви²⁵⁶.

Летом 1914 года Н. Н. Купреянов перевез в Селище из родовой усадьбы Купреяновых Патино в Солигаличском уезде фамильную библиотеку. Эту библиотеку еще в начале XIX века начал собирать его прадед А. Я. Купреянов (1786-1860 гг.) — военный моряк, капитан II ранга, примыкавший к известному кружку «Беседа любителей русской словесности», созданному адмиралом А. С. Шишковым и поэтом Г. Р. Державиным²⁵⁷. Тем самым, Н. Н. Купреянов спас значительную часть библиотеки* (безусловно, что, оставшись в Патине, она, скорее всего, погибла бы в годы революции).

После прогремевших, как грозное предостережение, бурь первой русской революции Россия пережила продолжавшийся, правда, не-

* Часть фамильной библиотеки Купреяновых ныне находится в фонде редких изданий областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской²⁵⁸.

Боковой фасадъ.

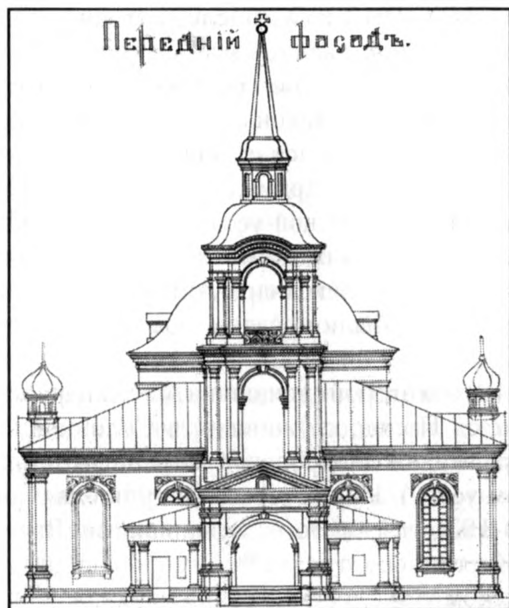

*Один из вариантов проекта перестройки
Александрo-Антониновской церкви. Боковой фасад.
Архитектор Н. И. Горлицын. 1912 г.*

долго, период подъема и обновления во многих сферах жизни. Обновление коснулось и Александрo-Антониновской церкви, в которой всё предшествующее революции 1917 года десятилетие почти непрерывно велись работы по украшению храма (по их размаху селищенская церковь в предреволюционный период, кажется, не имела себе равных в Костроме и уезде).

В 1906 году на пожертвования для храма была приобретена написанная на Афоне икона Божией Матери «Скоропослушница»*, для которой изготовили особый киот²⁵⁹. В 1908 году взамен прежнего, изготовленного в 80-е годы XVIII века, в храме установили новый большой четырехъярусный иконостас, в чьих двух верхних ярусах поместили вновь написанные иконы. В 1909-1910 гг. иконостас был позолочен, а в 1910 году позолота украсила ризы на всех иконах первого и второго ярусов, в том числе и на престольном образе святых мучеников Александра и Антонины²⁶⁰. В 1909 году были расписаны

* До сих пор эта икона является одной из наиболее почитаемых в Александрo-Антониновской церкви.

*Передний фасад.
Архитектор Н. И. Горлицын. 1912 г.*

живописью стены теплого храма, остававшиеся нерасписанными с конца 70-х годов XIX века, а в летнем храме повешено большое изящное паникадило на шестьдесят свечей, которое и поныне украшает бывший холодный храм. В том же году заблистали червонным золотом четыре венчающие храм креста — на колокольне, на центральной главе и на двух главках приделов. 15 августа 1909 года, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, при большом стечении народа их торжественно освятили и водрузили на свои места²⁶¹. Значительная часть работ по обновлению и украшению храма была произведена на средства старосты Г. И. Скрипкина*.

В 1910 году в летнем Александро-Антониновском храме пол выложили новыми красивыми плитками (они служат и поныне), и тогда же в теплом храме повесили сохранившееся до наших дней большое позолоченное паникадило на 53 свечи²⁶³. Большие работы были про-

* Г. И. Скрипкин скончался в 1910 году и взамен его церковным старостой был избран селищенский крестьянин Николай Дмитриевич Бодрин, остававшийся на этой должности вплоть до революции 1917 года²⁶².

изведены в церкви в 1913 году, последнем довоенном году старой России, когда произошло расширение алтарных частей обоих придельных храмов — Ильинского и Георгиевского²⁶⁴ (автором проекта перестройки являлся костромской архитектор Н. И. Горлицын).

1 ноября 1911 года скончался давний жертвователь и украстель Александро-Антониновского храма Г. Н. Ратьков*. Отпевание бывшего председателя Костромской уездной земской управы Костромского уездного и губернского предводителя дворянства состоялось 4 ноября 1911 года в Александро-Антониновской церкви, после чего останки усопшего были преданы земле на приходском кладбище^{265**}.

В январе 1912 года второй священник Александро-Антониновского храма о. Всеволод Попов, служивший в Селище с 1907 года, был переведен настоятелем Покровской церкви, что на реке Кубани (в Костромском уезде). На его место заступил священник о. Иоанн Гарский (1869-1935 гг.), до того служивший во Введенской церкви в с. Ряполове Костромского уезда²⁶⁶. Отец Иоанн родился в с. Широково в Ветлужском уезде в семье священника, в 1892 году он окончил Костромскую духовную семинарию. 12 февраля 1893 года состоялось его рукоположение во священника Богородицкой церкви в с. Озарникове Чухломского уезда. В 1904 году о. Иоанн был переведен в Никольскую церковь в с. Верховье Солигаллического уезда, а в 1908 году — во Введенскую церковь с. Ряполова Костромского уезда. В Селище вплоть до революции он также служил законоучителем в Коряковском земском училище²⁶⁷. В Александро-Антониновской церкви о. Иоанн Гарский прослужил свыше двадцати лет, в 1934 году став её настоятелем.

В начале 10-х годов XX века Александро-Антониновский приход вместе со всей Россией отпраздновал целый ряд важных исторических юбилеев. В 1911 году широко отмечалось 50-летие отмены крепостного права. 20 февраля 1911 года в волостном правлении в Корякове причт Александро-Антониновского храма во главе с о. Василием Вознесенским совершил молебен пред иконой святого благоверного великого князя Александра Невского (Ангела императора Александра II) и отслужил панихиду по убитому царю-освободителю²⁶⁸.

* Незадолго до кончины Г. Н. Ратьков продал свою усадьбу в Селище Козловым, владевшим ею до 1918 года.

** Могила Г. Н. Ратькова до нашего времени не сохранилась.

В 1912 году праздновалось 100-летие Отечественной войны 1812 года. 26 августа 1912 года, в день Бородинского сражения, и 11 октября, в день ухода Наполеона из Москвы, в Александро-Антониновской церкви были совершены торжественные богослужения и молебны²⁶⁹. В 1913 году в Александро-Антониновском храме, как и во всей Костроме, отмечалось 300-летие царствования Дома Романовых. 21 февраля 1913 года, в день избрания Земским собором российским государем Михаила Феодоровича Романова, о. Василий Вознесенский после Божественной литургии отслужил в честь этого исторического события благодарственный молебен²⁷⁰. 19 мая 1913 года, в воскресенье, в день, когда в Кострому по Волге должна была прибыть царская флотилия, следующая путем ополчения Минина и Пожарского из Нижнего Новгорода до Ярославля, рано утром многолюдный крестный ход с иконами проследовал из храма на берег Волги. Ровно в 9 часов утра головной пароход флотилии «Межень», на котором находилась вся царская семья во главе с императором Николаем II, вступил в черту города. В ту же минуту артиллерийская батарея, находившаяся близ села Городище, дала первый залп артиллерийского салюта. Одновременно начался торжественный перезвон всех церквей Костромы. В общий перезвон влился и звон колоколов Александро-Антониновского храма. Когда царский пароход, направлявшийся к специальной пристани на Стрелке возле Ипатьевского монастыря, поравнялся с Селищем, о. Василий Вознесенский осенил его крестом²⁷¹.

Вечером 20 мая от Стрелки напротив Селища царская флотилия во главе с «Меженью» отправилась из Костромы вверх по Волге — к Ярославлю. В момент отправления флотилии ударили в большой колокол в Ипатии, и тотчас начался торжественный перезвон всех костромских храмов, в том числе и Александро-Антониновской церкви. Множество селищенцев с берега Волги наблюдало в сгущающейся темноте длинную линию пароходных огоньков, вытягивающихся вверх по течению реки...

10 июня 1914 года в Селище прошел престольный праздник — Александров день. Как и всегда, в село приехало множество гостей из окрестных деревень, из города. После торжественной Божественной литургии, совершенной о. Василием Вознесенским, в Селище состоялось традиционное народное гулянье, хотя костромская газета и отметила, что в этот раз оно носило «скромный» характер²⁷². И никто из селищенцев, конечно, не мог и предположить, что празднуемый

ими Александров день — последний в их мирной, довоенной и дореволюционной жизни.

Через пять дней, 15 июня 1914 года, в далеком боснийском Сараеве прогремели роковые выстрелы, унесшие жизнь наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Через месяц после них Европа превратилась в невиданное по масштабам поле битвы.

24 июня в жизни Александро-Антониновского прихода состоялось важное событие: в этот день в д. Дербино о. Василий Вознесенский с другими членами причта совершил освящение «новоустроенной» деревянной часовни²⁷³.

Лето 1914 года выдалось необычайно жарким и сухим. Вокруг Костромы горели леса и торфяные болота, застилая горизонт густым черным дымом... В июне-июле 1914 года в связи с сильной засухой и бездождем причт Александро-Антониновской церкви неоднократно — и в храме, и в селениях прихода — совершал молебны о ниспослании дождя²⁷⁴. Однако дождей всё не было и не было. Незадолго же до Ильина дня — престольного праздника Александро-Антониновской церкви — над Россией разразилась небывалая, невиданная еще в мировой истории гроза...

Очевидец так описывает день фактического начала I Мировой войны в костромских селах и деревнях — 18 июля 1914 года, когда в России началась всеобщая мобилизация: «Был жаркий летний день, все были в поле, а в деревне никого почти не было, кроме ребят, когда на пыльной деревенской улице появился рассыльный из волостного правления и, стуча палкой под окнами, начал созывать сход. (...) Через несколько часов после появления рассыльного на полях не оставалось уже никого — начались сборы запасных, приготовление лошадей на сборные пункты. А через три дня мобилизованных уже сажали в вагоны»²⁷⁵. То же самое происходило в этот день в Селище и в окрестных приходских деревнях. 19 июля 1914 года, в день преподобного Серафима Саровского, Германия объявила России войну. 20 июля в разгар мобилизации Селище отмечало престольный праздник — Ильин день. Храм в этот день был переполнен мобилизованными и провожающими их близкими. Через несколько дней, перед богослужением, о. Василий Вознесенский зачитал прихожанам Высочайший манифест об объявлении Германией войны нашей стране. Под плач матерей, жен и детей мужики покидали родные места,

многие из них — навсегда. В числе ушедших на фронт из Селища в первые дни войны находился и молодой крестьянин Иван Иванович Костин (1890-1971 гг.) — будущий многолетний настоятель Александро-Антониновского храма протоиерей Иоанн Костин (в монашестве — игумен Игнатий)²⁷⁶. По свидетельству о. Василия Вознесенского, молодые прихожане уходили в армию «с охотой и усердием», и среди них «почти не слышно было никакого ропота и никакого озлобления»²⁷⁷. Как известно, одновременно с началом мобилизации повсеместно была запрещена торговля алкогольными напитками*. Отец Василий отметил в «Летописи», что этот запрет оказал на прихожан «самое благоприятное воздействие в религиозно-нравственном отношении»²⁷⁸. На фронт был мобилизован и большевик М. В. Задорин. Когда началась война, он принял участие в организации антивоенного митинга в лесу под Костромой. Вскоре его арестовали, и после трехмесячного тюремного заключения Задорин был призван в действующую армию (в советское время о том, что будущий председатель Губчека участвовал в «империалистической» войне, упоминали весьма неохотно)²⁷⁹.

Уже в первые месяцы войны в тыловые губернии, в том числе и в Кострому, с фронта хлынули потоки раненых. Повсюду открывались госпитали и лазареты. Медицинского персонала не хватало, по линии общества Красного Креста началась ускоренная подготовка сестер милосердия — и для фронта, и для тыловых госпиталей. Имевшая большой медицинский опыт А. Г. Перелешина в это время поступила так, как только и мог поступить человек с её убеждениями. По воспоминаниям старожилов, уже в 1914 году Анна Геннадьевна пошла работать сестрой милосердия в один из костромских лазаретов.

В первый период войны выдающийся историк нашего края В. И. Смирнов (1882-1941 гг.), анализируя на основе сообщений корреспондентов Костромского научного общества по изучению местного края отношение крестьянства Костромской губернии к разразившейся войне, отмечал: «В народе нашем таится еще громадный запас религиозного чувства. И война, несомненно, вызвала особый прилив его. Война «возродила душу и приблизила её к Богу», как выразился один корреспондент-священник. Усердно, как

* Хотя, как известно, этот запрет в годы I Мировой войны положил начало повсеместного самогоноварения.

никогда раньше, посещаются храмы, «видна в народе горячая молитва к Богу», «более стали усердствовать Богу и делать милосердия» — так свидетельствует не только духовенство, но и крестьяне, и учителя. «Переполнены храмы Божии народом, и молят Бога о победе нашим войскам» (...). «Все население живет войной, — пишет священник, — никакого другого разговора и не слышать, как только о войне. Горячо молятся Богу, чтобы он даровал нашему доблестному воинству победу, а когда служишь панихиду по православных убиенных воинах, то горячие слезы ручьями льются на лицах прихожан. Подаются просфоры о здравии православных воинов и о упокоении убиенных»²⁸⁰. Несомненно, что то же самое происходило в первый период войны и в Александро-Антониновском приходе. Несмотря на начало войны, в Александро-Антониновской церкви продолжалась перестройка Георгиевского и Ильинского придельных храмов. Освящение Георгиевского придела состоялось 30 ноября 1914 года. Накануне в Александро-Антониновскую церковь из кафедрального собора была принесена Феодоровская икона Божией Матери. Освящение придельного храма совершил благочинный, священник Христорожественской церкви с. Татьяна о. Павел Акатов в сослужении с отцами Василием Вознесенским и Иоанном Гарским. После Божественной Литургии и молебна было провозглашено многолетие государю императору и верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу²⁸¹. Менее чем через два месяца, 18 января 1915 года, произошло освящение и Ильинского придельного храма, совершенное благочинным о. Павлом Акатовым в сослужении причта и священника Тихоновской церкви с. Сойкина о. Иоанна Яблокова²⁸².

Весной и летом 1915 года русская армия, испытывавшая острую нужду в вооружении и боеприпасах, в первую очередь — в снарядах, вынуждена была под натиском немцев отступать. Из западных районов во внутренние губернии России устремился поток беженцев. В 1915 году в окрестности Костромы из Риги, которой угрожали немцы, был эвакуирован Рижский механический завод наследниц Л. Ф. Пло. Завод разместился на окраине Селища, на базе существовавшего здесь небольшого механического и чугунолитейного завода Н. В. Зотова²⁸³. В это время в Селище поселилось немало приехавших из Риги латышей. 30 октября 1915 года двое латышей-лютеран при совершении особого чина в Александро-Антониновском храме

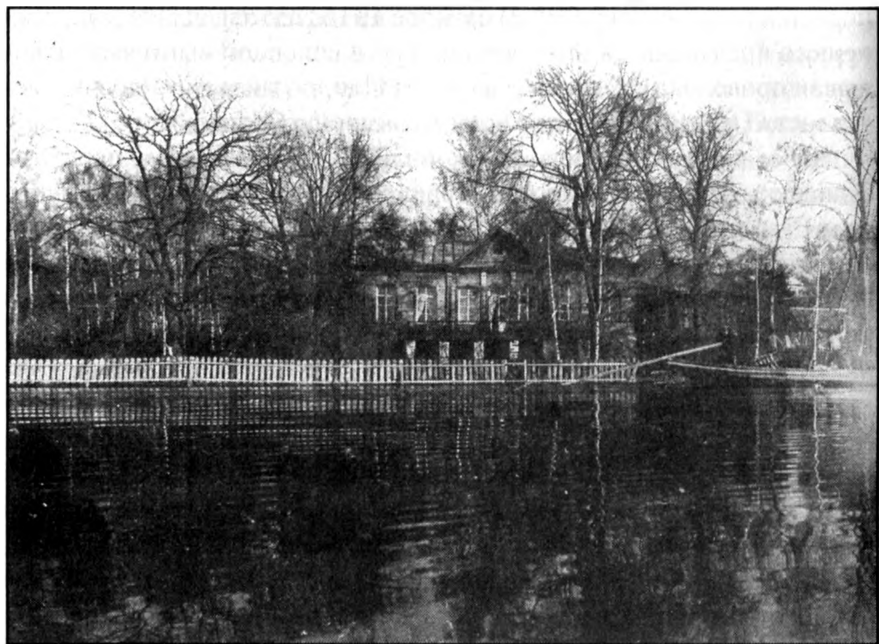
перешли в православие^{284*}. В октябре 1915 года завод Пло выпустил первую продукцию (в это время на нем в основном выпускалась колючая проволока). С этого года завод Пло, позднее — «Рабочий металлист» (ныне — «Экско») вошел в историю Селища.

По свидетельству родных, по-видимому, в 1915 году на Юго-Западном фронте в плен к австрийцам попал Иван Иванович Костин (вплоть до 1918 года будущий настоятель Александро-Антониновского храма находился в лагере для военнопленных в Австро-Венгрии). Летом 1915 года во время наступления германских войск на Западном фронте была занята и Сувалкская губерния. В начале сентября её бывший губернатор Н. Н. Купреянов прибыл в Кострому и какое-то время прожил в Селище, позднее он еще несколько раз приезжал сюда²⁸⁵.

Священник Василий Вознесенский отмечал в «Летописи» за 1915 год: «Родители, жены усердно поминают о здравии своих детей и мужей, почасту подают просфоры на Литургии, из которых священники вынимают часть о здравии воинов, а также и умерших. О здравии воинов, находящихся на военных действиях, в сражениях с врагом, просят духовенство служить молебны Спасителю, Божией Матери, Николаю Чудотворцу, великомученику Георгию и другим святым угодникам»²⁸⁶. Отец Василий производил в храме сбор средств для помощи раненым; «Летопись» говорит, что прихожане «усердно» жертвовали деньги для «больных и раненых воинов»²⁸⁷. Как и в период первой русской революции, во время войны в приходе существенно возросло число исповедывавшихся и причащавшихся. Если в 1913 году в Александро-Антониновском храме исповедалось и причастилось 2493 человека²⁸⁸, то в 1914-м — 2722²⁸⁹, в 1915-м — 2788²⁹⁰, в 1916-м — 1952²⁹¹, в 1917-м — 2554²⁹².

Летом 1914-го, 1915-го и 1916 годов в Селище по-прежнему приносились главные святыни нашего края — Феодоровская и

* По свидетельству старожилов, одним из этих латышей был слесарь завода Пло Фридрих Сталлит (1890-1972 гг.), после перехода в православие ставший Павлом Христиановичем. Ф. Сталлит принял православие по настоянию родителей своей невесты — русской девушки из Селища М. И. Корюкиной (1896-1989 гг.). Вскоре в Александро-Антониновской церкви состоялось венчание молодых. Когда после революции Латвия стала независимой, большинство латышей вернулось на родину, но некоторые, в том числе и П. Х. Сталлит, остались в Селище.

*Усадьба Мягковых во время весеннего разлива Волги.
Фото 1915 г.*

Смоленская-Игрицкая иконы Божией Матери (причем второй образ по традиции носили и по всем селениям прихода). В тяжелое военное время иконы Божией Матери встречало особенно много народа, люди с надеждой молились пред ликом Заступницы и Царицы Небесной...

По многочисленным свидетельствам известно, что в начале войны большинство людей полагало, что она будет недолгой, однако невиданное в мировой истории противоборство враждующих держав приобрело затяжной характер. У нас нет данных о том, сколько уроженцев Александро-Антониновского прихода сложило свои головы на фронтах этой великой войны, но о том, как влияла война на демографическую ситуацию в приходе, наглядно говорят приводимые в «Летописи» статистические данные. Если в мирном 1913 году в Александро-Антониновской церкви обвенчалось 47 супружеских пар²⁹³, то в полумирном-полувоенном 1914-м — уже 34 пары²⁹⁴, в 1915-м — 11 пар²⁹⁵, в 1916-м — 13 пар²⁹⁶, в 1917-м — 19 пар²⁹⁷. Соответственно падала и рождаемость. Если в 1913 году в храме было крещено 180 младенцев²⁹⁸, а в 1914-м — даже 197²⁹⁹, то в 1915-м —

*Е. К. Мягкова.
Фото 10-х гг. XX в.*

уже 157³⁰⁰, в 1916-м — 121³⁰¹ (за 1917 год сведений нет). Зато, как ни странно на первый взгляд, во время войны сократилась и смертность, словно ожидание возвращения с фронта близких людей придавало старикам жизненные силы. Если в 1913 году в приходе умерло и было отпето в храме 128 человек³⁰², то в 1914-м — 77³⁰³, в 1915-м — 93³⁰⁴, в 1916-м — 89³⁰⁵ (за 1917 год сведений нет).

Во время войны венчания многих супружеских пар в храме происходили накануне ухода женихов на фронт. 12 февраля 1916 года в Александро-Антониновской церкви состоялось венчание Н. Н. Купреянова (в то время студента Петроградского университета) и его невесты Натальи Сергеевны Изнар (1893-1967 гг.). Молодых сочетал браком о. Василий Вознесенский. В числе поручителей (свидетелей) жениха на бракосочетании присутствовали два его дяди: А. Г. Мягков, приехавший по такому случаю из Волынской губернии, и Георгий Николаевич Купреянов. В роли поручителей невесты

выступили — Борис Николаевич Зузин, председатель Костромской губернской земской управы и бывший депутат IV Государственной Думы, и другой дядя жениха — статский советник Сергей Николаевич Купреянов³⁰⁶. На венчании — по-видимому, последнем в стенах этого храма, связанном с родом Мягковых и Купреяновых, — разумеется, присутствовали бабушка, отец, мать и тетка жениха: Е. К. Мягкова, Н. Н. Купреянов, М. Г. Купреянова и А. Г. Перелешина.

Вскоре после венчания Н. Н. Купреянов был призван в действующую армию. Будучи вольноопределяющимся, он попал в артиллерию и участвовал в боях на Юго-Западном фронте на Волыни и в Галиции.

Через несколько месяцев, 1 июля 1916 года, в Селище скончалась старшая в роду Мягковых, владелица усадьбы, Елизавета Константиновна Мягкова. Перед кончиной младшая сестра Н. К. Михайловского исповедалась и причастилась у о. Василия Вознесенского³⁰⁷. Отпевание Е. К. Мягковой состоялось в воскресенье, 3 июля, в Александро-Антониновской церкви, и в тот же день она была погребена в фамильной усыпальнице в подклете храма Василия Блаженного, рядом с её мужем³⁰⁸. Господь не дал дожить сестре одного из идейных вождей народничества до произошедшего через полгода торжества исповедуемых ими идеалов. По крайней мере, Елизавета Константиновна «успела» умереть в России и была похоронена в родной земле.

В годы революции и гражданской войны

В конце февраля 1917 года по Селищу поползли слухи о беспорядках в Петрограде. 1 марта большая группа рабочих завода Пло, многие из которых жили в Селище, под воздействием известий о победе в Петрограде революционных сил и фактическом свержении монархии, прекратила работу и по льду Волги направилась в город. Рабочие шли с красными флагами и пением революционных песен. В фабричном районе Костромы они встретились с членом Временного революционного комитета большевиком Н. П. Растопчинным, который призвал их произвести выборы в создаваемый Костромской Совет рабочих депутатов. На обратном пути прямо на волжском льду рабочие провели выборы своих представителей в Совет рабочих депутатов³⁰⁹. 2 и 3 марта многие селищенцы вновь участвовали в революционных событиях в Костроме. Сын второго священника Александро-Антониновского храма Иоанна Гарского, И. И. Гарский

позднее вспоминал о том, как 3 марта 1917 года: «...в Селище “на горе”, словно по команде, собралось человек двести. Кто — с красной повязкой на рукаве, кто — с алым бантом на груди. Под красным флагом, с пением «Марсельезы» мы пошли нижней дорогой к заводу и, соединившись с «пловцами», организованной манифестацией направились в Кострому, на Сусанинскую площадь. От площади шествовали вдоль улицы Русиной, потом свернули на Муравьевку, к губернаторскому дому. Губернатор Хозиков с балкона поздравил собравшихся с низвержением самодержавия. А вслед за тем на балкон поднялись человек пять, от имени революционного народа обратились к собравшимся с приветствием. И в заключение объявили губернатору: «Именем революции вы арестованы». И сняв с его плеч эполеты, нацепили на их место лыковые лапти. Под конвоем, в сопровождении революционной демонстрации, его тут же препроводили в тюрьму, в конец улицы Русиной»³¹⁰.

В первых числах марта в Александро-Антониновском храме перед присутствующими был оглашен последний Манифест императора Николая II от 2 марта 1917 года, в котором бывший государь извещал своих бывших подданных об отречении от престола. Момент чтения Манифеста окончательно проводил между старым временем и новой революционной эпохой. На богослужениях в храме вместо царя, как и везде в России, было предписано поминать «благоверное» Временное правительство...

В начале 1918 года, делая в «Летописи» запись за минувший 1917 год, о. Василий Вознесенский написал, что «с того злополучного времени» (то есть с отречения от престола императора Николая II) для прихода началось «безуверенное плачевное состояние»³¹¹.

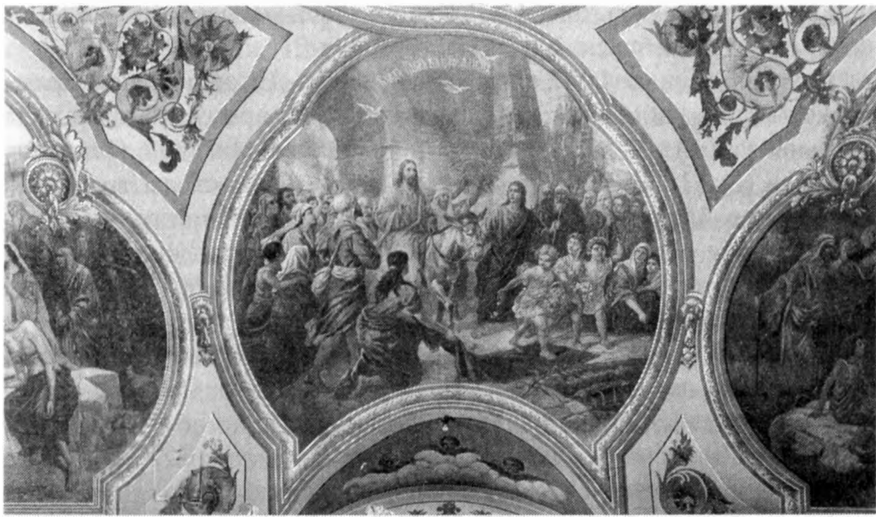
5 марта в Селище состоялось общее собрание рабочих, живших в селе, на котором также были избраны депутаты в Костромской Совет рабочих депутатов³¹². Несомненно, что в те мартовские дни в старой усадьбе Мягковых царили самые радостные настроения и ожидания: жившей там А. Г. Перелешинной наверняка казалось, что вот-вот в жизнь претворятся те светлые идеалы, в которые так верили Н. К. Михайловский и его близкие. Однако реальность свидетельствовала о том, что до претворения этих идеалов в жизнь еще очень далеко. 15 марта на заводе Пло во время сбора средств в помощь бывшим узникам царизма свою лепту отказался внести бухгалтер завода Е. А. Решетько. Рабочие вывезли его на грязных санках за ворота завода³¹³. Один из ветеранов предприятия позднее вспоминал, как

это произошло: «...мы решили вывезти на грязных санках хозяйского холуя Решетько. Приволокли санки, на которых вывозили литьё из чугунолитейного, вытащили чопорного Решетько за рукава и посадили в санки. Он встал на колени (чтоб не испачкаться). От кузницы до проходной рабочие стояли шеренгами. Вот и понесли мы его под улюлюканье до ворот, обратно до кузницы, потом на волю и вышвырнули в овраг»³¹⁴.

В это время начался стремительный взлет М. В. Задорина. В первые дни марта 1917 года его избрали членом Костромского Совета рабочих депутатов. 21 марта в качестве представителя Совета Задорин был также делегирован в состав гласных обновленного Костромского уездного земского собрания³¹⁵. 22 июня 1917 года он стал членом Исполнительного комитета Костромского Совета рабочих депутатов³¹⁶.

В начале апреля 1917 года в Заволжье приехал и поступил слесарем на завод Пло еще один латыш, сыгравший весьма заметную роль в судьбе нашего края в первые годы революции, — Ян Карлович Кульпе (1888-1943 гг.). В годы первой русской революции Я. К. Кульпе был боевиком. В 1907 году во время ареста в Юрьеве (Тарту) он застрелил полицейского пристава. Из-за того, что на момент убийства Кульпе по законам Российской империи считался несовершеннолетним (ему было 19, а совершеннолетие наступало в 21 год), вместо смертной казни его в 1909 году приговорили к бессрочной каторге. В 1913 году в связи с 300-летием Дома Романовых пожизненное заключение ему было заменено на 20-летнюю каторгу. Февральская революция освободила Я. К. Кульпе из Орловского каторжного центра. Приехав в Заволжье, Я. К. Кульпе вскоре стал признанным руководителем заволжских большевиков³¹⁷.

18 апреля (1 мая по новому стилю) Кострома, как и вся Россия, впервые открыто праздновала День международной солидарности пролетариата. Утром 18 апреля множество селищинцев встречало на железнодорожном вокзале одного из лидеров партии эсеров — знаменитую «бабушку русской революции» Е. К. Брешко-Брешковскую (1844-1934 гг.), прибывшую в Кострому для участия в празднике. Пожилую женщину, значительную часть своей жизни проведшую в тюрьмах, на сибирской каторге и ссылке и только что в марте 1917-го освобожденную из поселения в Минусинске, в Костроме встречали чуть ли не торжественней, чем в 1913 году императора Николая II (действительно, ведь тот был «всего лишь» царь, а Е. К. Брешко-

*«Вход Господень в Иерусалим».
Фреска на своде зимнего храма. 1917 год.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

Брешковская являлась «бабушкой» самой русской революции!). На вокзале высокую гостью ожидала огромная толпа с красными и черными знаменами, представители многочисленных общественных организаций, Советов и партий (среди них был и М. В. Задорин). Среди встречающих, наверняка, присутствовала и А. Г. Перелешина, безусловно, с глубоким пиететом относившаяся к старейшей участнице революционного движения. Когда московский поезд с легендарной революционеркой подошел к перрону, военный оркестр грянул «Марсельезу»³¹⁸. Вечером следующего дня здесь же на вокзале состоялись не менее торжественные проводы Е. К. Брешко-Брешковской, и никто, конечно, не знал, что уже очень скоро пресловутая «бабушка», спасаясь от революции, служению которой она посвятила всю свою жизнь, будет вынуждена бежать из «свободной» России за границу, и умрет в эмиграции в Чехословакии...

Поток событий в это время захватил и проживавшую в Селище М. Г. Купреянову. В июне 1917 года племянница Н. К. Михайловского баллотировалась в гласные Костромской городской думы по списку № 2 от кадетской партии³¹⁹. Однако на состоявшихся 25 июня выборах кадеты потерпели сокрушительное поражение — времена избирательных успехов этой партии остались далеко в дореволюцион-

ном прошлом, — и поэтому М. Г. Куприяновой не довелось заседать в последней дооктябрьской думе Костромы.

Летом и осенью 1917 года в Александро-Антониновском храме продолжались работы по его украшению. В это время представитель старинного рода большесольских живописцев Николай Осипович Демидов (ок. 1860 — после 1917 г.) расписывал своды трапезной Александро-Антониновской церкви фресками на темы вечных сцен из Евангелия — «Рождество Христово», «Вход Господень в Иерусалим», «Христос и дети», «Нагорная проповедь» и др.^{320*}. Со сводов к людям словно лилась проповедь Спасителя:

«Блаженны нищие духом; ибо их есть царство небесное.

Блаженны плачущие; ибо они утешатся.

Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся.

Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть царство небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня...» (Мт., 5, 3-11).

Однако летом и осенью 1917 года большинство людей прислушивалось к совсем другим «проповедям». Под речи бесчисленных ораторов страна катилась к октябрьской катастрофе...

* По-видимому, в конце 1917 года на западной стене теплого храма была сделана памятная надпись, как бы подводящая итог всем работам в храме, выполненным в 1913-1917 гг. В этой надписи, сохранившейся до наших дней, сказано: «Во славу Святые Живоначальные Единосущные Троицы Отца и Сына и Святого Духа возобновлен сей теплый храм во имя Святого Великомученика Георгия и Святого Пророка Илии в 1913 году. Приделаны два алтаря. В 1914 году возвышен на 4 аршина вместо кирпичного свода сделан железобетонный свод при священнике Василии Вознесенском, Иоанне Гарском и диаконе Василии Лапшагском и старосте Дмитрие Бодрине, при его старании пожертвовано прихожанам. В том же году пожертвован иконостас прихожанином и прихожанкой села Селища. Пол из огнеупорной цветной плитки пожертвован в 1916 году при старании старосты на жертву прихожан. В 1917 году сей же храм украшен живописью при том же причте и старосте на средства того же прихожанина и прихожанки села Селища, которые жертвовали иконостас. Живописная работа была произведена мастером из Больших Солей Николаем Носифовичем Демидовым».

В большевистском перевороте в Петрограде едва не принял участие М. В. Задорин. 12 октября 1917 года в Костроме, в читальне имени А. Н. Островского, на общем собрании двух костромских Советов — рабочих и солдатских депутатов состоялись выборы двух делегатов (по одному от Совета) на II Всероссийский съезд Советов. От Совета рабочих депутатов был избран Я. К. Кульпе, а кандидатом (заместителем) — М. В. Задорин (то есть, если бы основной делегат заболел, то на съезд, избравший В. И. Ленина председателем Совнаркома, поехал бы М. В. Задорин)³²¹.

Во время октябрьских событий в Петрограде находился художник Н. Н. Купреянов. Февральская революция застала его на Юго-Западном фронте, где он своими глазами видел стремительное разложение и деморализацию армии. В июне 1917 года Н. Н. Купреянова направили с фронта в Петроград, в Константиновское артиллерийское училище. Окончив его ускоренный курс, он должен был вернуться на передовую офицером. Осенью 1917 года Н. Н. Купреянов, как и все юнкера-константиновцы, нередко нёс караульную службу в Зимнем дворце, где пребывало Временное правительство во главе с А. Ф. Керенским. В дни большевистского переворота юнкер Н. Н. Купреянов едва не оказался в числе защитников Зимнего дворца: Константиновское училище предполагалось привлечь к обороне резиденции Временного правительства, но почему-то до этого дело не дошло. Позднее он вспоминал: «Октябрь застал меня в Петрограде (...), в ночь на 25 октября я видел «Аврору», обстреливающую Зимний дворец»³²².

В те судьбоносные для нашей страны дни Н. Н. Купреянов писал в Кострому своей тетке Е. Н. Зузиной: «Я совсем невредим и все наши юнкера тоже — нам только раздали ружья и патроны и спешно обучали стрельбе, но никуда не выводили (...). Счастье наше, что наши караулы кончились (в Зимнем дворце — Н.З.). Я очень рад — защищать это правительство мне вовсе не хотелось». В тот же день он дописал: «Кончается воскресенье (...). Тяжелое и подавленное настроение. Какой-то упадок, какой-то приступ малодушия (...). На Неве против Адмиралтейства стоит крейсер («Аврора» — Н.З.). Шёл сейчас мимо — тьма и туман. Вокруг фонарей белесоватые мутные пятна. Силуэт корабля красив и мрачен»³²³. В Петрограде Н. Н. Купреянов оставался до начала 1918 года*.

* В праздник Рождества Христова, 25 декабря 1917 года, Н. Н. Купреянов писал из Петрограда в Селище, куда тогда уехала его семья: «Мучительно хочу в Селище, так тоскливо праздники проводить одному»³²⁴.

29 октября 1917 года на объединенном заседании Исполнительных комитетов костромских Советов рабочих и солдатских депутатов был официально провозглашен переход власти в Костроме и губернии в руки Советов (фактически очень скоро вся власть перешла к большевикам). В этот день в состав Военно-революционного комитета вошел и М. В. Задорин³²⁵.

Поздней осенью 1917 года, когда старой власти фактически уже не было, а новая власть еще не утвердилась, по городам и селам нашей губернии, как и по всей стране, прокатилась волна погромов, грабежей и поджогов. Крестьяне грабили и жгли дворянские усадьбы, в городах мародеры громили магазины, винные склады, дома богатых людей. Разливающаяся по всей России стихия смуты не обошла и Селище. 6 ноября в селе были расклеены анонимные объявления, угрожающие жителям «красным петухом». 7 ноября в селе в результате умышленного поджога вспыхнул большой пожар, в пламени которого сгорел ряд домов. Кем были поджигатели и каких целей они добивались этим пожаром, осталось неизвестным³²⁶.

Последней надеждой страны на прекращение смуты и начинающейся гражданской войны являлись выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся в Костромской губернии 12-14 ноября. Как известно, эти выборы проходили по партийным спискам. В списке кандидатов от костромской организации РСДРП(б), составленном в середине октября 1917 года, находился и М. В. Задорин³²⁷. Правда, в Учредительное собрание он не попал: в большевистском списке из 12 человек М. В. Задорин стоял под № 9, а в члены Учредительного собрания прошли только первые четыре человека из списка (в любом случае, как высоко вознесла мутная революционная волна этого человека, имевшего за спиной только Селищенское земское начальное училище!).

С конца октября 1917 года М. В. Задорин вошел в число тех, кто решал судьбу страны в масштабах нашей Костромской губернии. Вскоре партия направила его на защиту «завоеваний революции», на ответственнейший участок строительства нового общества — на работу в карательных органах. В последний день 1917 года, 31 декабря, М. В. Задорин стал одним из членов президиума Костромского революционного трибунала³²⁸. Стремительный, недолгий и кровавый взлет бывшего селищенского паренька продолжался.

Важнейшим событием первых месяцев Советской власти для За-волжья стала национализация завода Пло. Декретом Совнаркома от

24 января 1918 года за подписью В. И. Ленина он был объявлен «собственностью Российской республики»³²⁹. С момента национализации и на всем протяжении 20-30 годов XX века партийно-комсомольский актив завода (в 1922 году получившего название «Рабочий металлист») являлся постоянным источником импульсов воинствующей антирелигиозной борьбы, направленной против всех церквей Заволжья, в том числе и против Александро-Антониновского храма.

В начале 1918 года Советская власть утвердилась и в Коряковской волости (к ней, напомним, относились Селище и большая часть деревень, входивших в Александро-Антониновский приход). 11 февраля 1918 года «на общем сходе граждан» под давлением рабочих завода Пло было принято постановление об упразднении Коряковского земства и передаче власти в волости Совету крестьянских депутатов³³⁰.

С октября 1917 года Александро-Антониновская церковь, как и все храмы страны, оказалась в самом бесправном и униженном положении. В годовой записи в «Летописи» о. Василий Вознесенский написал, что к концу 1917 года: «Причт находился в самом безудержном (...), унижительном состоянии. (...) вообще Советская власть относится к духовенству с презрением и ненавистью»³³¹.

В 1918 году прервалась продолжавшаяся почти полвека традиция ведения «Церковно-приходской летописи». Запись в ней за 1917 год оказалась последней. Преемники о. Василия Вознесенского «Летопись» уже не продолжали: в послереволюционное время это становилось делом крайне опасным*. Продолжавшееся шестнадцать лет настоятельство о. Василия Вознесенского в Александро-Антониновской церкви (а всего он прослужил в ней сорок четыре года) завершилось весной 1919 года. В начале этого года о. Василия разбил паралич. 2 апреля 1919 года он написал прошение Епископу Костромскому и Галичскому Филарету (Никольскому; 1855-1922 гг.), в котором просил уволить его за штат³³². Дальнейшая судьба о. Василия Вознесенского нам неизвестна, но, судя по всему, он уехал из Селища к одному из своих сыновей-священников, где и умер (точный год и место его кончины неизвестны).

Новым настоятелем Александро-Антониновской церкви стал священник Василий Звездин. Иерей Василий Евлампиевич Звездин

* Судьба «Церковно-приходской летописи» после 1918 года нам неизвестна. В начале 90-х годов XX века кто-то подарил том «Летописи» ректору Костромского духовного училища протоиерею Александру Андросову, который передал его тогдашнему настоятелю Александро-Антониновской церкви протоиерею Борису Втюрину.

(в некоторых документах — Звездкин) родился в 1869 году в с. Георгиевском Пошехонского уезда Ярославской губернии, в семье священника. В 1888 года он по первому разряду окончил Костромскую духовную семинарию. С 10 января 1889 года Василий Звездин работал надзирателем в Костромском духовном училище. 18 июля 1885 года состоялось его рукоположение во священника Воскресенской церкви с. Марьиного Нерехтского уезда. 6 февраля 1906 года о. Василий был перемещен на должность настоятеля Богородице-Скорбященской церкви при Костромской губернской земской больнице на Русиной улице (ныне — Первая городская больница на улице Советской)³³³. Настоятель этой церкви считался как бы «главным» земским священником, который, как правило, участвовал во всех мероприятиях губернского земства. Богородице-Скорбященская церковь (её храмовым образом являлась икона Божией Матери «Всех скорбящих радость»), открытая при губернской земской больнице в 1865 году, была закрыта постановлением Костромского губисполкома от 25 марта 1919 года, а весь её причт уволен³³⁴.

26 марта 1919 года Благочиннический совет 1-го Костромского округа отметил, что о. Василий Звездин — «достоинейший кандидат на свободную вакансию настоятеля церкви с. Селища как по образовательному цензу, так и по отлично-ревностному служению пастырскому»³³⁵. 7 апреля 1919 года общее собрание прихожан в Александро-Антониновской церкви постановило избрать о. Василия Звездина настоятелем храма в Селище³³⁶.

Период гражданской войны и так называемого «военного коммунизма» был для Селища, как и для всей страны, крайне тяжелым временем. Революция и активное переустройство всех сторон жизни на коммунистический лад разрушили издавна налаженные товарно-денежные отношения. С давних времен жители прилегающих к Селищу деревень привозили в село на продажу продукты питания, дрова, сено. Всё необходимое для жизни можно было купить в селе или в городе. Внедрение принципов коммунизма положило этому конец. Чтобы достать продукты, селищенцы, как и большинство жителей Костромы, вынуждены были ехать в окрестные деревни и выменивать там продукты на вещи (деньги в результате галопирующей инфляции в значительной степени утратили своё значение). Именно в те годы утвердился сохраняющийся доныне обычай, когда жители города (а селищенцы с конца XIX века, по сути, являлись жителями пригорода) сажали на всех свободных участках картошку. Во время гражданской войны, в частности, было засажено картошкой всё про-

странство между Селищем и заводом Пло (ныне эта территория, в основном, занята заводом). Не было спичек, керосина, соли, мыла (всё это можно было купить только на черном рынке, но большевики беспощадно боролись со спекуляцией). Для добычи дров жители Заволжья вырубали прилегающие к их селениям рощи и леса. Жительница Заволжья Е. К. Беяшина позднее вспоминала: «Особенно плохо было с дровами. Трудящимся давали в лесу участки для заготовки дров. Самим приходилось валить деревья, пилить и вывозить из леса (...). За это время срубили лес на Мякинище около Селище, Никольский лес, расположенный по обеим сторонам железнодорожной линии, рощу на Панове, лес около д. Говядиново, Беяночный лес по Нерехтскому тракту против Никольского леса и дальше леса и перелески по армейской дороге. Выкорчевали и распилили вековые березы на трактах. Сохранилась только бывшая Зотовская роща, которая была отдана металлистам...»³³⁷.

19 марта 1919 года в Селище был национализирован лесопильный завод Н. В. Страшнова³³⁸. По-видимому, сразу после национализации Н. В. Страшнов с семьей бежал из села. А. А. Беленогова вспоминала, что «когда свершилась революция, хозяева (Страшновы — Н.З.) оставили все свои владения и успели уехать за границу, забрав золото и драгоценности. Дворник, работавший у них, пришел утром, а в доме ни души. Двери открыты, соседи всё растащили: ковры, посуду, мебель, всё, что под руку попадалось»³³⁹.

В братоубийственной гражданской войне участвовало и немало селищенцев. Целый ряд их состоял в рядах дружины Красной гвардии на бывшем заводе Пло и в её составе принимал участие в подавлении антибольшевистских восстаний 1918-1919 годов. В подавлении восстаний в Ярославле и в Уренском крае (в Варнавинском уезде) отличился селищинец Н. И. Кутяшов (1888-1932 гг.), рабочий завода Пло, член его красногвардейской дружины³⁴⁰. Летом 1919 года под Саметью в стычке с «зелеными» погиб житель Селища Н. А. Раков³⁴¹.

В июне 1919 года бывший завод Пло посетил нарком просвещения А. В. Луначарский, находившийся в Костроме и губернии в качестве чрезвычайного уполномоченного ЦК РКП (б). Совнаркома и ВЦИК по борьбе с дезертирством (сокращенно — «ЧрезуполВЦИК»). Немного спустя А. В. Луначарский написал: «Если что-нибудь и дает мне надежду на подлинное и сравнительно скорое осуществление социализма в России — то это именно самодеятельность рабочих. Я был

восхищен заводом Пло под Костромой (...)»³⁴². Конечно, чрезвычайного уполномоченного восхитили вовсе не производственные достижения рабочих завода, а их участие в борьбе с «контрреволюцией» в рядах красногвардейской дружины.

В первое десятилетие после революции имя Н. К. Михайловского и его заслуги перед революционным движением оценивались новыми властями весьма высоко. Ярчайшим подтверждением этого стало открытие так называемого «Обелиска Революции» у стен Московского Кремля в Александровском саду, переделанного в 1918 году из Обелиска в честь 300-летия Дома Романовых. На этом обелиске, торжественно открытом в мае 1913 года в присутствии императора Николая II, были высечены имена всех царей и императоров из Дома Романовых. К первой октябрьской годовщине на обелиске взамен имен государей низвергнутой династии был помещен утвержденный лично В. И. Лениным список «борцов за свободу» (открываемый, разумеется, Марксом и Энгельсом), в котором из пяти русских имен четвертым — по хронологии — стоял Михайловский^{343*}.

Почитание имени Н. К. Михайловского со стороны властителей Советской России способствовало сохранению в Селище старого барского дома Мягковых. В 1918-1919 гг. все дворянские усадьбы, дачи промышленников и дома богатых крестьян в Заволжье были конфискованы, а их владельцы выселены. В 1918 году в бывшем господском доме Ратьковых разместилась начальная четырехклассная школа^{344**}.

В революционной буре уцелел только дом Мягковых. В память о заслугах Н. К. Михайловского перед освободительным движением, согласно особому постановлению ВЦИК, он был оставлен в пожизненное владение А. Г. Перелешинной и М. Г. Купреяновой³⁴⁶ (при этом, видимо, учли и революционные заслуги самой А. Г. Перелешинной)^{***}.

* Пять русских «борцов за свободу», имена которых до сих пор значатся на Обелиске в Александровском саду — М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и Г. В. Плеханов.

** В 20-30 годы XX века в бывшем доме Ратьковых находилась начальная школа № 11. В декабре 1925 года, когда отмечалось 100-летие восстания декабристов, ей было присвоено наименование — школа имени Декабристов³⁴⁵.

*** Об этом постановлении ВЦИК всё время упоминается в публикациях по истории Селища. К сожалению, ни точная дата постановления, ни обстоятельства его появления нам неизвестны. Вероятнее всего, оно было принято ВЦИК в 1918 году. Судя по всему, в принятии этого постановления не обошлось без помощи М. В. Задорина, до конца своих дней хранившего благодарную память об обитателях усадьбы Мягковых.

Но вся остальная собственность у племянников Н. К. Михайловского, конечно, была отобрана. Согласно Декрета о земле, А. Г. Мягков, А. Г. Перелешина и М. Г. Купреянова лишились своих земельных владений. После смерти Г. В. Мягкова его дети унаследовали и совместно владели 268 десятинами земли, примыкающей к Селищу³⁴⁷. Больше всех потеряла А. Г. Перелешина, которая, наряду с землей в Костромском уезде, после кончины А. В. Перелешина вместе с братьями мужа (Андреем Васильевичем и Петром Васильевичем Перелешинными) владела в Буйском уезде 3899 десятинами в Шушкодомской волости и 623 десятинами в Покровской³⁴⁸.

К тому же в 1918 году власти конфисковали стоявший рядом с домом Мягковых двухэтажный флигель, в котором находилась библиотека-читальня имени Н. К. Михайловского и где после смерти А. В. Перелешина жила А. Г. Перелешина. На первом этаже дома разместился Селищенский сельсовет. Новые хозяева не только изгнали Анну Геннадьевну из её флигеля, но и отстранили от заведования ею же созданной библиотеки имени Н. К. Михайловского. Позднее А. Г. Перелешина с горечью вспоминала, как в 1918 году у неё «отняли библиотеку, совершенно отстранив (...) от этого дела»³⁴⁹. В январе 1919 года в бывшем флигеле усадьбы Мягковых был открыт клуб «III Интернационал»³⁵⁰ (полностью он именовался — Социалистический клуб «III Интернационал») ³⁵¹. При клубе действовали драматическая, хоровая и музыкальные группы. Хотя клуб и носил высокое имя III Коммунистического Интернационала, но, по сути дела, под этой вывеской скрывался старый мягковский народный театр. Вплоть до конца 20-х годов клуб возглавлял Борис Николаевич Купреянов — сын бывшего губернатора Н. Н. Купреянова, брат художника Н. Н. Купреянова и внучатый племянник Н. К. Михайловского (в 20-е годы Б. Н. Купреянов летом работал матросом на волжском пароходе, а зимой занимался клубом)³⁵². Конечно, библиотека при клубе «III Интернационал» никак не могла носить имя борющегося против марксистов публициста-народника, и через несколько лет библиотеку имени Н. К. Михайловского переименовали в честь А. В. Луначарского (об этом чуть ниже).

Благодаря тому, что бывший усадебный дом Мягковых остался в руках прежних хозяев, свою связь с Селищем вплоть до 1929 года сохранял и художник Н. Н. Купреянов. Летом 1918 года Николай Николаевич приехал из Петрограда в Селище, и какое-то время служил караульным начальником артиллерийских складов, находящихся

ся вблизи от Селища³⁵³. Во второй половине 1918 — начале 1920 гг. Н. Н. Купреянов жил в Москве и в Петрограде. В феврале 1920 года художник с мандатом от наркома просвещения А. В. Луначарского вернулся в Селище и вплоть до 1922 года работал в Костромском Губполитпросвете. В эти годы Н. Н. Купреянов организовал в Костроме художественную школу, писал многочисленные плакаты для Губроста, вел большую музейную работу, собирая в бывших дворянских усадьбах картины и гравюры³⁵⁴.

Если на первых порах революция к А. Г. Перелешинной и М. Г. Купреяновой отнеслась относительно благосклонно, то судьба их брата, дворянина и кадета, сложилась более «традиционно». Уехав в 1908 году из Селища, А. Г. Мягков несколько лет работал на Урале, в Пермской губернии. В 1913 году, «вследствие болезни жены и вредного для неё климата северного Урала», Александр Геннадьевич оставил службу и переехал со своей семьей на Украину, в Волынскую губернию и стал работать управляющим в большом имении графов Уваровых, поселившись в с. Эмильчин в Новоград-Волынском уезде. В этом селе А. Г. Мягков пережил всю эпоху войны с Германией, революцию 1917 года и немецкую оккупацию. После свержения гетмана П. П. Скоропадского и прихода к власти в декабре 1918 года петлюровской Директории, Александр Геннадьевич как «москаль» был арестован петлюровцами и приговорен к смерти. Каким-то чудом ему удалось избежать расстрела и перебраться со всей семьей в Житомир. В Житомире семья Мягковых пробыла два года, пережив за это время множество сменявших друг друга, властей (красные, белые, петлюровцы, всевозможные банды, поляки и др.). После окончательной победы красных в декабре 1920 года Мягковы сумели бежать в Польшу. В 1921 году в Варшаве А. Г. Мягков вступил в возглавляемый его шурином Б. В. Савинковым «Союз защиты Родины и свободы». Позднее он вспоминал, что Савинков поручил ему в этом «Союзе» «заведование хозяйством, но заведовать было нечем»³⁵⁵. После подписания мира между Польшей и Советской Россией, по требованию советского посла Л. М. Карахана все члены савинковской организации, в том числе и семья Мягковых, были высланы в Чехословакию³⁵⁶. Готовясь нелегально перейти советскую границу, чтобы возглавить мифическое антисоветское подполье, Б. В. Савинков 7 августа 1924 года в Париже составил завещание, согласно которому оставлял часть своих денег детям А. Г. и В. В. Мягковых — Лидии и Геннадью. Завещание оговаривало: «Все письма, документы, бумаги, архивы, где бы и у кого они не находились, пору-

чаю заботам сестры моей Веры Викторовны Мягковой, и они должны быть ей выданы хранящими их лицами по первому требованию»³⁵⁷. В числе троих людей, которым помимо В. В. Мягковой разрешался доступ к архиву, находился и А. Г. Мягков³⁵⁸. Уже через несколько дней Б. В. Савинков был арестован на территории СССР, судим, приговорен к смертной казни, замененной 10-летним тюремным заключением. 7 мая 1925 года он выбросился (по другой версии — был выброшен) из окна пятого этажа внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке. С арестом и гибелью Б. В. Савинкова возглавляемый им «Союз» распался, и Мягковы навсегда остались в Праге, где Александр Геннадьевич стал служить в одном из страховых обществ, а Вера Викторовна давала уроки французского языка³⁵⁹.

А. Г. Мягкову предстояли еще долгие десятилетия жизни в эмиграции, и у него, как и у многих других представителей либеральной интеллигенции, было немало времени подумать о том, стоило ли так ненавидеть «царский режим», под чьим «гнётом» он и его семья могли жить на Родине, и тем самым способствовать приходу к власти большевистской диктатуры, при которой, чудом не погибнув, он оказался на чужбине. В эмиграции А. Г. Мягков, по-видимому, изменил своё отношение к православию, от которого до революции, скорее всего, был весьма далек. В «беженстве» внук строителя храма Василия Блаженного, судя по всему, вернулся к вере. В 30-е годы в Праге он стал членом Братства для погребения православных русских граждан и для охраны их могил³⁶⁰.

Зато М. В. Задорин всё шел и шел вверх по карьерной лестнице. 30 апреля 1918 года, когда была образована Костромская Губернская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (Губчека), он вошел в состав её коллегии³⁶¹. Во второй половине 1918 года М. В. Задорин стал председателем Губчека. Он возглавил Костромскую Чрезвычайную Комиссию в период официально объявленного массового «красного» террора, осуществляемого, в первую очередь, силами местных «чрезвычайек». Понятно, что уже после самого недолгого председательства в губернском отделе ведомства Ф. Э. Дзержинского, руки у М. В. Задорина — уже просто «по должности» — были по локоть в крови. В качестве и члена коллегии, и председателя Губчека он участвовал в подавлении целого ряда антибольшевистских восстаний — Ярославского, Ветлужско-Варнавинского, Уреньского. Направленный в 1919 году по партмобилизации в Красную армию, М. В. Задорин возглавил Особый отдел 7-й армии (после его отъезда председателем Костромской Губчека

стал Я. К. Кульпе). Когда в марте 1921 года в Кронштадте вспыхнуло антибольшевистское восстание, М. В. Задорин в составе отряда особого назначения участвовал в его подавлении и последующей расправе с кронштадскими моряками. В том же году М. В. Задорин вернулся в Кострому, где занял пост председателя Губревтрибунала³⁶².

О жизни Александро-Антониновской церкви в годы гражданской войны нам известно немного. В это время в неё по-прежнему приносились главные святыни Костромского края — Феодоровская и Смоленская-Игрицкая иконы Божией Матери. 23 апреля 1919 года в селищенский храм был принесен чудотворный образ святителя Николая из Николо-Бабаевского монастыря³⁶³. В каждом случае множество людей встречало святыню и присутствовало на торжественном богослужении. В эпоху гражданской войны советская власть не чувствовала себя еще настолько сильной, чтобы запретить пошение чудотворных икон, и вынуждена была временно смириться с этим.

В 1919 году о. Василий Звездин принял и поселил в сторожке при храме трех монахинь из закрытого Богоявленско-Анастасиина монастыря: Таисию (Борисову), Митродору (Моисееву) и Рахиль (Добровольскую)³⁶⁴. В Селище они перебрались после того, как их выселили из находившейся в Костромском уезде Назаретской пустыни*. В последующие годы мать Таисия топила в храме печи, колола дрова и разгребала снег, мать Митродора пекла просфоры, а мать Рахиль прислуживала в храме³⁶⁶.

В декабре 1920 года орган Костромского губкома РКП(б) газета «Красный мир» особо «отметила» деятельность о. Василия Звездина в статье «Поп, староста и их стадо», посвященной прошедшим выборам в церковный совет селищенского храма. Газета ставила в вину «попу Звездкину» то, что в своей проповеди перед выборами он призвал прихожан «выбирать в совет людей благочестивых, а не каких-нибудь богоотступников (разумей — большевиков!)»³⁶⁷ (по логике «Красного мира», о. Василий, видимо, должен был способствовать избранию в церковный совет богоотступников). Отец Василий Звездин пробыл настоятелем в Селище до 1921 года. Скончался ли он, или был переведен куда-нибудь в другое место, нам неизвестно. Новым настоятелем Александро-Антониновского храма в 1921 году стал священник Павел Острогский.

* Назаретскую пустынь упразднили в 1919 году, когда на базе её хозяйства был создан совхоз «Назаретский», чуть позже переименованный в «Октябрьский» и развалившийся уже к середине 20-х годов. Сейчас от многочисленных строений пустыни не осталось и следов³⁶⁵.

Настоятель храма протоиерей Павел Острогский

С 1921 года история храма в Селище неразрывно связана с судьбой протоиерея Павла Федоровича Острогского (1877-1937 гг.). Фамилия Острогских, а первым её стал носить родной отец Павла Острогского – Федор Родопианович Острогский (1829 – после 1917 гг.), произошла от более старого названия села Боговское Макарьевского уезда (ныне Боговское относится к Антроповскому району), именовавшегося в прошлом – Острог*. После обучения в Костромской духовной семинарии о. Федор Острогский почти 30 лет, в 1854-1882 гг., служил диаконом в церкви Рождества Христова в с. Прискоково Костромского уезда (ныне – Красносельский район). Эта церковь в первую очередь известна тем, что с 30-х гг. XVII века и до 1855 года её прихожанами являлись так называемые «коробовские белопашцы» – потомки Ивана Сусанина, жившие неподалеку, в деревне (с 1855 года – селе) Коробово. Целый ряд поколений потомков национального героя России, начиная с дочери Сусанина Антониды и его внуков Даниила и Константина, завершил свой земной путь на приходском кладбище у стен прискоковского храма. 7 июля 1877 года в Прискокове родился и был крещен в церкви Рождества Христова шестой ребенок о. Феодора Острогского и его жены Елизаветы Павловны**. Мальчик, нареченный в честь святого апостола Павлом, был первым сыном о. Феодора (до этого у него рождались только дочери). В 1882 году о. Федор был рукоположен во священника Никольской церкви*** с. Никольского, что в реках,

* Название села Острог, судя по всему, происходит не от позднего значения слова «острог», то есть тюрьма, а от его изначального значения: «острог» – это укрепленное место, крепость³⁶⁸. Когда-то, по-видимому, в XV-XVI вв., на месте этого села на р. Кусь находилась небольшая крепость, прикрывавшая подступы к Галичу от набегов казанских татар.

** Елизавета Павловна Острогская (1834-1910 гг.), скончалась в Прискокове на 76 году жизни, 3 августа 1910 года. 6 августа в церкви Рождества Христова состоялось её отпевание и погребение на приходском кладбище у стен храма³⁶⁹. Овдовевший о. Федор Острогский прожил в Прискокове еще несколько лет. Будучи заштатным священником, он вплоть до революции 1917 года время от времени отпевал в храме местных прихожан. Точное время его кончины неизвестно, скорее всего, о. Федор умер вскоре после революции и был погребен в Прискокове рядом с Елизаветой Павловной (их могилы не сохранились).

*** Каменную церковь в Никольском построили в 1821 году взамен деревянного храма, в котором в январе 1788 года был крещен отец великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, Ю. П. Лермонтов (1787-1831 гг.)³⁷⁰.

*Церковь Рождества Христова в с. Прискокове.
Фото Г. П. Белякова. 1997 г.*

Галичского уезда (ныне — Галичский район), в связи с чем семья Острогских перебралась в это село; в Никольском о. Федор прослужил вплоть до 1896 года. В 1888-1892 гг. Павел Острогский обучался в Галичском духовном училище, а в 1892-1898 гг. — в Костромской духовной семинарии. После её окончания он, как и многие семинаристы, для которых не оказывалось сразу священнических вакансий, два года работал учителем церковно-приходской школы в родном Прискокове³⁷¹. Прискоковская церковно-приходская школа являлась тогда одной из самых молодых в Костромском уезде: здание школы было построено вблизи от храма в 1893 году, а её официальное открытие состоялось 23 января 1894 года (в тот день к учебе приступило 17 мальчиков и 4 девочки)³⁷². Помимо основных уроков Павел Острогский в школе занимался с мальчиками церковным пением³⁷³. По воскресеньям молодой педагог стал проводить в школе «повторительные» занятия для взрослых и устраивать религиозно-нравствен-

*Никольский храм в с. Николо-Трестине,
настоятелем которого о. Павел Острогский служил в 1901 – 1917 гг.
Фото Г. П. Беякова, 1982 г.*

ные чтения, в которых он сам являлся «главным участником»³⁷⁴. 24 мая 1901 года Епархиальный училищный совет отметил, что во время своей работы в церковно-приходской школе учитель Павел Острогский «отличался выдающимся усердием к своему делу»³⁷⁵.

В 1900 году Павел Острогский женился на Елизавете Александровне Парийской (1882-1972 гг.), дочери священника Никольского храма в с. Николо-Трестино, находящегося вблизи от Костромы. В 1899 году семнадцатилетняя Лиза Парийская окончила Костромское реальное училище со званием «учительница начальных училищ». Тесть Павла Острогского, иерей Александр Флегонтович Парийский (1860-1933 гг.), уступил зятю своё настоятельское место в Николо-Трестине, а сам перевелся на службу в одно из сел Галичского уезда*.

* В 1917 году, когда о. Павел Острогский переехал в Кострому, его тесть, в то время служивший в Знаменской церкви села Стрельниково Галичского уезда, вернулся в Николо-Трестино и вновь стал здесь настоятельством³⁷⁶.

*Протоиерей Павел Острогский –
настоятель Александро-Антониновской церкви в 1921 – 1934 гг.
Фото 1901 г.*

2 июля 1901 года, в субботу, в Троицком соборе Ипатьевского монастыря Епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) рукоположил Павла Острогского во диакона, а в воскресенье, 3 июля, в Богоявленском кафедральном соборе – во священника Никольской церкви с. Николо-Трестино, находившегося в 9 верстах от Костромы³⁷⁷.

Никольский приход был весьма велик: помимо самого с. Николо-Трестино в него входило полтора десятка деревень Гридинской и Пушкинской волостей – Поддубное, Малое Андрейково, Семеново, Турабьево, Шувалово, Зубино, Никулино, Катино, Жужелино, Глазково, Байдарки и Давыдовское³⁷⁸. Часть этих селений и сейчас существует на прилегающей к Костроме территории Костромского района; часть «поглотил» разросшийся город, включивший в 60-90 гг. XX века в свою черту деревни Глазково, Жужелино, Катино, Байдар-

*Священник Павел Острогский и Елизавета Александровна.
Фото 1902 г.*

ки и Давыдовское (последняя дала наименование трем крупным «Давыдовским» микрорайонам, возникшим на восточной окраине Костромы). В приходских селениях проживало свыше тысячи человек (к 1916 году здесь числилось 552 мужчины и 590 женщин)³⁷⁹.

В Николо-Трестине, стоящем на Кинешемском тракте (сейчас его обычно называют Красносельским), о. Павел прослужил шестнадцать лет. В числе его обязанностей как настоятеля входило и заведение Трестинской церковно-приходской школой.

Здесь в Николо-Трестино у о. Павла родились и вырастали его дети: Зинаида (1902-1979 гг.), Серафим (1904-1934 гг.), Нина (1906-1996 гг.), Николай (1909-1924 гг.), Василий (1912-1914 гг.), Ираида (1914-1989 гг.) и Владимир (1914-1998 гг.).

Уже в Николо-Трестине о. Павел проявил себя как истинный пастырь. К счастью, сохранился ряд свидетельств его деятельности по-

*Николо-Трестино. Отец Павел Острогский (крайний слева)
и Елизавета Александровна с родственниками.
Фото 1902 г.*

мимо традиционных обязанностей настоятеля храма. В мае 1909 года входящую в его приход д. Малое Андрейково посетил, как говорили раньше, Господь — в самый праздник Святой Троицы в ней вспыхнул пожар, в результате чего сгорело 14 изб и большая часть жителей деревни осталась без крова. С целью помочь погорельцам о. Павел написал в газету «Костромская жизнь» письмо, в котором, в частности, говорилось: «Зная горячую отзывчивость русского человека на помощь каждому несчастному, обращаюсь ко всем добрым людям с призывом помочь несчастным погорельцам, кто чем может. Повторяю, в огне всё погибло. Вещами или деньгами, но только помогите, господа! Не дайте несчастным погорельцам надеть на руку корзину, помогите им сделаться опять добрыми, трудолюбивыми хозяевами-крестьянами»³⁸⁰. Под письмом стояла подпись: «Николаевской церкви с. Трестина священник Павел Острогский».

В 1913 году в связи с 300-летием Дома Романовых о. Павел был награжден сребропозлащенным крестом и бронзовой медалью³⁸¹.

С началом в 1914 году войны с Германией положение жителей прихода, как и везде, ухудшилось: большая часть трудоспособных

*Священник Павел Острогский с матушкой
Елизаветой Александровной и детьми (слева направо)
Николай, Серафим, Зинаида и Нина.
Фото 1910 г.*

мужчин была призвана в армию, дома остались одни женщины, старики и дети. Но если в 1914 году значительную часть работ всё-таки успели выполнить, то в 1915 году ситуация стала очень тяжелой. В начале августа 1915 года о. Павел обратился в комитет «Помощь семьям воинов» при Костромском уездном земстве с письмом, в котором писал, что «солдатки его прихода испытывают острую нужду в рабочих руках. Убедительнейше прошу, если найдутся свободные рабочие артели, направить их сюда. Солдатки согласны помочь земству и комитету и в содержании артели»³⁸².

В марте 1916 года жители Николо-Трестино провожали на фронт сослуживца о. Павла Острогского по работе в Трестинской церковно-приходской школе — учителя Вениамина Тевризова. Отец Павел отслужил напутственный молебен. По его инициативе среди прихожан был произведен сбор денег для уходящего на войну, прихожане поднесли ему образ, а ученики «натащили материи на портянки, ящи и т. д.»³⁸³.

Во время службы в Николо-Трестине о. Павел оказался причастным к событиям, связанным с кончиной Василия Семеновича Соколова (1847-1912 гг.) — председателя Костромской уездной земской управы в 1900-1912 гг., депутата III Государственной Думы. В отличие от многих земцев В. С. Соколов представлял собой довольно редкую в среде русской интеллигенции фигуру умеренного политического деятеля, созидателя и человека дела. Возвращаясь с открытия новой земской больницы в селе Красном, он внезапно скончался 7 января 1912 года около 11 часов вечера вблизи от Николо-Трестина. В уезде и в губернии В. С. Соколов пользовался большим уважением, отчего на месте его кончины на Кинешемском тракте, по предложению городского головы Костромы Г. Н. Ботникова, было решено установить памятник*. Торжественное открытие памятника, выполненного по проекту архитектора Н. И. Горлицына, состоялось 16 августа 1915 года. В этот день в Николо-Трестино съехались многие чтившие память В. С. Соколова (среди них: губернский предводитель дворянства С. И. Бирюков, председатель губернской земской управы Б. Н. Зусин, бывший городской голова Костромы Г. Н. Ботников и др.). Перед открытием памятника в Никольской церкви о. Павел Острогский в сослужении о. Михаила Орлова** совершил Заупокойную Литургию, во время которой пел приехавший из Костромы Архиерейский хор. Из храма все прошли к открываемому памятнику, и, когда спал закрывавший его покров, взорам присутствующих предстала высокая стела с восьмиконечным православным крестом, мраморной доской с портретом В. С. Соколова и надписью: «Здесь, возвращаясь с открытия больницы в с. Красном 7 января 1912 года, внезапно скончался на 68 году жизни председатель Костромской уездной земской управы, член 3-й Государственной Думы Василий Семенович Соколов, человек светлого ума и чуткого к народным нуждам

* Так случилось, что могила В. С. Соколова на Новом (Феодоровском) кладбище в Костроме была уничтожена вместе со всем кладбищем, а памятный знак на месте его кончины, несмотря ни на что, дошел до наших дней.

** Священник о. Михаил Орлов в 1895-1906 гг. служил настоятелем Богородице-Скорбященской церкви при Костромской губернской земской больнице на Русинной улице в Костроме. Настоятель этой церкви, как писалось выше, традиционно считался как бы «главным» земским священником. В это время о. Михаил уже не служил при больничном храме и на освящение памятника его, по-видимому, пригласили по старой памяти³⁸⁴.

*Памятный знак на Красносельской дороге
на месте кончины В. С. Соколова,
освященный о. Павлом Острогским 16 августа 1915 г.
Фото К. В. Сезонова. 2004 г.*

сердца, много и с пользой работавший на городском и земском поприще. Сооружен 16 числа августа месяца 1915 года почитателями покойного В. С. Соколова». Отец Павел совершил чин освящения памятника, предварительно обратившись со словом к местным крестьянам, призвав их бережно относиться к нему и предложив присвоить Трестинской церковно-приходской школе имя В. С. Соколова³⁸⁵ (не подлежит сомнению, что настоятель церкви в Николо-Трестине хорошо знал покойного председателя уездной земской управы и высоко его ценил). После освящения памятника выступил ряд ораторов. Председатель губернской земской управы Б. Н. Зузин, в частности,

сказал: «И вот теперь, когда мы стоим, быть может, на рубеже величайших исторических событий в жизни России, когда возможно, что мы находимся накануне жестокой и решительной борьбы за первенство начал общественных, и когда поэтому так страшны по своим последствиям всякие политические ошибки и политические увлечения — в нашей общественной среде особенно сильно чувствуется утрата В. С. Соколова, человека с большим политическим тактом»³⁸⁶.

В ответ на предложение о. Павла уже через несколько дней после открытия памятника Костромское уездное земство приняло Трестинскую церковно-приходскую школу в своё ведение и официально присвоило ей имя В. С. Соколова. Сын покойного, П. В. Соколов, подарил школе портрет своего отца и снабдил её необходимыми учебными книгами³⁸⁷.

В мае 1917 года в жизни о. Павла наступил новый важный этап: по его прошению Епископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков) перевел его из Николо-Трестина в Кострому на освободившееся место священника Феодоро-Давидо-Константиновской церкви при богадельне имени сестёр Чижовых³⁸⁸. Эта богадельня для слабодвижущих и слепых женщин, открывшаяся в Костроме 27 сентября 1897 года, была создана на средства сестер одного из самых выдающихся уроженцев Костромы Ф. В. Чижова (1811-1877 гг.) Александры Васильевны, Елены Васильевны и Ольги Васильевны. Под богадельню сестры Чижовы приобрели двухэтажный каменный дом на берегу Волги (ул. Нижняя Набережная, д. 7*)³⁸⁹. При богадельне имела церковь, освященная во имя святых благоверных князей Феодора Смоленского и его чад Давида и Константина Ярославских³⁹⁰ (святой благоверный князь Смоленский и Ярославский Феодор Ростиславич был святым Ангелом Ф. В. Чижова). Таким образом, в мае 1917 года, в разгар революционных преобразований и потрясений, о. Павел оказался в Костроме. Богадельня сестер Чижовых располагалась бок о бок со зданием Костромского уездного земства (оно находилось на той же улице в доме № 5), неподалеку находился и бывший губернаторский дом на Муравьевке, с марта 1917 года — так называемый «Дом Народа». Через несколько месяцев после переезда в город о. Павел получил приглашение преподавать Закон Божий в открывающемся в Костроме Коммерческом училище³⁹¹. Это новое учебное заведение создавалось с размахом, к преподаванию в нем привлекались лучшие силы: директором училища стал вы-

* Современный адрес: ул. Лесная, д. 7.

дающийся костромской историк В. И. Смирнов, попечителем — тогдашний городской голова Н. И. Воробьев, в попечительский совет вошли, в частности, два других бывших городских головы: Г. Н. Ботников и В. А. Шевалдышев. Коммерческое училище на Никольской улице (современный адрес: ул. Свердлова, д. 27) открылось 3 октября 1917 года торжественным молебном, совершенным о. Павлом³⁹². Впрочем, училищу, открытому за три недели до большевистского переворота в Петрограде, не была суждена долгая жизнь: его закрыли в 1918 году. Еще раньше, после Декрета об отделении Церкви от государства перестал преподавать в нем о. Павел Острогский.

В конце 1917 года новые власти закрыли Костромское духовное училище, в 4-м (последнем) классе которого обучался старший сын о. Павла, Серафим Острогский. Как и все его товарищи, он не завершил учение (в 1934 году по обвинению во вредительстве С. П. Острогского расстреляют, о чем чуть ниже).

К сожалению, нам не удалось выяснить, когда были закрыты богадельня сестер Чижовых и храм при ней. В 1921 года о. Павел стал настоятелем Александро-Антониновской церкви в Селище.

Храм в 20-е годы XX века

Переход в 1921 году к новой экономической политике (НЭПу), отказ от многих крайностей «военного коммунизма», в частности — возврат к свободной торговле и узаконение мелкой частной собственности, привели к тому, что в Селище, как и везде в стране, довольно быстро восстановилась «нормальная» жизнь, во многом напоминающая прежнюю, дореволюционную. Переход к НЭПу породил надежду на мирное перерождение советского государства. Однако именно в это время началось новое гонение большевистской власти на Русскую Православную Церковь. Как известно, весной 1922 года под предлогом помощи голодающему населению Среднего и Нижнего Поволжья, согласно постановлению ВЦИК от 23 февраля 1922 года, повсеместно в стране началось изъятие церковных ценностей — священных сосудов, лампад, окладов икон и т. п., изготовленных из золота и серебра.

К сожалению, нам неизвестно, что именно и сколько всего конфисковали власти в Александро-Антониновском храме весной 1922 года. В числе изъятых святынь находился деревянный, обложенный позолоченным серебром напрестольный крест с семью частицами мощей Киево-Печерских угодников (когда и кто пожертвовал крест

храму, неизвестно)³⁹³. Но мы знаем, что не было изъято, — это большой серебряный оклад на храмовом образе святых мучеников Александра и Антонины, изготовленный в 1796 году, а также серебряная дарохранительница, пожертвованная в 1884 году Сакердоном Гавриловым. При изъятии ценностей приходской общине обычно разрешалось оставить в храме какие-либо подлежащие конфискации предметы (чаще всего, священные сосуды-потиры) при условии возмещения их другими серебряными предметами, равными по весу. И дарохранительница, являющаяся в миниатюре точной копией селищенского храма, могла остаться в его стенах только при условии, если прихожане собрали столько же серебра (например, царскими николаевскими рублями), сколько весила дарохранительница, — то есть 8,5 килограммов. И раз дар Сакердона Гаврилова остался в храме, значит, прихожане Александро-Антониновского храма именно так и сделали.

Одна беда почти сразу перешла в другую. Вслед за изъятием церковных ценностей в 1922 году в Русской Православной Церкви произошел инспирированный органами новой власти обновленческий раскол — первый после великого раскола нашей Церкви в середине XVII века. «Обновленцы», активно поддерживаемые на первых порах органами ВЧК-ОГПУ, выступали против законного Предстоятеля Церкви — Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона и декларировали полную поддержку идей Октябрьской революции и Советской власти. Несмотря на содействие властей, в Костромской епархии обновленцы почти не встретили поддержки среди духовенства и верующих. Сохранила верность Патриарху Тихону, заключенному в то время под домашний арест в московском Донском монастыре, и община Александро-Антониновского храма во главе с о. Павлом Острогским. Зато в 1922 году в руки обновленцев перешли исторические соборы в бывшем Костромском кремле вместе с находящейся там главной святыней нашего края — Феодоровской иконой Божией Матери. В связи с этим с 1922 года, более чем на 80 лет прервалась традиция принесения чудотворного образа в Александров день в селищенский храм.

В 1923 году органами ОГПУ был арестован настоятель Александро-Антониновской церкви о. Павел Острогский³⁹⁴. Обстоятельства и подробности этого ареста нам неизвестны, но, скорее всего, он связан с событиями церковного раскола. В первые годы ОГПУ почти открыто поддерживало обновленцев, арестовывая и ссылая

Семья Острогских: о. Павел с Елизаветой Александровной и детьми (стоят слева направо) Нина, Зинаида и Серафим, сидят Ираида и Владимир. Фото середины 20-х гг. XX в.

«тихоновцев», как стали называть сторонников Патриарха Тихона. Вероятно, что, арестовав о. Павла, чекисты хотели, чтобы он перешел в обновленчество, но не добившись этого, выпустили его.

Как известно, в 1923 году по всей стране комсомольцы были «брошены» на организацию так называемой «Комсомольской Пасхи». В Заволжье её подготовкой ведал комсомол завода «Рабочий металлист». На Пасху в ночь на 8 апреля 1923 года колонна комсомольцев с факелами и оркестром, выступив от стен клуба металлистов имени В. И. Ленина (он размещался на Московской улице в бывшем доме купца Конопатова*), поочередно обходила все храмы Заволжья, стараясь по возможности сорвать праздничное богослужение. Шествие юных безбожников заканчивалось в Селище у стен Александрo-Антониновского храма. О том, как это происходило, позднее вспоминал один из ветеранов завода: «Комсомольцы и молодежь собирались в клубе, слушали лекцию «О вреде религии», организовывали скромный стол с угощениями, танцевали. А к 11 ча-

* Его современный адрес: ул. Московская, д. 26.

сам вечера под звуки духового оркестра, с песнями направлялись по улице к Спасской церкви и здесь на площадке за оградой, устраивали танцы, игры, пели песни. Немало молодежи покидало стены церкви и присоединялось к веселой компании. Кульминационного момента это своеобразное соревнование комсомольцев и церковников достигало в момент шествия вокруг церкви. Можно представить себе картину, когда впереди идут священнослужители с кадиллом и пением: «Христос воскрес», в ярком облачении, сзади них — толпа верующих и сомневающих со свечами в руках, взвизывает фейерверк, — а за оградой духовой оркестр завода лихо наигрывает «Яблочко» или «Русского», молодежь поет и танцует. Где было больше народу — за оградой или вне её — сказать трудно»³⁹⁵. То же самое происходило в это время и у стен Александрo-Антониновского храма.

И всё-таки в нэповские 20-е годы жизнь во многом текла, как и в дореволюционное время. В первые четыре года своей жизни в Селище о. Павел Острогский проживал со своей семьей на съемной квартире. В 1925 году он купил у крестьянки В. К. Каликинской небольшой дом на окраине села на современной Верхне-Селищенской улице³⁹⁶. В этом доме сам о. Павел прожил до 1934 года, а его вдова и дети — до середины 60-х годов*.

В 20-е годы в клубе «III Интернационал» продолжал работать созданный Мягковыми и Купреяновыми селищенский народный театр. До поры до времени власти смотрели на обеих старушек — А. Г. Перелешину и М. Г. Купреянову, — а также и на молодых членов их семьи вполне нейтрально. К середине 20-х годов ситуация стала меняться.

Мы помним, с каким трудом племянницы Н. К. Михайловского добивались присвоения созданной ими библиотеке имени своего дяди. Однако это еще совсем недавно столько громкое имя библиотека в Селище вновь носила недолго. После 1923 года (точная дата не установлена)³⁹⁷ библиотека утратила своё посвящение Н. К. Михайловскому, взамен чего ей было присвоено имя кумира нового времени — наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского. Вероятнее всего, что библиотеку в Селище переименовали в память о посещении А. В. Луначарским завода Пло в 1919 году. Во всяком случае, в 1924 году библиотека в Селище уже носила имя А. В. Луначарского³⁹⁸. В 1927-1928 гг. (точный год неизвестен) в бывшем флигеле усадьбы

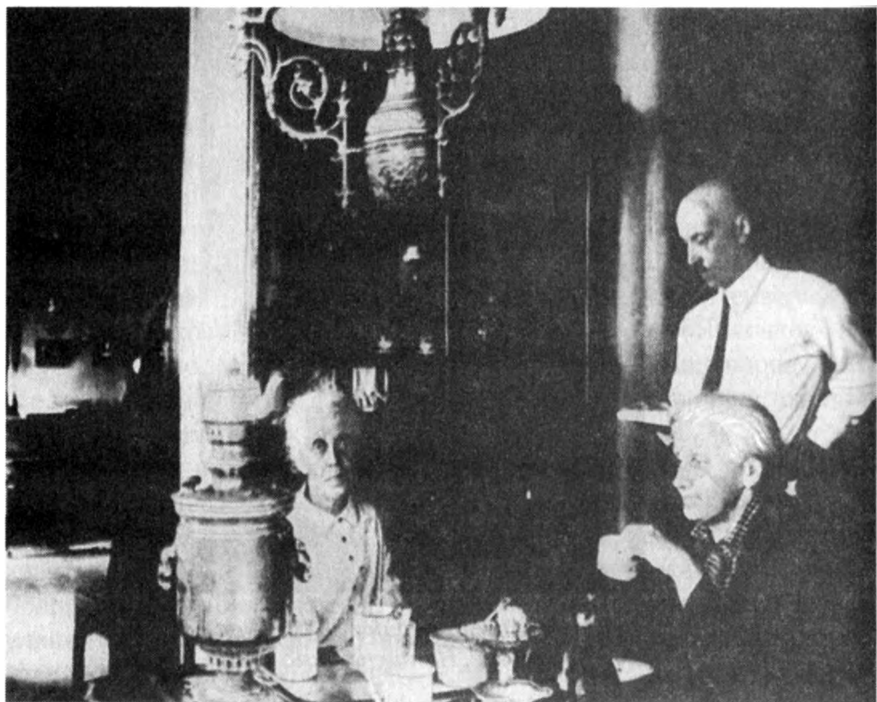
* Находившийся неподалеку от «Рабочего металлиста» дом был снесен в 1966 году при расширении территории завода.

*Н. Н. Купряев. Середина 20-х годов.
Фото М. С. Нанпельбаума*

Мягковых, где, как говорилось выше, на первом этаже размещался сельсовет, а на втором — библиотека им. Луначарского и селищенская ячейка комсомола, вспыхнул пожар. Работавшая тогда в библиотеке Ф. И. Навоева вспоминала: «...вдруг случился пожар. Загорелось в сельсовете ночью. Один из моих друзей вбежал ночью в мой дом и сообщил, что библиотека горит. Я быстро собралась и помчалась к месту пожара. Что же я увидела. В окна из 2-го этажа все книги и шкафы были выброшены на улицу. (...) После пожара мои читатели, особенно любящие книги, помогали мне собрать уцелевшие книги, перенести в зал в мягковский дом и привести в соответствующий порядок. Теперь библиотека была без помещения»³⁹⁹ (без своего угла библиотека оставалась до 1930 года).

В 20-е годы в старом усадебном доме Мягковых в Селище постоянно жила А. Г. Перелешина. После того, как в 1925 году в Москве скончался Н. Н. Купряев (бывший сувалкский губернатор), его вдова, М. Г. Купряева, также в основном проживала в Селище. По-прежнему почти каждое лето в Селище гостил художник Н. Н. Купряев. В эти годы он создал несколько больших циклов графических работ, посвященных любимому селу — «Селище»,

В селищенской усадьбе.

*Слева направо – М. Г. Купреянова, А. Г. Перелешина, Н. Н. Купреянов.
Фото середины 20-х гг. XX в.*

«Вечера в Селище», «Стада». На многих его рисунках этого времени – старый усадебный дом Мягковых. Искусствовед С. Разумовская писала о циклах рисунков Н. Н. Купреянова, посвященных Селищу, что в них раскрывается «художник-мечтатель, уходящий в тишину, и замедленное течение жизни старого деревенского дома»⁴⁰⁰. С. Разумовская продолжает: «Он любит сложные решения и эффекты освещения: свет свечей, фигуры у рояля, мерцающие тени на стене, пространство комнаты, тонущее во мраке, сложную игру света и тени, насыщенность и богатство полутонов»⁴⁰¹. «Селищенские» циклы графических работ Н. Н. Купреянова безусловно относятся к наиболее ярким художественным произведениям XX века, связанным с Костромским краем.

В ноябре 1925 году власти нанесли первый серьезный удар по А. Г. Перелешинной: Селищенский сельзбирком как жену быв-

*Н. Н. Купряев. «У рояля. Бетховен»
(А. Г. Перелешина и М. Г. Купряева).
Селище. 15 октября 1928 г. (ГМИИ)*

шего предводителя дворянства лишил её избирательных прав. Таким образом, она стала так называемой «лишенкой»*.

С 1925 года Анна Геннадьевна неустанно боролась за возвращение себе права голоса, обращаясь во все возможные инстанции. В конце 1928 года она писала в своем заявлении в президиум Костромского уисполкома (в одном из многих заявлений такого рода, которые ей приходилось писать в те годы): «Я была глубоко оскорблена лишением избирательных прав и считала для себя унижительным просить о восстановлении в правах. Кроме того считала и считаю, что лишена избирательных прав совершенно незаконно, как жена предводителя дворянства, потому что мой муж служил предводителем всего одно трехлетие, совмещая службу членом губернской земской управы, и умер в 1910 году без всяких средств, лишенный по суду (...) пенсии (...) за распространение среди населения Выборгского воззвания (...). За свою близость с революционной молодежью я была арестована в 1907 году, и подвергнута административной высылке под гласный

* При лишении избирательных прав дело было вовсе не в лишении избирательного права как такового, бывшего в стране Советов фиктивным, но лишение этого права фиктивным не было, т. к. лишенец официально становился, по сути, человеком 2-го сорта.

надзор полиции на два года. Это и многое из мною описанного, я надеюсь, не откажутся подтвердить (...) Михаил Васильевич Задорин и Федор Федорович Сергеев, а также жители Селища»⁴⁰².

Судьба её старшей сестры Марии Геннадьевны Купреяновой в эти годы сложилась аналогичным образом: в ноябре 1925 года Селищенский избирком лишил её как жену (в то время уже вдову) бывшего губернатора избирательных прав. Мария Геннадьевна обратилась в Костромской губисполком, и последний 2 марта 1926 года восстановил племянницу Н. К. Михайловского в правах. Однако осенью 1926 года Селищенский избирком вновь лишил бывшую «губернаторшу» избирательных прав. Она опять апеллировала к губернским властям, и постановлением губизбиркома от 25 марта 1927 года её права были восстановлены. Правда, времена, когда в коридорах власти ещё считались с родными бывшего идеолога народничества, заканчивались: своим постановлением от 6 мая 1927 года президиум губисполкома снова лишил М. Г. Купреянову избирательных прав. Вероятно, обратившись в Москву, Мария Геннадьевна вновь одержала победу: 25 мая 1928 года всё тот же президиум губисполкома опять восстановил её в правах. И, тем не менее, 5 декабря 1928 года Селищенский избирком в очередной раз лишил пресловутых прав вдову сувалкского губернатора⁴⁰³.

Одновременно в прессе началась кампания против затаившихся в Селище недобитых «господ». В 1928 году губернская молодежная газета «Смена» (орган Костромского губкома ВЛКСМ) в целом цикле статей обрушилась на селищенских комсомольцев, принимавших участие в народном театре. Особый упор при этом делался на М. Г. Купреянову, которую газета называла не иначе как «губернаторша». Например, в одной из первых публикаций на эту тему так описывалась репетиция в селищенском театре:

«— Выходите, господа, ваш выход! “Господа” выходят, и начинают репетировать. (Между прочим, среди “господ” есть и комсомольцы). Режиссер — бывший помещик Куприянов*, а за роялью его мамаша-«госпожа», бывшая губернаторша. Место действия: дом бывшей губернаторши в с. Селище, Коряковской волости Костромского уезда.

“Бывшие” сейчас занялись культработой среди молодежи, благо комсомольской ячейке (есть такая и в Селище) этим делом заниматься нет времени. А комсомольская ячейка занимается особой “культ-

* Имееется в виду Б. Н. Купреянов.

работой” — устройством танцевальных вечеров. На таких вечерах в большинстве бывают пьяные “и всякий человек отпето́й жизни идет на этот вечер, внося пачку гнилых, ненужных для молодежи привычек”, — пишет юнкор “Насос”. Вот культура работы ячейки, и то только по “высокоотрожественным” дням, вроде “Николина”, рождества и пр. Остальное время молодежь ходит к губернаторше, где нет пьяных, где вежливое, “господское” обращение»⁴⁰⁴. В другой заметке говорилось: «Актив Селищенской ячейки решил начать культурную революцию. Встретились ребята на этом пути с серьезными трудностями: нет помещения. “Да чего нам голову ломать, помещение искать, вот в большом доме, где живут “бывшие”, есть, где развернуться”. “Да и приглашают нас туда, вот и пойдёмте”. И пошли туда, рука об руку с классовым врагом “культуру строить”. Актив там встретили приветливо: “Пожалуйста на диванчик, не хотите ли чайку”. А когда скучно становилось, Верочка* — хозяйская дочка музыкой развлекала. Конечно, когда об этом узнал уком — всю братию расшерстили, некоторых выгнали из союза. Что можно было ожидать от такого актива? Могла ли идти батрацко-бедняцкая молодежь в такую ячейку?»⁴⁰⁵. Действительно, в 1928 году нескольких селищенских комсомольцев, игравших в мягковском театре, исключили из комсомола. В июне 1929 года на открытии на старом усадебном доме Мягковых мемориальной доски в честь Н. К. Михайловского и Н. Н. Купреянова местная жительница В. С. Летунова вспоминала, как её и еще двух селищенских девушек за участие в театре и общение с «бывшими» исключили из ВЛКСМ⁴⁰⁶. Последняя публикация на эту тему была в начале декабря 1929 года, когда уже не комсомольская, а партийная газета «Северная правда» писала: «В Селищах клубная работа совсем замерла. Поставили было пьесу с выступлением хоркружка и на этом остановились. Комсомолы собираются только для ругани между собой и ждут приезда местного жителя Б. Куприянова. Конечно, Куприянов не пожалеет времени для работы, но пролетарская молодежь должна стыдиться. Руководители должны найтись и среди неё»⁴⁰⁷.

По-видимому, для того, чтобы напомнить властям о значении Н. К. Михайловского и тем самым как-то облегчить жизнь его племянницам, красвед Ф. А. Рязановский в сентябре 1927 года поместил в «Северной правде» статью о Михайловском, на долгие десятилетия вперед оказавшуюся последним положительным упоминани-

* Верочка — дочь художника Н. Н. Купреянова, В. Н. Купреянова (1916-1934 гг.).

ем в костромской печати о некогда знаменитом публицисте и критике. В частности, в статье писалось: «Сейчас в Селище доживают век племянницы Н. К. Михайловского — М. Г. Купреянова и А. Г. Перелешина. (...) Любовь к сестре была перенесена Николаем Константиновичем и на её детей. “Старый дядя” хлопотал о них и вел с ними шутиливую переписку. Бывая у дяди, т. е. у Николая Константиновича, племянницы его невольно сталкивались с его литературным кругом. Они лично знали Г. И. Успенского, Д. Н. Мамина-Сибиряка (...)». Ф. А. Рязановский напоминал: «В Селище А. Г. Перелешинной была основана библиотека им. Н. К. Михайловского. Основной фонд её составили собрания сочинений русских авторов, присланных ими из уважения к памяти Николая Константиновича с автографами». Завершалась статья сообщением, что в 1929 году исполнится 25 лет со дня смерти Н. К. Михайловского. «Кострома должна отметить этот день»⁴⁰⁸ — полагал Ф. А. Рязановский. Впрочем, подобные статьи уже не имели никакого значения. Относительно спокойные нэповские годы подходили к концу. На Селище, как и на всю страну, неотвратимо надвигался «великий перелом», в ходе которого Кострома действительно «отметила» 25-летие кончины Н. К. Михайловского, — правда, совсем не так, как предполагал Ф. А. Рязановский.

«Великий перелом».

Закрытие храма Василия Блаженного

Постановлением ВЦИК от 8 октября 1928 года древний, существовавший, по меньшей мере, с XV века, Костромской уезд был упразднен. Его территорию поделили между собой четыре вновь образованных района — Костромской, Красносельский, Судиславский и Заволжский. Вместе с уездом подлежали упразднению и волости. Вся бывшая Коряковская волость, в том числе и весь Александро-Антониновский приход, вошла в состав Заволжского района, центром которого стала находящаяся совсем рядом с Селищем слобода Металлистов^{409*}. Мало кто из жителей сел и деревень вновь образованного Заволжского района** знал, что организация районов была одним из первых шагов к предстоящей коллективизации сельского хозяйства. Не зря в ходе этой административно-территориальной реформы «район» провозглашался «узловым пунктом социалистического строительства в деревне»⁴¹⁰.

* Слобода Металлистов — это бывшие заволжские Спасская и Никольская слободы.

** Заволжский район был упразднен в 1932 году.

В конце декабря 1928 года, в самый канун нового 1929 года — «года великого перелома», как чуть позднее назвал его Сталин, — актив Селища начал борьбу за закрытие Александро-Антониновской церкви. Понимая, что сразу закрыть церковь будет нелегко, всю свою энергию местные активисты (в первую очередь — комсомольцы) направили против храма Василия Блаженного. Поскольку он, как памятник истории и архитектуры, состоял на учете в Костромском губернском музее (губмузее), селищенская ячейка комсомола обратилась в губмузей с заявлением, в котором просила «разрешить занять им под клуб мавзолей Мягковых (“церковь Василия Блаженного”）」⁴¹¹. Узнав об этом, церковный совет религиозной общины Александро-Антониновского храма также обратился в губмузей с заявлением, в котором просил «это здание оставить за общиной»⁴¹². В связи с этим заведующий губмузеем Крошкин 3 января 1929 года обратился с докладной запиской к заведующему Губернским отделом народного образования (Губоно), в которой изложил свой взгляд на данную проблему. «С своей стороны, — писал заведующий губмузеем, — считал бы целесообразным здание-мавзолей, принадлежащий ранее Мягковым, близким родственникам Н. К. Михайловского, изъять из ведения общины, тем более, что согласно Собрания узаконений № 73, ст. 794, Губмузей имеет право взять на себя здание храма, имеющее художественное или историческое значение (...). Вышеуказанное здание по архитектуре является исключительно художественным; кроме того, это здание связано с известным в России именем костромича Н. К. Михайловского, надгробные венки которого помещены там. Поэтому я полагал бы в этом здании организовать мемориальный уголок Н. К. Михайловского — филиал Гос. Музея. Под клуб же использовать его вряд ли разрешит Главнаука, да и нецелесообразно, т. к. внутри здания потребуется большое переоборудование, что по декрету не разрешается. Настоящую докладную записку прошу направить в Губисполком для принятия решительных мер»⁴¹³.

В начале января 1929 года началась кампания по выборам в местные Советы. При подготовке к выборам в Селищенский сельский совет местный актив на избирательных собраниях стал выдвигать кандидатам в депутаты наказ о закрытии храма Василия Блаженного и приходского кладбища у стен Александро-Антониновской церкви. В связи с этим 5 января 1929 года в «Северной правде» появилась заметка «Культурные учреждения не имеют помещений — возьмём для них церковные здания», в которой, в частности, говорилось: «Еще два года тому назад проживающие в с. Селище за Волгой рабочие

просили разрешения занять здание одной церкви (их в селе две) под клуб, но им не разрешили потому, что в церкви хранятся реликвии (венки и т. п.) писателя-публициста Михайловского. В селе нет клуба, сельсовет не имеет помещения, следовало бы церковь закрыть, а связанные с памятью Михайловского вещи хранить где-нибудь в другом месте»⁴¹⁴.

Да, — так проходит мирская слава! — в стране победившей революции, для которой Н. К. Михайловский столько сделал, уже меньше, чем через 12 лет после её победы для связанных с его именем реликвий оставалось только одно место — на свалке истории.

Возглавляемая о. Павлом Острогским религиозная община делала всё, чтобы защитить храм Василия Блаженного. 13 января 1929 года в Александро-Антониновской церкви состоялось собрание верующих в количестве 160 человек, прошедшее под председательством Ф. Ф. Березина. На повестке дня собрания был один вопрос — «О закрытии церкви Василия Блаженного и кладбища». Обсудив вопрос о нависшей над церковью Василия Блаженного угрозе, собрание постановило: «Войти с ходатайством пред Губисполкомом об оставлении её за общиной (...), а в это время собрать подписи по селениям»⁴¹⁵. 5 февраля 1929 года община направила в Костромской губисполком заявление, в котором говорилось: «Согласно выработанного наказа бригадой, при перевыборах Селищенского Сельсовета ставился вопрос на некоторых собраниях о закрытии храма Василия Блаженного и о закрытии кладбища при церкви Александра-Антонины; собраный было пять. На некоторых собраниях наказ о закрытии храма и кладбища не принимали». Далее в заявлении говорилось: «Храмы Александра-Антонины и Василия Блаженного на основании государственных декретов находятся в нашем пользовании согласно договору; все пункты аккуратно и честно выполняются и нет никаких причин и оснований к постановке вопроса в Губисполкоме о возможности нарушения договора его с общиной верующих, взявших в пользование оба вышеупомянутых храма, в которых совершаются церковные богослужения: в Александро-Антониновском храме ежедневно весь год, а в храме Василия Блаженного — в летнее время, и, кроме того, в этом храме погребены тела усопших и хранятся венки видного писателя Николая Константиновича Михайловского, в этом храме нет отопления»*.

* По-видимому, «механическая» печь, установленная в храме Г. В. Мягковым в 1875 году, после революции вышла из строя.

В заключение верующие просили: «В силу всего вышеописанного мы, граждане религиозной общины просим Губисполком оставить в нашем пользовании оба храма, а также оставить и кладбище на старом месте. Мотивируем тем, что закрытие храма ничем не послужит к улучшению культурной работы в нашем селении: 1) Имеющийся сад в с. Селищах* очень великолепный в летнее время, но почесть ничем не отмечен; не ведется в нем никаких развлечений, несмотря на то, что в нем имеется сцена, 2) Имеется ячейка комсомола, в ней так же мало ведется просвещения, 3) Полусгоревшее здание, где помещался Сельсовет и ячейка комсомола, до сих пор ничего не принято к ремонту, 4) Что касается по проведению собраний, которых было пять по перевыборам Совета и утверждение наказа, то о пунктах закрытия храма и кладбища голосование подсчитывалось неправильно из членов бригады, а на некоторых собраниях о закрытии храма и не было вопроса»⁴¹⁶. Данное заявление подписали 371 человек. Много это или мало? Как мы помним, к 1917 году в Александро-Антониновском приходе проживало свыше четырех тысяч прихожан, на исповедь и причастие во время I Мировой войны в течение года ходило немногим менее трех тысяч человек. Конечно, с того времени часть верующих людей ушла из жизни, какая-то часть искренне порвала с религией (например, комсомольцы), какой-то было всё равно — есть храм или нет. Значительная часть жителей прихода, конечно, не хотела закрытия церкви, однако подписать бумагу, явно направленную против воли властей, многие побоялись. Так что 371 подпись в защиту храма Василия Блаженного (а все понимали, что вслед за ним власти покусятся и на Александро-Антониновскую церковь) — это немало**.

* Имеется в виду парк в бывшей усадьбе Ратьковых.

** Приведем фамилии всех, подписавших это заявление: 1) Семенов, 2) Морозова А., 3) Морозова М., 4) Морозов А., 5) Боброва М., 6) Бобров В., 7) Сивова А. А., 8) Сивова, 9) Новикова М., 10) Сивов И., 11) Макшанчикова А., 12) Макшанчикова А. Ф., 13) Байков Николай, 14) Байкова Н., 15) Байкова Е., 16) Воронов Н., 17) Смирнов, 18) Смирнова, 19) Ковырялов Г. В., 20) Ковырялова, 21) Ковырялов Н. Г., 22) Кулакова, 23) Кулаков А., 24) Кулакова К., 25) Сергеева Е., 26) Кулакова А., 27) Кулакова З., 28) Кулаков, 30) Уколова, 31) Хохолин А., 32) Хохолина А., 33) Кулаков, 34) Кулаков, 35) Кулакова Е., 36) Кутьяшева А., 37) Шварцева Т., 38) Маслов, 39) Ракова, 40) Козлов, 41) Гаврилов А., 42) Беленогова М., 43) Лапина А., 44) Семенова А., 45) Семенов А., 46) Макарова Е., 47) Макарова А., 48) Ракова Е., 49) Ракова О., 50) Морозов В., 51) Ракова А., 52) Раков Д., 53) Рако-

В феврале 1929 года переизбранный Селищенский сельсовет принял постановление о закрытии церкви Василия Блаженного и о передаче её здания под рабочий клуб⁴¹⁸. Как и положено, постановление ушло на утверждение в Заволжский райисполком. Райисполком должен был это постановление завизировать и отправить его на окончательное утверждение в Костромской губисполком. Однако решение этого вопроса вызвало неожиданное затруднение, растянув закрытие храма чуть ли не на год. Дело в том, что в 1929 году Костромская губерния была ликвидирована. 14 января 1929 года ВЦИК постановил: с 1 октября того же года образовать из четырех губерний (Иваново-Вознесенской, Владимирской, Ярославской и Костромской) огромную область с центром в г. Иваново-Вознесенске⁴¹⁹. 6-10 апреля 1929 года состоялся XVIII губернский съезд Советов, который переименовал Костромскую губернию в Костромской округ Ивановской области. Соответственно этому, бывшие губком ВКП(б) и губисполком стали именоваться окружкомом и окриполкомом⁴²⁰. В условиях перестройки «властной вертикали», у руководителей района, округа и области до решения судьбы храма Василия Блаженного руки дошли нескоро.

ва Е., 54) Ракова М., 55) Ракова Е., 56) Морозов А., 57) Морозова К., 58) Девочкин, 59) Воронова, 60) Козлов, 61) Козлова, 62) Щербак-кова Е., 63) Беленогов А., 64) Беленогова М., 65) Беленогов О., 66) Беленогова В., 67) подпись неразборчива, 68) Бодрин Е., 69) Сухарева М., 70) Сухарева А., 71) Беленогов В., 72) Паргин А., 73) Машкова, 74) Воронцова, 75) Бондырева А., 76) Бондырева М., 77) Бондырева, 78) Масалёва Н., 79) Масалёва М., 80) Елизавета Т., 81) Александр Т., 82) Ольга Т., 83) Навоева Т. К., 84) Уколов С., 85) Уколова Анна, 86) Сергеева Мария, 87) Елизавета, 88) Сухарникова, 89) Сухар-ников А., 90) Казанцев В., 91) Казанцева Ф., 92) Корякин, 93) Ко-рюкина Л., 94) Зуев Н., 95) Айдин И. Я., 96) Мокнина Варвара, 97) Макшанникова А., 98) Айдин В., 99) Коровкина, 100) Айдин В., 101) Айдина М., 102) Смирнова М. И., 103) Мокин Н. И., 104) Уколов Из-маил Сергеевич, 105) Воланкина А., 106) Чернов В., 107) Туманов И. М., 108) Туманова А., 109) Морозов И., 110) Морозова А., 111) Ковырялов, 112) Козлова, 113) Ковырялова, 114) Милова Ф., 115) Белова П., 116) Федотов П., 117) Белов А., 118) подпись неразборчива, 119) Развалов Е., 120) Морозов А., 121) Морозов, 122) Морозов Г., 123) Морозов Н., 124) Морозов Г., 125) Морозов Н., 126) Моро-зов В., 127) Байкова Е., 128) Байков, 129) Байкова С., 130) Раков П., 131) Раков, 132) Беленогов С., 133) Беленогова, 134) Беленогова А., 135) Раков, 136) Ракова Е., 137) Каматёсова, 138) Смирнова К.,

Весной 1929 года в Пасхальную ночь в Заволжье вновь была проведена «Комсомольская Пасха». В ночь на 5 мая 1929 г. комсомольцы и молодежь, собравшиеся в Клубе металлистов им. В. И. Ленина, прослушав антирелигиозный доклад и просмотрев какую-то кинокартину, вновь под музыку духового оркестра с факелами в руках отправились в «безбожный поход» по всем церквям Заволжья. Через несколько дней «Северная правда» с возмущением писала о том, что причт Никольской церкви, зная о намеченном шествии безбожников, устроил традиционное хождение вокруг храма не в 12 часов ночи, как положено, а на час раньше²¹.

По-видимому, чувствуя конец «своего Селища художник Н. Н. Купреянов летом 1929 года пригласил известного костромского фотографа Д. И. Пряничникова (1870-1936 гг.), запечатлеть для него — и для нас — целую серию видов старого Селища накануне надвигающегося «великого перелома». На одном из известных снимков оба селищенских храма — Александро-Антониновский и Василия Блаженного. На другом сфотографирован сам Н. Н. Купреянов, стоящий на фоне Александро-Антониновской церкви, на колокольне которой хорошо виден большой колокол.

-
- 139) Сухарева О., 140) Козлов Алексей, 141) Козлова Мария, 142) Балдина П., 143) Балдин А., 144) Балдина А., 145) Балдин А., 146) Скрипкина М., 147) Скрипкина С., 148) Скрипкин Д. П., 149) Скрипкин А. И., 150) Тюрина Ф. Г., 151) Тюрин И., 152) Баронов Е. В., 153) Баронова А. И., 154) Маринычева М., 155) Баронова М. Д., 156) Маслов И. А., 157) Маслов А. И., 158) Маслова А., 159) Маслова М., 160) Маслов А., 161) Маслова Е., 162) Чеснягина А., 163) Ковырялов В., 164) Ковырялова Н. Н., 165) Маслов И. П., 166) Сергеев В., 167) Сергеева А., 168) Лялин П., 169) Чернов В., 170) Чернов К., 171) Чернов Н., 172) Буков, 173) Буков П. В., 174) Буков А., 175) Квасников С., 176) Квасникова А., 177) Семенов Д., 178) Иванов, 179) Яичкова А., 180) Яичков А., 181) Коровкин А. И., 182) Коровкина А., 183) Коровкина, 184) Коровкин И., 185) Макшанчикова А. Ф., 186) Коровкина Н., 187) Балдин И., 188) Балдина Р., 189) Балдина, 190) Балдин, 191) Бодрин А. Д., 192) Бодрина А. Д., 193) Макарычев Павел, 194) Макарычева Мария, 195) Макарычева А., 196) Варников А., 197) Варникова К., 198) Макарычева, 199) Макарычев, 200) Макарычева, 201) Макшанчиков, 202) Квасников, 203) Бодрин И., 204) Бодрин Н., 205) Беленогова, 206) Сухарева Н., 207) Костин, 208) Костина, 209) Макшанчиков С., 210) Костина, 211) Раков, 212) Макшанчиков, 213) Макшанчикова, 214) Скрипкина, 215) Макшанчикова, 216) Скрипкина, 217) Макшан-

23 июня 1929 года Селище и окрестные деревни в последний раз в доколхозную эпоху отметили свой престольный праздник — Александров день. О том, как он проходил в 20-е гг. XX века, на основании рассказов матери и своих детских воспоминаний пишет Е. А. Ватолина: «Александров день испокон веку праздновался в Селище очень широко. Отовсюду в село съезжались родственники, друзья, знакомые. В церкви происходила торжественная служба с участием архиерея и архиерейского хора. По всему Селищу пахло свежесвеженными пирогами: к этому дню хозяйки обязательно пекли пироги с зеленым луком и яйцами и сладкие — с клюквой. Для ребятшек пекли сладкие витые плюшки, ими угощали почти в каждом доме. Вечером почти все жители села шли к церкви, где проходило народное гуляние. Люди ходили партиями, пели разные песни, и никто друг другу не мешал. Молодежь ходила нарядная, девушки — в туфельках, парни — в хромовых сапогах и рубашках-косоворотках. Гуляли три дня. На второй день молодежь ходила гулять в деревню Коряково — это тоже приход нашей церкви. В конце 20-х годов в Александров день в Селище стали продавать мороженое, которое

чиков, 218) Скрипкин, 219) Макаров, 220) Макарова, 221) Макарова, 222) Скрипкина, 223) Скрипкина, 224) Милова, 225) Скрипкина, 226) Соколов Л., 227) Беленогов, 228) Беленогов, 229) Беленогов, 230) Беленогов Н., 231) Беленогов, 232) Беленогов, 233) Терентьев П., 234) Козлов, 235) Терентьева Н., 236) подпись неразборчива, 237) Оленёва А., 238) Оленёва Л., 239) Тюрина, 240) Беленогова К., 241) Оленёв, 242) Оленёва Е., 243) Коровкин И., 244) Коровкин И. В., 245) Коровкина М., 246) Коровкин В., 247) Коровкина Е., 248) Лазарева Е., 249) Оленёва А., 250) Оленёва А., 251) Яичкова Ж., 252) Яичков В., 253) Глазова Ал., 254) Глазова Ан., 255) Макарычева А., 256) Макарычева О., 257) Березина А., 258) Лялина С., 259) Сергеева, 260) Сергеева Е., 261) Бодрин М., 262) Щербаков Г., 263) Щербакова Е., 264) Щербаков И., 265) Козлов В., 266) Козлова М., 267) Варников И., 268) Варникова Е., 269) Бодрин В., 270) Ополовников А., 271) Ополовникова З., 272) Афанасьева А., 273) Привалов, 274) Привалов М. Н., 275) Смирнов Е. В., 276) Ополовникова Ф., 277) Копков, 278) Копкова А., 279) подпись неразборчива, 280) Николай Н., 281) Куличков, 282) Масалёва, 283) Макшанчиков К., 284) Балдин Н., 285) Балдина Т., 286) подпись неразборчива, 287) Сухарева Е., 288) Макарова Л., 289) Сухарев К., 290) Ополовников М., 291) Ополовников П., 292) Ополовников, 293) Ополовников, 294) Ополовников, 295) Макшанчиков, 296) Макшанчикова Н.,

изготавливали местные жители. Приезжавшие из города лоточники продавали для детей всевозможные игрушки: мячики на резинках, свистульки с пузырьем («уйди-уйди»), глиняные свистульки в виде петушка, китайские фонарики из гофрированной разноцветной бумаги, разные хлопушки и леденцы — петушки на палочке»¹²².

15 августа 1929 года жители Селища, как и всегда, отметили престольный праздник — день Василия Блаженного, Христа ради юродивого, Московского чудотворца. При большом стечении народа о. Павел Острогский совершил в храме Божественную литургию. И никто из присутствующих, конечно, не хотел верить, что этот престольный праздник — последний в истории старого храма...

Между тем, процесс подготовки закрытия церкви Василия Блаженного, несмотря на все препятствия, продолжался. Заволжский райисполком и Костромской окрисполком пытались «выбить» средства на её переоборудование из профсоюзов. Однако в условиях свертывания нэповских элементов рыночной экономики предложение властей не вызывало у профсоюзов энтузиазма и в ответ они жаловались на бедность. 28 июля 1929 года Правление окружного от-

297) Макшанчикова О., 298) Варникова Е., 299) Варникова Ф., 300) Скрипкина С., 301) Варникова А., 302) Привалова, 303) Привалова Г. Н., 304) Привалова М., 305) Кулаков М., 306) подпись неразборчива, 307) Ковырялов, 308) Глазова, 309) Глазов, 310) Козлов, 311) Ковырялов В. Ф., 312) Ковырялова А., 313) Затейкина Л., 314) Ковырялов, 315) Ковырялова А. И., 316) Макшанчикова Н. А., 317) Бенина Анисия, 318) Беленогов В. А., 319) Ракова А. Я., 320) Беленогова, 321) Зимина Авдотья, 322) Тюрин, 323) подпись неразборчива, 324) Чечевицына, 325) Бойков Н., 326) Пигасина Л., 327) Косульников Д., 328) Косульников Николай, 329) Развалов А., 330) Развалова Е., 331) Пирогова Н., 332) Пирогова О., 333) Пирогова Д., 334) Пирогов В., 335) Пигасина П., 336) Пигасина О., 337) Пигасина П., 338) Пигасина, 339) Пигасина Н., 340) Яичкина Т., 341) Яичкина Н., 342) Яичкина В., 343) Лепилова К., 344) Лепилова М., 345) Лепилов, 346) Пирогов А., 347) Пирогова А., 348) Архипова, 349) Уколов Н., 350) Фарафонов А., 351) Фарафонтова Марья, 352) Самойлова Лизавета, 353) подпись неразборчива, 354) Хазов, 355) Кулаков, 356) Морозов, 357) Морозова, 358) Кузов Л., 359) Кузова, 360) подпись неразборчива, 361) Буков, 362) Масалёв М., 363) Масалёв С., 364) Масалёва, 365) Масалёва Н., 366) Мокин К., 367) Мокин В., 368) Мокин Н., 369) Мокин Л., 370) Мокин А., 371) Карилычев¹¹⁷.

*Селище. 19 августа 1929 года. Праздник Преображения Господня.
Отец Павел Острогский и Елизавета Александровна
(сидят второй и третья справа) с родными;
второй слева сидит о. Александр Парийский, тесть о. Павла*

деления Союза текстилей так отвечало губисполкому: «В ответ на ваш запрос (...) Правление Окротделения Союза Текстилей сообщает, что средства на переоборудование церкви в с. Селищах отпустить не имеем возможности, ввиду того, что областью смета утверждена в крайне незначительной сумме»⁴²³. 20 августа 1929 года из окрисполкома в Окротделы профсоюзов металлистов и кожевников ушла очередная бумага, в которой говорилось: «Секретариат Президиума Окрисполкома просит поспешить ответом на его запрос от 17 июля 1929 года (...) по делу выделения Союзам средств и о сумме их для переоборудования здания церкви «Василия Блаженного» в с. Селищах Заволжского района под клуб»⁴²⁴. Так и не решив вопроса о том, кто будет оплачивать «переоборудование» храма Василия Блаженного, Президиум Костромского окрисполкома 16 сентября 1929 года принял постановление о его закрытии. В связи с тем, что массовое закрытие церквей только начиналось, и «ликвидация» каждой была еще в новинку, это постановление носило весьма пространственный характер. В нем говорилось: «Имея в виду, 1) что храм «Василия Блажен-

*Селище. 15 августа — день Василия Блаженного.
Фото начала XX в.*

ного» в с. Селищах за р. Волгой Селищенской религиозной общиной используется исключительно в летнее время (май-сентябрь), так как в распоряжение общины предоставлен второй храм «Алекса́ндро-Анто́ниновский», который в свою очередь имеет два здания*: летнюю и зимнюю церковь и с успехом может удовлетворять религиозные требования верующих, 2) что согласно ст. 10 Постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля с. г. каждое религиозное общество или группа верующих может пользоваться только одним молитвенным помещением, 3) доводы религиозной общины об оставлении в их пользовании храма на том лишь основании, что он, являясь мавзолеем Мягковых, представляет из себя историческую ценность, так как в нем погребены тела умерших и хранятся венки писателя-народника Н. К. Михайловского, — совершенно не основательны и не заслуживают внима-

* Трудно сказать, имеем мы здесь дело с ложью или невежеством, так как хотя Алекса́ндро-Анто́ниновская церковь действительно состояла из зимнего и летнего храмов, но оба они находились (и находятся) в одном здании.

*Селище. Конец лета 1929 г. Справа — Н. Н. Купрянов.
Фото Д. И. Пряничникова*

ния, так как венки Михайловского могут быть перенесены в другое место, причем сам храм Василия Блаженного не представляет из себя обычного архитектурного типа церкви по заключению специалиста — технически легко может быть приспособлен под клуб без нарушения его внешнего вида, 4) кроме того вопрос о ликвидации храма не встречает препятствий и со стороны Главнауки, общества старых политкаторжан, которые изъявили согласие содействовать организации в здании храма культурно-просветительного учреждения, 5) Принимая во внимание, что за недостатком подходящих жилых помещений в с. Селищах действительно ощущается острая нужда в организации клуба, так как в с. Селищах, расположенном вблизи г. Костромы и в непосредственной близости к заводу "Рабочий металлист" проживает большое количество рабочих, в особенности кожевников и металлистов» (...). «Исходя из вышеизложенного» Президиум Окрисполкома постановил: "(...) ходатайство Заволжского РИКа удовлетворить. Договор на бесплатное пользование храмом "Василия Блаженного"

с Селищенской религиозной общиной расторгнуть, храм ликвидировать, передать его в распоряжение Заволжского РИКа для организации при содействии профсоюзов в нем клуба»⁴²⁵.

9 октября 1929 года это постановление было утверждено Ивановским облисполкомом, в свою очередь постановившим: «(...) договор с группой верующих на пользование указанным зданием расторгнуть и передать это здание Заволжскому райисполкому для устройства в нем рабочего клуба»⁴²⁶.

По-видимому, именно в это время, узнав о том, что вопрос о закрытии храма Василия Блаженного решен, А. Г. Перелешина и М. Г. Купреянова обратились к властям с ходатайством о перезахоронении останков Мягковых из усыпальницы в его подклете на приходском кладбище и получили на это разрешение. Во-первых, представителям власти, видимо, было еще как-то неудобно отказать племянницам Н. К. Михайловского, а, во-вторых, они и сами понимали, что устраивать клуб «на гробах» как-то не очень хорошо. В результате, по свидетельству старожилов, останки Мягковых, — некоторые из них находились в цинковых гробах, — были извлечены и перезахоронены на приходском кладбище (вероятно, где-то у алтаря, но точное место неизвестно). Что чувствовали племянницы бывшего «властителя дум», по крайней мере, Анна Геннадьевна Перелешина, переноса прах своих предков из храма, в котором предполагалось устроить клуб?

Однако с окончательной передачей храма под рабочий клуб встали трудности финансового характера. Ведь переоборудование храма не планировалось заранее, и на эти цели ни в одном бюджете не было предусмотрено выделения средств. Осенью 1929 года эта проблема являлась предметом активной бюрократической переписки инстанций. В ответ на предложение окриполкома о выделении средств Заволжский райисполком 17 октября 1929 года сообщал: «На ваше предложение о выделении средств для переоборудования здания церкви “Василия блаженного” в с. Селище Заволжского района под клуб — Костромской Райзавком сообщает, что в данный период средств в Райзавкоме не имеется, ввиду того, что таковые сметой на 2-е полугодие предусмотрены не были»⁴²⁷.

За несколько дней до главного советского праздника — Дня Великой Октябрьской социалистической революции — 4 ноября 1929 года «Северная правда» вопрошала: «Разве плохой был бы уголок для нескольких сот кожевников, металлистов и текстилей, живущих

*Селище. Осень 1929 года.
Храмы святых мучеников Александра и Антонины (слева)
и Василия Блаженного (справа).
Фото Д. И. Пряничникова*

в Селище. Церковь отобрана и заперта. Денег на оборудование красного уголка никто не даёт»⁴²⁸. Однако, хотя все формальности были выполнены, у властей Заволжского района, заваленных в конце 1929 года всевозможной работой, всё никак не доходили руки до передачи здания храма под клуб. Эта бюрократическая волокита вызывала у селищенских активистов праведный гнев и заставляла их вновь и вновь обращаться в окрисполком. В связи с этим 17 ноября 1929 года из Президиума окрисполкома в адрес Заволжского райисполкома раздался строгий окрик. «Согласно постановления Областного Исполнительного Комитета от 9 октября с. г., — говорилось в направленной в райисполком бумаге, — молитвенное здание церкви «Василия Блаженного» должно быть передано для организации в нем клуба Селищенскому сельсовету. (...) Заволжский РИК несмотря на данные ему 24/Х с. г. указания со стороны Окрисполкома с передачей помещения по неизвестным причинам медлит. Президиум Окрисполкома предлагает немедленно реализовать постановление Окрисполкома и Облисполкома по этому вопросу и передать помещение по принадлежности для оборудования под культурно-просветительное учреж-

ление. Об исполнении информировать Президиум Окрисполкома не позднее 19 сего ноября»⁴²⁹.

26 ноября 1929 года один из местных воинствующих безбожников, укрывшийся под псевдонимом «Свисток 9293», на страницах «Северной правды» обвинил председателя Заволжского райисполкома Ившина в бюрократизме и чуть ли не потворстве церковникам. В заметке «Ившин цепляется за церковь» «Свисток» писал: «Председатель Заволжского рика (райисполкома — Н.З.) Ившин самым откровенным образом тормозит состоявшееся еще в феврале постановление Селищенского сельсовета о передаче церкви Василия Блаженного под клуб. Только в июне он переслал дело в Окрисполком, а требование последнего предоставить фотоснимок церкви не выполнял целых полтора месяца. Мало того, когда и Окрисполком и Областком утвердили постановление сельсовета о закрытии церкви, Ившин передал зачем-то это дело в коммунотдел. На запрос же сельсовета коммунотдел ответил: председатель Ившин не велел нам сдавать церковь. Не помогло и вторичное распоряжение Окрисполкома о передаче церкви сельсовету. Ившин продолжает упорно твердить: дело в коммунотделе. РКИ*, слово за тобой»⁴³⁰.

Окончательная передача здания церкви Василия Блаженного под клуб состоялась, по-видимому, в начале декабря 1929 года. Очевидцы помнят, что сразу после этого на храме был сломан венчающий его крест и взамен — в знак того, что еще с одним очагом «религиозного дурмана» покончено — водружен красный флаг.

Заметим, что в ходе борьбы вокруг храма Василия Блаженного как-то само собой забылось о втором лозунге, с которого в январе 1929 года началась вся кампания, — о закрытии приходского кладбища. Сопротивление общины и трудности, возникшие при закрытии храма, привели к тому, что и властям, и селищенскому активу стало не до приходского кладбища. И это был безусловный успех — ведь вслед за кладбищем, конечно, последовало бы закрытие и самой Александро-Антониновской церкви.

Однако именно в это время — в конце 1929 года, года «великого перелома» — Александро-Антониновская церковь стала играть осо-

* РКИ (рабоче-крестьянская инспекция) — советский контрольный орган. Обвинение Ившина в торможении передачи церкви под клуб и призыв к РКИ обратить на этот факт внимание в условиях конца 1929 года могли кончиться для председателя Заволжского райисполкома самым печальным образом.

бенно важную роль среди храмов Костромы. Связано это с тем, что в конце 1929 года её настоятель протоиерей Павел Острогский был назначен благочинным церковью города Костромы (хотя официально Селище вошло в черту города только в 1932 году⁴³¹, но фактически оно уже давно являлось окраиной Костромы). Отец Павел стал благочинным после того, как в октябре 1929 года в Костроме органы ОГПУ арестовали большую группу духовенства. Попытавшийся защитить арестованных Архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести; 1870-1929 гг.) получил предписание немедленно покинуть Кострому*. По-видимому, в те тревожные дни владыка Севастиан и назначил о. Павла благочинным церковью города Костромы. До революции этот пост являлся одним из наиболее значимых и почетных в духовной иерархии епархии. В эпоху же «великого перелома» и начала нового этапа жестоких гонений на Церковь, в глазах партийных и чекистских органов благочинный Костромы уже по определению являлся одним из главных «вожжаков церковной контрреволюции», арест которого есть только вопрос времени.

После закрытия храма Василия Блаженного все силы селищенского актива были брошены на закрытие Александрo-Антониновской церкви. Как и было принято в то время, речь никогда не заходила о том, что идет борьба с религией, ведь Советская власть всегда гарантировала гражданам своей страны полную свободу вероисповеданий. Как и обычно, делался вид, что трудящимся остро не хватает помещений для культурной работы. Весь 1929 год в Костроме и её окрестностях, как и во всей стране, шла кампания по снятию — на нужды индустриализации — колоколов. 4 января 1930 года в заметке в «Северной правде» за подписью «группа селищенских рабочих» говорилось: «Присоединяемся к голосу рабочих о снятии колоколов в городе и просим снять колокола в с. Селище (...). Пусть колокола созывают не старух для моления, а рабочих для великой стройки»⁴³². В Селище кампания по снятию колоколов плавно перетекла в кампанию за закрытие Александрo-Антониновской церкви. Впервые требование об этом прозвучало в том же номере газеты — в заметке «Селище требует» говорилось: «Собрание рабочих и работниц — кожевников и домохозяек в красном уголке села Селище постановило просить Горсовет и Заволжский рик (райисполком — Н.З.) отдать

* Архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести) уехал в Кинешму, где и скончался 8 декабря 1929 года. Его могила доныне находится у алтаря кинешемского Успенского собора.

колокола селищенской церкви на индустриализацию, а церковь закрыть и устроить в ней культурный очаг»⁴³³. Инициатива была подхвачена и в конце января 1930 года «Северная правда» сообщала: «Общее собрание проживающих в с. Селище кожевников постановило передать селищенскую церковь на культурные нужды. В Селище проживает немало металлистов и текстильщиков. Профсоюзные организации должны подхватить решение кожевников»⁴³⁴.

В первые месяцы 1930 года усилилось запугивание «религиозного актива» Александро-Антониновской общины. 1 февраля 1930 года в «Северной правде» появилась заметка «Регент затесался на производство». Её автор, укрывшийся под псевдонимом «Прохожий», сообщал читателям о том, что проживающий в Селище рабочий фабрики «X Октябрь» М. Козлов состоит регентом церковного хора Александро-Антониновского храма. Сообщив, что «19 января, т. е. в день поповского “крещения” (...) он не вышел на работу», «Прохожий» вопрошал: «Место ли Козлову на производстве?»⁴³⁵.

В январе или феврале 1930 года по обвинению в «контрреволюционной агитации и пропаганде» был арестован настоятель храма протоиерей Павел Острогский*. Таким образом всё развивалось по отработанной схеме, и через какое-то время Советская власть, как власть трудящихся, должна была прислушаться к требованиям масс и закрыть церковь. очевидцы вспоминают, что в январе или феврале 1930 года с колокольни Александро-Антониновской церкви были сброшены все колокола, падавшие на каменное крыльцо храма. Большой тяжелый колокол, весивший 252 пуда (то есть свыше четырех тонн)⁴³⁷, при падении сам частично разбившись, как ножом разрезал всё крыльцо, глубоко уйдя в землю. На долгие десятилетия селищенская колокольня «онемела».

В эти же месяцы в окрестных деревнях, издавна входивших в состав селищенского прихода, как и везде, происходили трагические события коллективизации. Посулами и угрозами крестьян загоняли в колхозы, а упорствующих раскулачивали (в борьбу за «социалистическое переустройство сельского хозяйства» и «ликвидацию кулачества как класса» в окрестные селения было брошено большое количество рабочих и служащих «Рабочего металлиста»). Одним из

* Точная дата ареста о. Павла неизвестна. Мы знаем лишь, что арест произошел в 1930 году⁴³⁶, но, скорее всего, о. Павла забрали в самом начале года, когда власти, судя по всему, готовили закрытие Александро-Антониновского храма.

первых колхоз возник в д. Коряково. В бывшем центре Коряковской волости колхоз был создан в феврале 1930 года бригадой бойцов стоявшего тогда в Костроме 10-го полка связи (эта воинская часть носила почетное наименование — Полк связи имени Костромского пролетариата), отчего колхоз в Корякове получил название — колхоз имени Полка связи⁴³⁸.

Однако форсированная коллективизация поставила страну под угрозу срыва весеннего сева с перспективой всеобщего голода, и руководство страны пошло на тактический маневр: в начале марта 1930 года во всех советских газетах была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Относительно сельских церквей в статье содержалось указание, смысл которого сводился к тому, что вначале надо загнать людей в колхозы, а уже потом закрывать церкви. В результате, с марта 1930 года шумная кампания о том, что рабочим в Селище не хватает культурного очага, для чего непременно надо закрыть храм, прекратилась как по мановению волшебной палочки. Испуганные статьей вождя местные руководители, по-видимому, поспешили выпустить о. Павла Острогского на свободу.

Летом 1930 года в храме Василия Блаженного был открыт клуб, чему предшествовала соответствующая «реконструкция» церковного здания: в нем разобрали иконостас (судьба храмовых икон неизвестна, возможно, какую-то часть из них перенесли в Александро-Антопиновскую церковь). Судьба венков с похорон Н. К. Михайловского также неизвестна, — скорее всего, их просто выбросили. В храме была устроена сцена, разместившаяся на месте бывшей алтарной части, и зрительный зал с длинными лавками. Старожил Селища Е. А. Ватолина вспоминает: «...в 1930 году церковь была переоборудована в клуб. Под свою опеку этот клуб взяла добровольная пожарная дружина. Побелили стены, сделали сцену, поставили в зрительном зале деревянные скамейки; оборудовано примерно сто мест. Заведующим клубом был Кираль. Организаторами были члены сельсовета Евлалия Привалова, Иван Барсуков, Михаил Оленев, начальник пожарной дружины Григорий Иванович Хлебников. Драмкружок, который был у Мягковых, продолжал работать в полном составе, ставили пьесы без режиссера сами, как ставили у Мягковых (...). Народ в клуб ходил активно — в зале не хватало мест. Году в 1932-м скамейки сменили на красивые венские стулья. Зал выглядел очень прилично, и сцена была оборудована капитально — с занавесом на роликах. В клубе крутили немое кино. Был роуаль, и

во время демонстрации фильма кто-нибудь сопровождал его игрой на рояле, то есть был тапер. Константин Михайлович Летунов организовал при клубе струнный оркестр (...). Кроме концертов в клубе читались лекции. Много читалось лекций на атеистические темы (приходили лекторы из города). Все декорации, разного рода плакаты для клуба рисовал мой отец А. М. Ватолин, причем всегда бесплатно. При клубе работал женсовет, действовали различные кружки и местная организация МОПР*»⁴³⁹. Разумеется, всё это происходило только в теплое время, так как здание оставалось неотапливаемым.

В том же 1930 году пробил час старой дворянской усадьбы Мягковых. В это время в Костроме была арестована большая группа бывших офицеров старой русской армии, в основном, дворян. Всем им предъявили обвинение в принадлежности к мифическому «Союзу возрождения России и двуглавого орла», будто бы готовившего в Костроме восстание. По этому делу была арестована и единственная женщина — ревностная прихожанка Александро-Антониновской церкви 64-летняя М. Г. Купреянова (вместе с ней чекисты забрали и её сына, художника и журналиста Ю. Н. Купреянова). Видимо, пресловутую «губернаторшу» пристегнули к этому «Союзу» заодно, чтобы не возиться с возбуждением по ней отдельного дела. 15 декабря 1930 года «тройка» при Постоянном представительстве ОГПУ по Ивановской промышленной области приговорила М. Г. Купреянову к ссылке на три года. Её сына, Ю. Н. Купреянова, внучатого племянника Н. К. Михайловского, осудили на 10 лет «исправтрудлагерей»⁴⁴⁰ (выйти из лагеря живым ему было не суждено). М. Г. Купреянову сослали в Архангельск, А. Г. Перелешина добровольно поехала в ссылку вместе с ней. Перед этим, по свидетельству местных старожил, Анну Геннадьевну вынудили написать заявление с отказом от усадебного дома Мягковых: таким образом, постановление ВЦИК, которым дом закреплялся за племянницами Н. К. Михайловского в пожизненное пользование, утрачивало свою силу.

Возможно, что раньше обеих женщин защитил бы М. В. Задорин, но времена изменились, и теперь еще недавно могущественный селищенский большевик вряд ли смог помочь М. Г. Купреяновой, сестра которой в 1903 году, как мы помним, помогла ему, тогда молодому социал-демократу выйти из тюрьмы. Звезда славы М. В. Задорина покатила с небосклона еще в 1922 году — году повсеместного пере-

* МОПР — Международная организация помощи пролетарским революционерам.

хода к НЭПу, — когда он в один миг из председателя Губревтрибунала превратился в заместителя председателя кооператива деревообделочников*. Оттесненный на задворки политической жизни, он вряд ли бы смог помочь своим былым селищенским покровительницам. даже если бы и очень захотел.

Думается, что Марии Геннадьевне было в каком-то отношении легче, чем Анне Геннадьевне, переносить все преследования 20-х годов, арест и ссылку в Архангельск. По крайней мере, она точно знала, что страдает за то, что она дворянка и была замужем за губернатором. Положение Анны Геннадьевны являлось несравненно трагичнее: ведь она-то искренне — и по праву — считала себя участницей освободительного движения, и поэтому переносить гонения после победы революции, свергнувшей столь ненавистное ей самодержавие, было особенно тяжело.

С высылкой Марии Геннадьевны и отъездом Анны Геннадьевны в старом усадебном доме Мягковых, по сути, завершилось дореволюционное время. Революция, до поры до времени сдерживаемая старым постановлением ВЦИК и остатками бывшего обаяния имени Н. К. Михайловского, наконец-то ворвалась и в его стены. Через некоторое время в старинном доме на берегу Волги, помнившем Н. К. Михайловского, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, было устроено несколько квартир, которые заселили новые жильцы.

Через несколько лет А. Г. Перелешина вернулась в Селище, но вплоть до своей кончины она жила в родном селе, снимая угол у чужих людей. Вскоре трагически оборвалась жизнь художника Н. Н. Купреянова. 27 июля 1933 года он, по сути, выросший на Волге, утонул, купаясь, в маленькой подмосковной речке Уче. Впрочем, возможно, что эта нелепая гибель спасла Н. Н. Купреянова от гораздо худшей участи. Кто знает, как сложилась бы его судьба во время массового террора 1937 года, когда наверняка бы вспомнили, что он — сын царского губернатора и вслед за этим сразу нашли массу идеологических изъянов в его живописных работах.

* В последующее время М. В. Задорин — еще недавно одно из первых лиц губернии — работал: в 1924-1925 гг. — заместителем председателя Центрального рабочего кооператива, в 1925-1928 гг. — управляющим Главпунктоуправления г. Костромы, в 1928-1932 гг. — председателем Окрпотребсоюза¹⁴¹.

В сентябре 1930 года из Селища «были высланы на поселение на север все лавочники, торговцы сапожными изделиями и зажиточные крестьяне⁴⁴². Дома высланных подлежали конфискации. Это помогло решить проблему «бездомной» библиотеки им. Луначарского. В том же году она въехала в стоящий вблизи от Александрo-Антониновского храма дом сосланного лавочника П. И. Сивова (современный адрес: ул. Верхне-Селищенская, д. 98*). С 1938 года в этой библиотеке работала младшая дочь о. Павла — И. П. Острогская.

В суровые 30-е годы

Тридцатые годы XX века — особый период в истории Русской Православной Церкви, когда она, не будучи запрещена официально, фактически находилась вне закона. 30-е годы — особый период и в истории Александрo-Антониновского храма, когда над ним постоянно висела угроза гибели. То, что в это жестокое время массового террора и повсеместного закрытия церквей, храм в Селище удалось спасти, во многом является личной заслугой его настоятелей — протоиереев Павла Острогского и Иоанна Костина, первый из которых заплатил за это своей жизнью.

Чтобы представить, в какой обстановке приходилось действовать храму, надо напомнить, что, например, с начала 30-х годов на несколько лет утвердилась советская традиция — объявлять день Пасхи, как известно, всегда приходящийся на воскресенье, рабочим днем; делалось это, разумеется, по «инициативе» трудовых коллективов, а день отдыха при этом обычно переносился на субботу. Эта традиция, конечно, существовала и на «Рабочем металлисте». Таким образом, верующих ставили перед выбором: или пропускать Пасхальное богослужение, или не ходить на работу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Имена тех, кто в «рабочий» день Пасхи «прогуливал» ради посещения церкви, помещались на «черных досках» предприятий и учреждений, о них сообщалось в печати. Еще задолго до Пасхи в газетах начиналась антипасхальная кампания, по мере приближения праздника, именуемого не иначе как «кулацко-поповская пасха», переходящая в настоящую истерию. В Великую Субботу 11 апреля 1931 года «Северная правда» призывала в своих заголовках: «Поповской пасхе — пути закрыты! Ударной работой ответим на

* В бывшем доме П. И. Сивова библиотека им. Луначарского находилась до 1953 года.

пасхальный звон колоколов! Кто прогулял в пасхальные дни, тот помог классовому врагу!»⁴⁴³. Такого же рода кампании проводились и перед Рождеством Христовым, и перед Троицей, и перед всеми другими главными православными праздниками.

Усилению борьбы с Александро-Антониновским храмом способствовал и новый этап коллективизации, начавшийся в 1931 году и провозглашенный пропагандой «второй большевистской весной». Взамен развалившихся весной 1930 года в селениях прихода один за другим возникали новые колхозы: имени В. И. Ленина — в Емельянке (создан 20 января 1931 г.), «Новая жизнь» — в Дербине (15 апреля 1931 г.), имени 518* — в Окульцеве (12 сентября 1931 г.), «Труженик» — в Пепелине и др.⁴⁴⁴ Молодые колхозы также активно участвовали в антирелигиозных и антицерковных кампаниях.

В этих условиях значение настоятеля Александро-Антониновской церкви о. Павла Острогского было исключительно высоко. Отец Павел продержался на посту благочинного церковью Костромы почти четыре года, являясь ближайшим сотрудником обоих сменившихся за это время на костромской кафедре архиереев: священномучеников Димитрия (Добросердова) и Никодима (Кроткова), Архиепископов Костромских и Галичских.

Напомним, что в обстановке антирелигиозной истерии крайне тяжело было оставаться и рядовым священником. Более чем наглядно об этом свидетельствует судьба настоятеля ближайшей к Селищу церкви. Не выдержав давления властей, в январе 1931 года сложил с себя сан и отрекся от веры о. Павел Звездкин, настоятель Никольского храма бывшей Никольской слободы (нельзя не учитывать, что в таких случаях отрекающиеся зачастую думали не о себе, но, в первую очередь, о судьбе своих детей). Однако вынудившие его к такому шагу не удовлетвоались этим: в начале декабря того же 1931 года Павел Звездкин публично, при помощи письма, опубликованного в «Северной правде», еще раз отрекся от Церкви и веры. О том, что письмо бывшего настоятеля Александро-Антониновского храма инспирировано властями, говорит хотя бы то, что, будучи датировано 5 декабря 1931 года, оно появилось в газете уже 6 декабря. В этом письме под заголовком «Порвал с религией» говорилось: «Я, бывший священник Звездкин П. И., отказался от

* Своё загадочное название колхоз в Окульцеве, несомненно, получил в честь 518 заводов, построенных в СССР в годы первой пятилетки.

*Священномученик Димитрий (Добросердов; 1865-1937 гг.),
Архиепископ Костромской и Галичский, совершал богослужения
в Александро-Антониновской церкви в 1930-1932 гг.
Фото 20-х гг. XX в.*

службы в церкви “Никольской” общины слободы Metallистов и дал обещание никогда и нигде не служить культу, ибо не хочу идти по одной дороге с людьми, ведущими борьбу против социалистического строительства. Свою прошлую вину перед трудящимися я хочу загладить путем участия в труде, в строительстве социализма и призываю всех служителей “святых алтарей” последовать моему примеру. Отцы духовные, бросьте отравлять сознание трудящихся тем, во что сами не верите. Бросьте натравливать народы на народы. Я, бывший священник, заявляю, что не религия “утрет слезы” трудящихся, слез не будет тогда, когда в головах трудящихся не будет место религии»⁴⁴⁵.

По-своему символично, что в том же 1931 году на посту настоятеля Никольской церкви отрекшегося от веры священника сменил

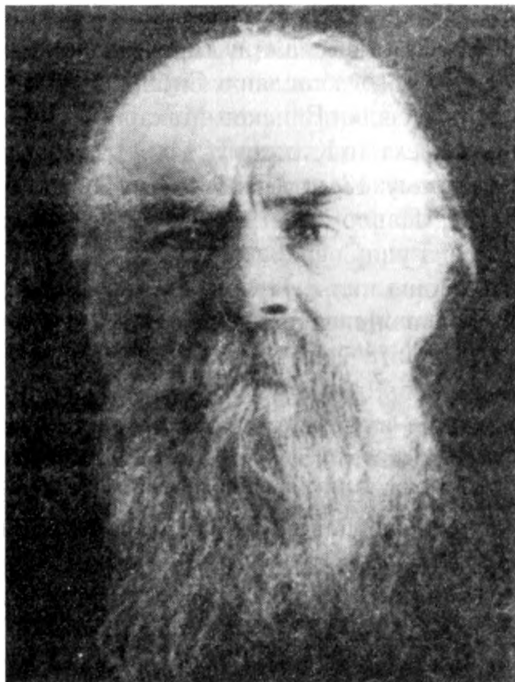
будущий многолетний настоятель Александро-Антониновского храма о. Иоанн Костин (в монашестве — игумен Игнатий).

В Селище о. Павла Острогского знали как очень доброго человека. Екатерина Ивановна Костромина (р. в 1915 году в д. Дербино) вспоминает о своем детстве и юности: «Я до замужества жила в д. Дербино и с детства ходила в селищенскую церковь. На исповедь мы ходили с вечера, собирались несколько девчонок и ночевали в Селище. Всегда исповедовались у отца Павла Острогского, хотя был еще священник — Иван Гарский. Отец Павел нас ласково встречал, гладил по головке и разговаривал с нами. Его все любили, он был истинный священник, а отец Иван Гарский был дерганый какой-то, при ходьбе подпрыгивал, часто кричал»⁴⁴⁶.

Особенно о. Павел Острогский любил детей. По воспоминаниям местных старожилов, он всегда носил с собой коробочку леденцов, которыми угощал встречаемых детей (надо напомнить, что в те времена для большинства детей конфеты являлись редким лакомством). Варвара Дмитриевна Баскова (р. в 1913 году в Селище) вспоминает: «...дети всегда выбегали на улицу, сообщая друг другу, что отец Павел вышел из дому и пошел, например, с ведрами за водой, так как он всегда одаривал детей конфетами»⁴⁴⁷.

В первой половине 30-х годов о. Павел помог поселиться в Селище целому ряду гонимых людей. В конце 1933 года по приглашению святителя Никодима в Кострому из Вязьмы приехал бывший vicарий Киевской епархии священномученик Макарий, Епископ Днепрпетровский.

Священномученик Макарий (в миру Григорий Яковлевич Кармазин) родился 1 октября 1875 года в местечке Меджибож Винницкого уезда Подольской губернии в семье землемера. По окончании Подольской духовной семинарии 23 августа 1893 года он был рукоположен во иерея к церкви с. Витковец Каменецкого уезда Подольской губернии, где прослужил 7 лет, и 21 апреля 1900 года был переведен в с. Бандышевку Ямпольского уезда той же губернии. В 1902 году о. Григорий Кармазин стал военным священником 8-го запасного кавалерийского полка, в 1912 году — военным священником 152-го пехотного Владикавказского полка. Всю I Мировую войну о. Григорий провел на фронте. 2 марта 1915 года он был контужен, 21 июля того же года вновь контужен и отправлен на излечение в госпиталь. По излечении 8 сентября вернулся в полк. За личное мужество и пастьерские труды о. Григорий Кармазин был возведен в сан протои-

*Священномученик Макарий (Кармазин; 1875-1937 гг.),
Епископ Днепропетровский. Тюремное фото. Кострома. 1934 г.*

ерея и получил назначение в 729-й пехотный Новоуфимский полк. Дальнейшие годы войны он провел в Бресте, Риге, Галиции и других местах. В 1918-1922 годах о. Григорий служил священником в разных приходах Киевской епархии. В 1922 году он принял монашество с именем Макарий и Митрополитом Киевским и Галицким Михаилом (Ермаковым) был хиротонисан в Епископа Уманского, викария Киевской епархии. После последовавшего в том же году ареста Митрополита Михаила, обвиненного в сопротивлении изъятию церковных ценностей, руководство Киевской епархией легло на Епископа Макария. В 1923 году владыка Макарий был арестован и 4 месяца находился в киевской тюрьме (арест, видимо, имел целью вынудить Епископа перейти на сторону поддерживаемых властями обновленцев). В январе 1925 года Епископа Макария вновь арестовали, и большую часть года он провел в заключении. Выйдя на свободу в конце 1925 года, он был назначен Епископом Екатеринославским и Новомосковским, но в Екатеринославе (ныне — Днепропетровск) его вскоре

вновь арестовали. После почти годового заключения в тюрьме священномученика Макария выслали в Харьков. В 1927 году он опять был арестован и на три года сослан в Сибирь, в Томскую губернию. По окончании срока ссылки Епископ Макарий поселился в Вязьме, откуда позднее и переехал в Кострому⁴⁴⁸.

Приехав в Кострому 13 ноября 1933 года, Епископ Макарий, сопровождаемый о. Павлом Острогским, посетил святителя Никодима в его доме на ул. Свердлова. Святитель попросил о. Павла найти владыке Макарию жильё. При помощи настоятеля Александро-Антониновской церкви он поселился в Селище*.

Епископ Макарий ежедневно посещал Александро-Антониновскую церковь, в частности, помогая о. Павлу читать поминальные книжки⁴⁵⁰. Разумеется, то, что в Селище поселился опальный Епископ, каждый день посещавший церковь, не могло не привлекать на богослужения людей. Ведь до революции архиерей (правлящий или викарный) посещал селищенский храм лишь раз в несколько лет, и каждое такое посещение являлось событием в жизни прихода. После революции, когда число храмов стало быстро сокращаться, костромские архиереи обычно совершали богослужение в Александро-Антониновском храме ежегодно, на престольный праздник. В следственных делах НКВД по Селищу не сохранилось сведений о том, участвовал ли Епископ Макарий в совершении богослужений, или же он молился в храме как обычный прихожанин, но второе вероятнее: чекисты, скорее всего, поставили бы в вину владыке его участие в богослужениях, придав этому «контрреволюционное» значение. Перед началом богослужения и после его окончания все члены причта подходили к Епископу Макарию под благословение⁴⁵¹. От бывшего киевского викария члены Александро-Антониновского причта узнал и о страшном голоде на Украине в 1933 году (впоследствии о. Павел Острогский был дополнительно обвинен в распространении «контрреволюционных провокационных слухов о голоде и массовой смертности на Украине, с целью создать недовольство массы к существующему строю»)⁴⁵².

В мае 1934 года в Селище нашел приют еще один гонимый — видный русский церковный историк, бывший профессор Московской духовной академии Николай Ильи Серебрянский (1872-1940 гг.). Н. И. Серебрянский родился 1 декабря 1872 года в с. Крекши-

* Священномученик Макарий жил в Селище по следующему адресу: с. Селище, район № 15, д. 25⁴⁴⁹. Современный адрес этого дома неизвестен.

по Новоржевского уезда Псковской губернии в семье священника. В 1892 году он окончил Псковскую духовную семинарию, а в 1898 году — Московскую духовную академию. После окончания академии Н. И. Серебрянский последовательно преподавал в духовных учебных заведениях в Смоленске, Торопце и Пскове (во время службы в Псковской духовной семинарии он познакомился со святителем Никодимом (Кротковым), в 1905-1907 гг. бывшим её ректором). С 1909 года Н. И. Серебрянский служил справщиком в Московской Синодальной типографии. В 1914 году он впервые попал в Кострому, где преподавал в Костромской духовной семинарии. С 1916 года Н. И. Серебрянский — профессор Московской духовной академии. Он автор ряда фундаментальных научных трудов (в том числе: Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908; Древнерусские княжеские жития. М., 1915). После закрытия в 1919 году академии, Н. И. Серебрянский несколько лет преподавал в Псковском педтехникуме, а в 1925-1930 гг. состоял научным сотрудником Академии наук в Ленинграде. 22 декабря 1930 года он был арестован по так называемому «академическому делу». По этому «делу», инспирированному ОГПУ с целью разгрома старых кадров Академии наук, чекисты арестовали почти весь цвет исторической науки во главе с академиком С. Ф. Платоновым, всего около ста человек, обвиненных в создании «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». По обвинению «в систематической агитации и пропаганде программно-политических установок “Всенародного союза...”, содержащих призыв к реставрации помещичье-капиталистического строя и установления монархического образа правления»⁴⁵³, Н. И. Серебрянский был приговорен к 10 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). К счастью, на Соловках бывший профессор духовной академии пробыл только один год: по состоянию здоровья пребывание в лагере ему заменили на ссылку в Судиславль. В мае 1934 года по окончании ссылки Архиепископ Никодим пригласил Н. И. Серебрянского в Кострому⁴⁵⁴. По просьбе святителя о. Павел нашел жильё для Н. И. Серебрянского в Селище. С этого времени бывший профессор Московской духовной академии стал одним из прихожан Александро-Антониновской церкви.

Служба о. Павла Острогского благочинным пришлась на период, когда служителей Церкви постоянно арестовывали, ссылали, сажали в тюрьмы и лагеря, а их семьи, лишившись кормильца, бедствовали. В начале 1933 года, по благословению святителя Никодима, о. Павел

*Дом, в котором жила семья Острогских.
На переднем плане — Ираида Павловна Острогская.
Фото 1960 г.*

создал при Александро-Антониновском храме нелегальную кассу для помощи ссыльному духовенству и их семьям, в которую поступали отчисления от всех городских церквей⁴⁵⁵. Этот шаг свидетельствует о большом мужестве о. Павла, к этому времени уже дважды побывавшего в застенках ОГПУ и прекрасно понимавшего, чем он рискует, идя на создание подобной кассы (ведь с точки зрения властей материальная поддержка обвиненным в «контрреволюции» являлась не элементарной помощью ближнему, а опасным контрреволюционным преступлением).

В 1934 году в Селище был разрушен бывший храм Василия Блаженного. Как мы помним, в 1930 году в нем разместился клуб. Казалось бы — и хорошо! Очаг культуры в бывшем «очаге поповского мракобесия» — чего же лучше! Но разрушительный маховик, запущенный в 1917 году, продолжал вращаться, требуя всё новых и новых жертв. Примыкающий к Селищу завод «Рабочий металлист» в это время расширялся, но так как строительных материалов в условиях плановой экономики систематически не хватало, то летом 1934 года бывший храм Василия Блаженного, а ныне рабочий клуб, было решено разобрать на кирпич. По свидетельству старожилов, здание

*Серафим Павлович Острогский.
1934 год. Тюремное фото*

храма ломали костромские татары, жители Татарской слободы, издавна специализировавшиеся на выполнении сложных и трудоемких работ. Правда, кирпича при разборке церкви получилось очень немного, капитальная кладка 20-х годов XIX века только крошилась, полученный щебень на телегах увозили на «Рабочий металлист». К осени 1934 года на месте храма осталось только усыпанная битым кирпичом площадка...*

В это же время о. Павла постигло большое личное горе. 20 декабря 1933 года в Новосибирске был арестован его старший сын — Серафим Павлович Острогский (1904-1934 гг.), технолог предприятия «Льноконопледотрактор». В духе времени его обвинили в принадлежности к «контрреволюционной диверсионной группе». 13 марта 1934 года Коллегия ОГПУ осудила С. П. Острогского к высшей мере наказания — расстрелу (при аресте и вынесении приговора, чекисты, несомненно, «учли» то, что Серафим Павлович — сын «служителя культа»). Приговор был приведен в исполнение в Новосибирске 22 июня 1934 года⁴⁵⁶.

Разумеется, ОГПУ тщательно контролировало каждый шаг поселившихся в Селище «бывших», в частности, Епископа Макария. Уже переживший столько арестов, он не мог не понимать, что долго продержаться в Селище чекисты ему не дадут. Осенью 1934 года,

* В 2004 году на месте разрушенного храма Василия Блаженного был установлен памятный крест.

возможно, кем-то предупрежденный о готовящемся аресте, Епископ Макарий предпринял попытку уехать из Селища: 30 сентября он сел на «старом» вокзале в Заволжье на поезд, имея при себе билет до Харькова. Уже в вагоне его арестовали сотрудники НКВД, и вскоре владыка оказался в одной из камер «Ардома» (арестного дома) НКВД на улице Свердлова. Раскрутка «дела» селищенской «контрреволюционной группы» началась. В ночь на 8 октября 1934 года в своем доме был арестован протоиерей Павел Острогский. В последующие два дня арестовали еще несколько человек. Уже 10 октября всех взятых в Селище «под спецконвоєм» отправили в Иваново⁴⁵⁷ (отправка членов селищенской «группы» в областной центр — свидетельство того, что их считали опасными преступниками). Отправка в Иваново всей группы арестованных во главе с Епископом Макарием и о. Павлом проходила со «старого» вокзала. Каким-то образом селищенцы узнали об этом и пришли их проводить. Юрий Григорьевич Хлебников (р. в 1925 году в Селище) вспоминает: «Я был еще маленьким, мама взяла меня с собой провожать арестованных священников. Вагоны стояли на пути у завода «Рабочий металлист», было много народу из Селища. Заключение в окна вагона улыбались и махали нам руками. Когда поезд тронулся, все провожающие плакали и махали вслед поезду руками»⁴⁵⁸.

На следствии о. Павел держался стойко. На допросе 11 октября 1934 года он, в частности, сказал: «Советскую власть я считаю властью антихристовой — безбожной, посланной нам за грехи наши, как испытание»⁴⁵⁹. На допросе 14 октября о. Павел сказал: «Я лично считаю, что православная вера никогда не падёт», и выразил уверенность, что придет время, когда «власть поймёт, что она делает ошибку по отношению веры и церкви, признает их и даст им нужное положение»⁴⁶⁰. В ходе следствия в качестве свидетелей по делу о селищенской «контрреволюционной группе» были привлечены жившие при храме монахини Митродора, Таисия и Рахиль⁴⁶¹, а также ряд местных жителей, в том числе и А. Г. Перелешина, к этому времени уже вернувшаяся в Селище⁴⁶².

Среди старожилков Селища бытует мнение, что одним из «информаторов» НКВД в Александро-Антониновской церкви являлся второй священник о. Иоанн Гарский. Материалы следственного дела, как кажется, подтверждают это подозрение. Именно о. Иоанн, проходивший по делу как свидетель, официально сообщил следствию о существовании при их храме «кассы для помощи нуждающимся

*Протоиерей Иоанн Гарский —
настоятель Александро-Антониновской церкви в 1934-1935 гг.
Фото 1931 г.*

священникам, семьям заключенных служителей культа»⁴⁶³. Наконец, о. Иоанн не только не был арестован (хотя в подобных случаях чекисты обычно забирали всех подряд), но сразу после ареста о. Павла Острогского стал настоятелем Александро-Антониновской церкви (правда, настоятелем он пробыл недолго, так как скончался в 1935 году).

17 марта 1935 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило почти всю селищенскую «группу», в том числе Епископа Макария и протоиерея Павла Острогского, к ссылке в Казахстан сроком на пять лет⁴⁶⁴.

Отца Павла сослали на самый юг Казахстана — на железнодорожную станцию Чу в Чуйском районе Алма-Атинской области. Его супруга Елизавета Александровна, подобно женам декабристов, поехала вслед за ним в далекие казахские степи и прожила с о. Павлом в Чу более двух лет.

Разгром «контрреволюционной группы», обезглавивший общину в Селище, вдохновил местных воинствующих безбожников на новый раунд борьбы за закрытие Александрo-Антониновской церкви. В октябре 1934 года, в связи с проходившей тогда кампанией по пере-выборам в Советы, вопрос об открытии в её стенах «рабочего клуба» зазвучал вновь. В середине октября «Северная правда» помести-ла заметку некоего «металлиста», призвавшего отметить выборы в Советы «конкретными делами». «Металлист» возмущался: «Един-ственный культурный очаг в Селище — это библиотека-читальня, но её работе сильно мешает общее неустройство и хулиганство молодежи. В перевыборную кампанию Советов надо коренным об-разом разрешить вопрос о Селище и в первую голову надо закрыть церковь, приспособив её для нужд просветительной работы. Мы требуем от горсовета серьёзно взяться за это дело»⁴⁶⁵ (в советской стране нельзя было требовать, например, повышения зарплаты, но всегда можно потребовать, чтобы закрыли церковь). Через несколь-ко дней рабочие фабрики «X Октябрь» Дерябин и завода «Рабочий металлист» Новиков, а также примкнувшая к ним сознательная домохозяйка Привалова поддержали в газете почин безымянного «металлиста»: «Совершенно отсутствует у нас (в Селище — Н.З.) культурно-воспитательная работа и много хулиганства. Вполне сво-евременно поднят вопрос о закрытии у нас церкви и занятии её под клуб»⁴⁶⁶ (логика времени — закроем церковь и не будет хулиганства). 4 ноября, в преддверии праздника великого Октября, в столовой за-вода «Рабочий металлист» 176 рабочих механического и сборочного цехов заслушали отчет представителя горсовета. С наказом к горсо-вету выступил инструментальщик Сталлит*, в частности, сказавший: «В Селище культурно-массовой работы нет, да и вообще на всё За-волжье один клуб в две комнаты. Если вздумаешь в него придти, то тебе истычат все бока и уйдешь домой, в то время как в Селище есть церковь, где можно устроить хороший рабочий клуб. Над этим вопро-сом горсовет должен подумать»⁴⁶⁷.

Таким образом, процесс опять пошел, и казалось бы, теперь должен был дойти до своего логического конца — закрытия храма, устройства в нем клуба с последующей его разборкой через несколь-ко лет на кирпич и щебень для «Рабочего металлиста». К тому же,

* Это тот самый П. Х. Сталлит, который в 1915 году перешел из лютеран-ства в православие, а затем обвенчался с русской девушкой из Селища.

арест его многолетнего настоятеля о. Павла Острогского существенно снижал возможности верующих защитить свой храм (власти всегда могли сказать: все вы там одним миром мазаны, контрреволюционеры). Сдерживающих тормозов, поставленных в марте 1930 года сталинским «Головокружением от успехов», также уже не было: подавляющее большинство жителей приходских деревень к концу 1934 года, когда «социалистическая реконструкция сельского хозяйства» в основном была «успешно» завершена, вступили в колхозы.

Кампания за закрытие храма слилась с другой кампанией — за переименование Селища. Как известно, 1 декабря 1934 года в Ленинграде, в Смольном — бывшем «штабе революции», где находился Ленинградский обком ВКП(б), был убит первый секретарь обкома, член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) С. М. Киров. Убийство Кирова положило начало новому витку террора в нашей стране, сопровождавшемуся шумной пропагандистской кампанией против «затаившихся» классовых врагов. В 1934-1935 гг. в СССР в честь убитого соратника Сталина, олицетворявшего собой героя-большевика, подло убитого из-за угла недобитыми врагами народа, переименовывалось всё подряд — города, предприятия, учебные заведения, театры, проспекты и т. д. Не осталось в стороне от этого процесса и Селище. В первых числах декабря 1935 года, когда широко отмечалась первая годовщина «злодейского убийства» соратника великого Сталина, «рабочие завода «Рабочий металлист», проживающие в Селище», обратились в горсовет с ходатайством о переименовании «с. Селища в поселок имени Кирова»⁴⁶⁸. Если бы в то время в Советском Союзе органы власти повсеместно не были завалены подобными ходатайствами (при их осуществлении немного бы осталось в нашей стране чего-нибудь, не носящего имени С. М. Кирова), то Селище, конечно бы, переименовали, как в 20-е годы переименовали соседнюю Спасо-Никольскую слободу в слободу Металлистов. И Селище, слава Богу, осталось Селищем.

В Костроме же в 1934 году закрытие и разрушение церковей приобрело массовый характер. В 1934 году в Заволжье были закрыты Никольская церковь в бывшей Никольской слободе* и Спасо-Преображенская церковь в бывшей Спасской слободе**.

* Никольскую церковь разобрали на кирпич в 1942 году.

** Вскоре после закрытия здание Спасо-Преображенской церкви было частично разрушено, и в нем устроили общежитие для рабочих завода «Рабочий металлист».

*Протоиерей Иоанн Костин —
настоятель Александро-Антониновской церкви в 1935-1964 гг.
Фото 1947 г.*

К концу 30-х годов в Заволжье осталось только два действующих храма — Христорожественский (Ильинский) в Городище и Александро-Антониновский в Селище.

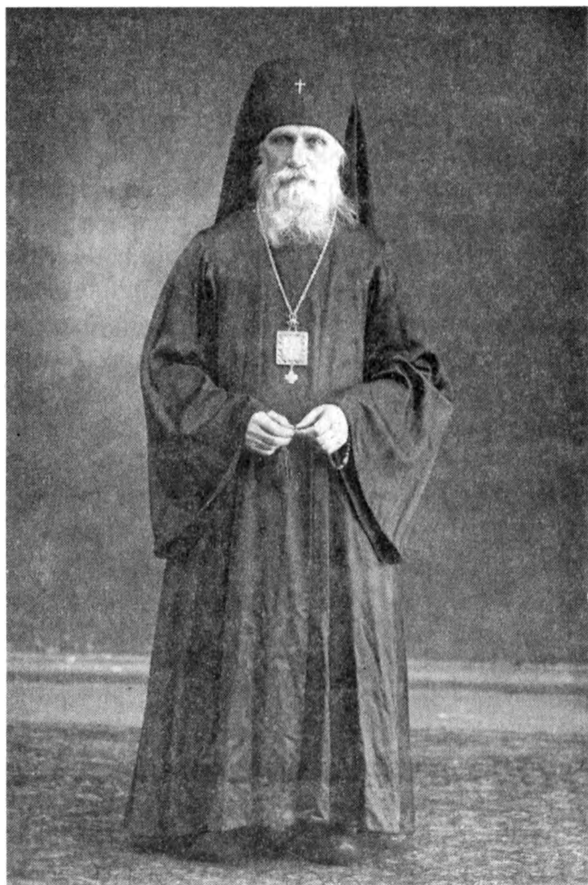
В 1935 году умер протоиерей Иоанн Гарский. Новым настоятелем Александро-Антониновского храма священномученик Никодим (Кротков), Архиепископ Костромской и Галичский, назначил протоиерея Иоанна Костина. С 1935 года и почти тридцать лет история селищенской церкви неразрывно связана с именем о. Иоанна Костина (позднее — игумена Игнатия), память о котором и доньше жива среди старожилов Селища.

Отец Иоанн родился в Селище 13 июня 1890 года в многодетной крестьянской семье; его родителей звали Иван Константинович и Татьяна Алексеевна. Окончив начальное земское училище, он с 12 лет, чтобы помочь родителям, занимался сапожным ремеслом.

В 1908 году он женился на местной крестьянской девушке Марии Григорьевне (1891-1950 гг.), с которой обвенчался в Александро-Антониновской церкви. В 1914 году, после начала I Мировой войны, Иван Костин был мобилизован на фронт и, как мы помним, в 1915 году он попал в плен к австрийцам (похоже, что о. Иоанн стал первым настоятелем Александро-Антониновской церкви, который, по крайней мере, в XIX-XX веках, являлся участником войны). Вернувшись в 1918 году из плена домой, И. И. Костин в 1918-1922 гг. работал в Костроме на обувной фабрике. В 1922 году он сделал важнейший шаг в своей жизни: Архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести) рукоположил его в диакона к Никольской церкви Никольской слободы. В 1927 году о. Иоанн перешел в свою родную приходскую Александро-Антониновскую церковь, в которой и прослужил диаконом четыре года. В 1931 году о. Иоанн был рукоположен священномучеником Димитрием (Добросердовым), Архиепископом Костромским и Галичским, во священника к Никольской церкви в слободе Металлистов. В 1935 году после закрытия этой церкви о. Иоанн был перемещен в Селище⁴⁶⁹.

В середине 30-х годов в Александро-Антониновском храме на престольные праздники совершал Божественную литургию священномученик Никодим (Кротков; 1868-1938 гг.), Архиепископ Костромской и Галичский, назначенный управляющим Костромской епархией в июне 1932 года. В последний раз, судя по всему, это произошло в Александров день 23 июня 1936 года. Менее чем через полгода, в ночь с 3 на 4 декабря (за сутки до принятия VIII Чрезвычайным Всесоюзным съездом Советов новой Конституции СССР, так называемой «Сталинской» Конституции, торжественно закреплявшей на бумаге права советских граждан на исповедание любой религии*) владыка

* В соответствии с новой Конституцией СССР, провозгласившей равенство всех граждан Советского Союза, независимо от классового происхождения и рода деятельности, был восстановлен в правах и о. Павел Острогский. 31 января 1937 года Президиум Костромского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов официально сообщил «гражданину Острогскому П. Ф.», что на основании 135 статьи Конституции СССР и 139 статьи Конституции РСФСР он восстановлен «в избирательных правах»⁴⁷⁰. О том, что новоявленный полноправный гражданин СССР третий год находится в ссылке в местах весьма отдаленных, в горсовете Костромы, по-видимому, не знали.

*Священномученик Никодим (Кротков; 1868-1938 гг.),
Архиепископ Костромской и Галичский, совершал богослужения
в Александро-Антониновской церкви в 1932-1936 гг.
Фото 30-х гг. XX в.*

Никодим был арестован. Святитель скончался в ярославской тюрьме в Коровниках 21 августа 1938 года.

Одновременно с о. Иоанном Костиным, с 1935 года, в Александро-Антониновском храме стала служить псаломщицей Елизавета Алексеевна Розанова (1905-1997 гг.) — будущая монахиня Серафима. Мать Серафима родилась в 1905 году в д. Филисово в Буйском уезде. С детства она с родителями бывала на богомолье в местных монастырях — Иаково-Железоборовском и Троицком Сумароковом.

Мать Серафима. Фото 60-х XX в.

В 20-е годы Елизавета Розанова стала духовной дочерью одного из выдающихся православных подвижников нашего края — иеромонаха Железоборовского монастыря Иоасафа (Сазанова). В 1946 году Елизавета Алексеевна приняла монашество с именем Серафима, монашеский постриг совершил настоятель Никольской церкви в с. Николо-Быстрых Буйского района игумен Маврикий (Томин), в том же году переехавший в возрожденную Троице-Сергиеву Лавру. Мать Серафима служила псаломщицей в Александро-Антониновском храме на протяжении более сорока лет — вплоть до 1976 года⁴⁷¹.

Как известно, в 1937 году, в преддверии первых «общенародных» выборов в Верховный Совет СССР, назначенных на 12 декабря этого года, Сталин начал по всей стране новую кампанию массового террора, в первую очередь направленную против партийных и советских кадров. Волна террора 1937 года не миновала и Селище с его округой. Многочисленные аресты прошли среди работников завода «Рабочий металлист». По обвинению в самых немыслимых преступлениях были арестованы и затем расстреляны: главный инже-

нер завода Л. З. Аккерман, его заместитель Н. И. Выдрин, рабочий П. Г. Охалкин, бывший член Костромского Совета рабочих депутатов в 1917 году, отец пятерых детей. Немало других арестованных работников завода приговорили к различным срокам заключения и ссылке в далекие края¹⁷². Чаша сия не миновала и М. В. Задорина. К 1937 году для одного из старейших костромских большевиков воистину уже всё было в прошлом. В 30-е годы бывший председатель Костромской Губчека занимал весьма незначительные второстепенные посты: в 1933-1934 гг. — секретарь партколлегии и заместителем председателя Рабоче-Крестьянской инспекции, в 1935-1936 гг. — управляющий базой Облпотребсоюза, в 1937 году — управляющий базой «Главтабак». Вплоть до 1936 года М. В. Задорин являлся одним из руководителей Костромского филиала Всесоюзного общества старых большевиков (в 1936 г. Сталин упразднил это общество)¹⁷³. 3 августа 1937 года М. В. Задорин вызвали в Костромской горком ВКП(б), где его исключили из партии и тут же, в здании горкома, арестовали. Уже через несколько минут бывший председатель Губчека оказался в одной из камер внутренней тюрьмы городского отдела НКВД на ул. Свердлова. Впоследствии в своем письме в 1954 году на имя Н. С. Хрущева М. В. Задорин так описывал, как обращались с ним его преемники по работе в органах: «Как же велся допрос? Пять-шесть месяцев не допрашивали, а после в течение 3-х недель — каждый день с 11 часов вечера и до 6 часов утра со всякими издевательствами и насилиями, после чего опять сажали в камеру, где не давали уснуть или отдохнуть хотя бы полчаса и после этого сажают на стул в комнате следователя и держат 5 суток на стуле, не давая спать, куда-либо сходить, причем применяли всяческие издевательства, а рядом через стенку, в другой комнате, каждую ночь производили экзекуции над заключенными. (...) К моей семье также были применены незаконные меры: жену исключили из горсовета, хотя она была активистка и премиривалась горсоветом за работу, сына исключили из Ленинского комсомола, а также выгнали из квартиры, и переселили в подвал. После всех этих издевательствах я вынужден был подписаться в протоколе, чтобы прекратить эти мучения. Я верил и верю в то, что партия и Советское правительство разберутся в этом»¹⁷⁴. Конечно, для М. В. Задорина арест явился глубочайшей личной трагедией и актом вопиющей — как ему казалось — несправедливости. До 1917 года за ним неоднократно закрывались тюремные двери, но тогда для большевика-революционера всё было ясно и понятно. Арестовывая и

отправляя на смерть множество людей в Костроме, Варнавине, Урени, Кронштадте и других местах, М. В. Задорин, конечно, и помыслить не мог, что когда-нибудь родная Советская власть обрушит свой карающий меч и на его голову. Как одному из руководителей Костромского филиала Общества старых большевиков ему предъявили обвинение в том, что при его пособничестве филиал стал оплотом правого уклона в партии. Конечно, быть обвиненным в подобном «грехе» для старого большевика было невыносимо, но, судя по всему, у него ни разу не мелькнула мысль о том, что он сам стал жертвой машины чудовищного террора, к созданию которой приложил столько усилий (а если и мелькала, то он, наверное, старательно её отгонял). Вряд ли и в это время, и позднее М. В. Задорина посещало и раскаяние за всё совершенное им в первые годы революции* (возможно, посещали почные кошмары, ведь от угрызений совести не может избавиться и самый стойкий большевик). 23 августа 1938 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило бывшего председателя костромских Губчека и Губревтрибунала «за контрреволюционную деятельность» к 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере^{476**}.

В 1937 — 1938 гг. на Русскую Православную Церковь обрушились новые жестокие гонения. Жертвой этих гонений стали и находящиеся в казахстанской ссылке бывшие участники селищенской «контрре-

* В своем письме на имя И. В. Сталина в 1949 году М. В. Задорин писал: «Иосиф Виссарионович! Я был большевиком с 1900 г. Верно и преданно служил партии и рабочему классу 37 лет. (...) В тяжелых условиях подполья, в годы гражданской войны и в трудные годы социалистического строительства я преданно, настойчиво, без каких бы то колебаний выполнял решения партии и ее ЦК. Я ненавидел, и сколько хватало моих сил и знаний, боролся со всеми уклонами в партии. (...) Еще раз прошу Вас, Иосиф Виссарионович! Помогите мне закончить последний остаток моей жизни с именем большевика и умереть большевиком не только в сердце, но и по форме»⁴⁷⁵.

** 10 декабря 1937 года в Ростове-на-Дону был арестован Я. К. Кульпе — старый товарищ М. В. Задорина, в 1919 году сменивший его на посту председателя Губчека, в то время директор одного из ростовских предприятий. Чекисты обвинили его в латышском национализме и шпионаже в пользу японской разведки (в 1926-1928 гг. Я. К. Кульпе работал в китайском Харбине секретарем Северо-Манчжурского комитета ВКП(б) на Китайско-Восточной железной дороге). 20 февраля 1938 года бывший руководитель большевиков костромского Заволжья был приговорен к расстрелу⁴⁷⁷.

волюционной группы» — священномученик Макарий (Кармазин) и протоиерей Павел Острогский. В Казахстане Епископ Макарий проживал в Каратальском районе на железнодорожной станции Уш-Тоб. 20 ноября 1937 года его вновь арестовали, доставили в столицу республики Алма-Ату и заключили в тюрьму. Уже 1 декабря 1937 года священномученик Макарий был приговорен к расстрелу, а 3 декабря расстрелян^{478*}

Как мы помним, о. Павел Острогский отбывал свою ссылку на железнодорожной станции Чу в Чуйском районе Алма-Атинской области. В конце 1937 года его также арестовали. 10 декабря 1937 года «за ведение среди населения антисоветской агитации, направленной против мероприятий партии и советского правительства» «тройка» УНКВД Алма-Атинской области приговорила о. Павла к расстрелу. 13 декабря 1937 года приговор был приведен в исполнение⁴⁷⁹. Где находятся могилы владыки Макария и о. Павла неизвестно.

После ареста о. Павла его супруга Елизавета Александровна вернулась из Казахстана в Селище. Долгое время ни она, ни её дети ничего не знали о судьбе главы семьи. 14 декабря 1938 года Елизавета Александровна обратилась с заявлением на имя прокурора Алма-Атинской области, в котором говорилось: «Обращаюсь к вам с просьбой, если есть возможность, то помогите мне узнать местонахождение моего мужа Павла Феодоровича Острогского, который был в 1935 году выслан в Чуйский район на вольное поселение и отбывал свой срок на ст. Чу. 23/XI — 1937 года он был взят Новотроицким Н.К.В.Д. и 8/XII выслан в г. Алма-Ата, а теперь от него нет никаких вестей, жив ли он или куда выслан ничего неизвестно. В первых числах января 1938 года я ездила в г. Алма-Ата, но мне ничего не удалось узнать об его местопребывании, будьте внимательны к моей просьбе не откажите и если есть возможность, то известите по адресу: г. Кострома, Ярославской области, с. Селище за Волгой, район 1, д. 13, Острогской Е. А.»⁴⁸⁰. Ответил ли прокурор Алма-Атинской области Елизавете Александровне, и если ответил, то что — неизвестно. На все запросы Е. А. Острогской из органов приходили уклончивые ответы. В семейном архиве Острогских сохранилась недатированная выписка из одного такого ответа, согласно которому о. Павел скончался

* В 2000 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Епископ Днепропетровский Макарий (Кармазин) был прославлен в лике святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

в заключении «от упадка сердечной деятельности» 13 ноября 1941 года. Лишь в середине 50-х годов семья о. Павла узнала правду.

Террор 1937-1938 гг. не миновал и Селище. Как мы помним, из всех видных селищенских «бывших» в 1934 году избежал ареста только бывший профессор Московской духовной академии Н. И. Серебрянский. Его час пробил в конце апреля 1938 года, когда в преддверии праздника 1 Мая чекисты арестовали в Костроме большую часть той маленькой группы церковнослужителей, которые еще оставались на свободе. Н. И. Серебрянский был арестован 27 апреля, заключен в костромскую тюрьму и обвинен в принадлежности к «церковно-монархической организации, созданной в городе Костроме в 1936 году бывшим Костромским архиепископом Кротковым»⁴⁸¹. 26 сентября 1938 года Особое совещание при НКВД СССР «за контрреволюционную деятельность» осудило Н. И. Серебрянского к заключению в «исправтрудлагерь» сроком на пять лет⁴⁸². Для больного старика этот относительно «мягкий» по тем временам приговор был равнозначен смертному. Выдающийся русский историк скончался на 69 году жизни 23 мая 1940 года в каком-то из лагунктов гигантского «Сиблага»⁴⁸³.

Хотя за период террора конца 30-х годов Церковь как организация была почти уничтожена, сам факт существования отдельных еще не закрытых церквей не давал спокойно жить воинствующим атеистам. Против оставшихся в Заволжье действующих церквей постоянно велась пропагандистская кампания. 25 июня 1938 года (за день до выборов в Верховный Совет РСФСР) в большой статье «Заволжье» «Северная правда» расписывала, как плохо заволжские трудящиеся жили под гнетом самодержавия и как сказочно изменилась их жизнь в стране, «озаренной солнцем сталинской Конституции». Рисуя жуткую картину дореволюционной действительности, авторы статьи не преминули лишний раз облить грязью заволжские храмы и их служителей. По их мнению, до революции в Заволжье: «Клуба и библиотеки не было*. Зато каждое утро “малиновый” звон колоколов заволжских церквей приглашал население к обедне. Попы и монахи искусно опутывали обывателей тinou религиозного дурмана. Усердно обрабатывали в алтарях простаков, вербовали в черносотенный союз Михаила архангела, выявляли недовольных царской властью»⁴⁸⁴.

* А библиотека имени Н. К. Михайловского?

*Диакон Павел Парийский с близкими.
Фото 1947 г.*

26 апреля 1939 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Костроме был образован Заволжский район, включивший в себя всю территорию заволжской части города, в том числе и Селище. Для властей вновь образованного района, твердо усвоивших, что в церквях сосредотачиваются все контрреволюционные элементы и что борьба с религией — это борьба за социализм, действующий Александро-Антониновский храм являлся олицетворением Русской Православной Церкви, последней силы в обществе, открыто не разделявшей советской атеистической идеологии.

В обстановке постоянного запугивания в 1939 году из Александро-Антониновской церкви был вынужден уйти диакон Павел Парийский (1889-1951 гг.), служивший в Селище с 1928 года*. Он сделал это под давлением своих сыновей, боявшихся, что их отец, в конце кон-

* Диакон Павел Александрович Парийский был родным братом супруги о. Павла Острогского, Елизаветы Александровны, и самому о. Павлу доводился шурином.

цов, разделит участь большей части костромского духовенства, то есть будет расстрелян или окажется в лагере. Оставив службу в храме, о. Павел пошел работать на завод «Рабочий металлист»*.

В конце 30-х годов регентом хора Александро-Антониновского храма стал младший брат о. Иоанна Костина, Василий Иванович Костин (1901-1985 гг.) — будущий протоиерей, обладавший красивым голосом и с юношеских лет певший в церковном хоре.

21 мая 1940 года «Северная правда» обвинила партийные и комсомольские организации Заволжского района Костромы в серьёзных недостатках в организации антирелигиозной пропаганды. «В районе работают две церкви**, в которых ежедневно происходят религиозные обряды — писала газета. — Церковники нередко пытаются вовлечь молодежь в свои ряды. Отдельные родители заставляют своих детей-школьников ходить в церковь». Констатировав ряд подобных «упущений» районных властей, партийный орган сурово вопрошал: «Не пора ли оргкомитету СВБ (Союза воинствующих безбожников — Н.З.) и райкому партии Заволжского района больше уделять внимания антирелигиозной пропаганде, проводить её планомерно, постоянно и не только среди членов СВБ, как это делается сейчас, а среди самых широких слоев населения (...). Партийные, комсомольские организации, ячейки СВБ в Заволжском районе должны коренным образом перестроить дело антирелигиозной пропаганды»⁴⁸⁵. Критика «Северной правды» оказалась действенной. 29 апреля 1941 года — в канун пролетарского праздника 1 Мая — Исполком Костромского городского Совета депутатов трудящихся закрыл древний храм Рождества Христова (Ильинский) на Городище⁴⁸⁶. Казалось бы, эту участь неминуемо должна была разделить и Александро-Антониновская церковь, однако этого не произошло. Что её спасло? Почему она избежала судьбы всех остальных храмов заволжской части Костромы? Судя по всему, огромная роль в сохранении церкви принадлежит о. Иоанну Костину. По свидетельству старожилов, в предвоенное время о. Иоанна постоянно вызывали в райотдел НКВД и всячески

* В 1943 году о. Павел Парийский вернулся к церковному служению и в последующие годы служил в Покровской церкви с. Жданово (Костромской район), в храмах Галича и Солигалича. Отец Павел скончался 5 ноября 1951 года в Солигаличе, где и был похоронен.

** Имеются в виду Христорождественская (Ильинская) церковь на Городище и Александро-Антониновская церковь в Селище.

склоняли отказаться от сана, после чего храм в Селище закрылся бы, словно сам собой, и Советская власть была бы ни при чем. Однако он не поддался на это давление, хотя прекрасно понимал, чем рискует, и что речь идет не только о судьбе храма.

В канун Великой Отечественной войны в Заволжском районе Костромы осталась только одна действующая церковь — Александро-Антониновская в Селище.

В годы Великой Отечественной войны

Утром в воскресенье 22 июня 1941 года в Александро-Антониновском храме о. Иоанн Костин совершил Божественную литургию. Как известно, на это роковое воскресенье в 1941-м пришелся переходящий праздник Всех святых, в земле Российской просиявших. Выходящие из храма видели людей, собравшихся у репродуктора и слушавших выступление наркома иностранных дел В. М. Молотова, сообщавшего народу о нападении Германии на Советский Союз. День и ночь с 22 на 23 июня по Селищу и другим селениям прихода рассыльные разносили повестки о призыве в армию. В понедельник 23 июня 1941 года, в престольный праздник — Александров день, началась официальная мобилизация в армию, когда из Селища и окрестных деревень на войну ушли первые десятки и десятки мужчин. С 1941 года обе эти даты — 22 и 23 июня — в истории Александро-Антониновского храма связаны неразрывно. Летом и осенью 1941 года многие селищенцы работали и на «трудовом фронте» — рыли противотанковые рвы под Ленинградом и Новгородом, Калинин (Тверью) и Ростовом Великим. С августа 1941 года немецкие бомбардировщики начали бомбёжки соседнего Ярославля, особенно усилившиеся в октябре-ноябре, когда гитлеровцы рвались к Москве. Поздней осенью 1941 года немецкие самолеты летали и над Костромой, в городе при их появлении устрашающе выли сирены, и люди со страхом взирали на небо, ожидая, что вот-вот немцы начнут бомбить Кострому. Селищенцы понимали, что в заволжской части города основным объектом для бомбежки является завод «Рабочий металлист», а если начнут бомбить его, то достанется и Селищу. К счастью, великая победа под Москвой в декабре 1941 года отодвинула фронт на запад и до бомбежек Костромы, к счастью, дело не дошло. В войну значительная часть жителей Селища и окрестных селений работала на «Рабочем металлисте», который в 1941 году перешел в подчинение Народному комиссариату минометного вооружения и получил

№ 773487. На заводе стали выпускать бронебойные снаряды, авиабомбы, мины, детали к автоматам ППШ и другое вооружение. Во время войны на «Рабочем металлисте» работали, в основном, женщины, старики и подростки. Историк завода П. И. Бедов пишет о том, в каких условиях им приходилось тогда трудиться: «... люди в буквальном смысле работали «на износ» (...). Особенно (...) бедствовали пожилые мужчины из «нестроевых», мобилизованные из сельских районов. Они выполняли, в основном, самую тяжелую малоквалифицированную работу. Истощенные до крайности, измученные непосильным трудом, эти «бездомные» иногда ночевали здесь же, в литейном цехе, и отсюда не все просыпались...»⁴⁸⁸. Вклад в Победу людей, работавших на «Рабочем металлисте», был весом. Всю войну завод бесперебойно снабжал фронт большим количеством вооружения и боеприпасов. Ветеран завода Н. П. Болотова позднее вспоминала, что у неё «на всю жизнь осталась в памяти картина территории предприятия, уставленная корпусами бомб»⁴⁸⁹. На «Рабочем металлисте» в войну работала значительная часть прихожан Александро-Антониновского храма, в том числе и его будущая многолетняя староста Е. Н. Забываева. У токарного станка на заводе трудилась, делая снаряды, и млад-

*Владимир Павлович Острогский с внуком.
Фото 1987 г.*

*Александр Васильевич Костин.
Фото 1941 г.*

шая дочь о. Павла Острогского — И. П. Острогская, позднее награжденная медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Война не обошла ни один дом, ни одну семью в Селище и в деревнях прихода. На фронте воевали близкие люди всех членов прихода Александро-Антониновской церкви. С первых дней войны был мобилизован в армию младший сын о. Павла Острогского — Владимир Павлович Острогский (1916-1998 гг.), работавший рабочим на «Рабочем металлисте». В. П. Острогский, у которого были расстреляны отец и брат, героически воевал до самого конца войны, награжден несколькими боевыми орденами. У бездетного о. Иоанна Костина на фронте находился его племянник, сын его младшего брата Василия Костина — Александр Васильевич Костин (1923-1942 гг.). Согласно официальным данным, А. В. Костин, участник оборонительных боев на Северном Кавказе, пропал без вести в сентябре 1942 году¹⁹⁰, по свидетельству родных, он погиб во время немецкой бомбежки в станице Ищерская Наурского района Чечено-Ингушской АССР. Его младший брат Владимир Васильевич Костин (р. 1926 г.) всю войну проработал на «Рабочем металлисте». На фронте погибли два сына бывшего диакона Александро-Антониновской церкви о. Павла

*Сыновья о. Павла Парийского — Павел и Александр Парийские.
Фото 1941 г.*

Парийского — Павел и Александр, оба — уроженцы Селища. П. А. Парийский (1914-1941 гг.), выпускник Костромского педагогического училища и директор школы в с. Никифорове Красносельского района, в ноябре 1939 года был призван в Красную армию. Война застала его на западной Украине, в г. Проскурове (ныне — г. Хмельницкий). Согласно извещению, которое его семья получила только в 1946 году, младший командир П. А. Парийский пропал без вести в августе 1941 года во время боев на подступах к Киеву. А. П. Парийский (1915-1945 гг.), выпускник того же педучилища, работал учителем в с. Семеновском (ныне — п. Островское, центр Островского района), был призван в армию в 1938 году. Зимой 1939-1940 года он участвовал в войне с Финляндией. Всю Великую Отечественную войну А. П. Парийский был на фронте. Согласно «Книге памяти», он пропал без вести в октябре 1944 года⁴⁹¹, но по свидетельству близких, командир роты старший лейтенант А. П. Парийский погиб 22 февраля 1945 года во время боев в Восточной Пруссии. Третьего сына бывшего диакона Александрo-Антониновской церкви, Владимира Павловича Парийского (1921-1978 гг.), война застала курсантом Минского артиллерийского училища. Уже 3 июля

*Г. П. Забываев.
Фото предвоенных лет*

1941 года под Барановичами он попал в плен, всю войну провел в немецких лагерях и был освобожден американцами в Норвегии 7 мая 1945 года. В. П. Парийский вернулся в Селище осенью 1945 года.

19 января 1943 года в Сталинграде погиб (официально — пропал без вести) муж будущей старосты Александро-Антониновской церкви Е. Н. Забываевой — Геннадий Петрович Забываев (1908-1943 гг.), уроженец д. Дербино, бывший рабочий «Рабочего металлиста»⁴⁹². (Екатерина Никитична вышла замуж за Геннадия Петровича за год до войны — 21 февраля 1940 года, — и, тогда же, о. Иоанн Костин обвенчал их в Александро-Антониновской церкви).

В грандиозном сражении на Курской дуге участвовал будущий настоятель Александро-Антониновского храма протоиерей Борис Антонович Васильев. В декабре 1941 года под Ленинградом погиб Василий Павлович Втюрин (1909-1941 гг.) — родной отец другого будущего настоятеля храма, — о. Бориса Втюрина. Во время войны почти все прихожане лишились кого-то из близких. На фронте погибли и оба сына М. В. Задорина — Владимир Михайлович (1921-1942 гг.) и Юрий Михайлович (1923-1944 гг.)⁴⁹³ (их отец

в 1943 году по болезни был досрочно освобожден из лагеря). Всю войну под властью немецких оккупантов в Праге прожил внук строителя храма Василия Блаженного А. Г. Мягков.

Значение Александро-Антониновского храма для жителей Заволжья во время Великой Отечественной войны трудно переоценить. Суровые военные испытания, гибель близких, постоянный страх за находящихся на фронте сыновей, мужей, отцов и братьев вели в единственную уцелевшую церковь заволжской части Костромы и тех, кто, казалось, давно порвал с верой. Для множества же верующих старый храм в Селище в это жестокое время являлся единственной духовной отдушиной. Всё горе, приносимое людям войной, словно в воронку, стекалось в церковь, к о. Иоанну. Настоятель храма заочно отпевал воинов, павших на поле брани, большинство из которых он знал лично, служил по ним панихиды, ободрял и утешал своих духовных детей, вместе со всеми прихожанами молясь о нашей победе.

Смертельная угроза, нависшая над страной в 1941-м и в 1942 годах, заставила советское государство на время поступиться принципами. В разгар Сталинградской битвы, когда армия Паулюса уже была окружена, но никто еще не мог поручиться, что врагу не удастся вырваться из кольца, произошло еще совсем недавно немыслимое — Церковь была официально допущена к делу обороны страны. 30 декабря 1942 года Местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), находившийся в эвакуации в Ульяновске, обратился ко всем служителям Церкви и верующим с призывом о сборе средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. В немногих храмах, которые не успели закрыть до войны, немногие священники, которых также не успели посадить и расстрелять, зачитывали перед людьми обращение Патриаршего Местоблюстителя. В начале января 1943 года о. Иоанн Костин зачитал обращение Митрополита Сергея перед прихожанами Александро-Антониновской церкви.

Надо помнить, что прихожане Александро-Антониновского храма, как и все советские люди, уже второй год платили резко повышенные налоги, собирали средства на танковую колонну имени Ивана Сусанина. В условиях, когда подавляющее большинство семей практически жило в нищете, сбор средств на колонну имени Дмитрия Донского был крайне тяжел для наших людей. Сведений о том, сколько именно денег собрали селищенские прихожане, нам найти не удалось, но, безусловно, что в создании церковной танковой колонны, носившей

имя одного из наших великих предков, свою лепту внесли и прихожане Александрo-Антониновского храма.

Как известно, в победном 1945 году Пасха пришлась на 6 мая, совпав с днем святого великомученика Георгия Победоносца, являющегося и одним из престольных праздников селищенского храма. Долгожданный же День Победы наступил через три дня — 9 мая, в среду Светлой Пасхальной седмицы.

Победа далась очень тяжелой ценой: на всех фронтах великой войны погибло множество уроженцев Селища и окрестных деревень, издавна входивших в состав Александрo-Антониновского прихода. Сотни семей получили в 1941-1945 гг. самый страшный вид тогдашней почтовой корреспонденции — «похоронки», извещавшие родных о том, что их муж, отец, сын «в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество» погиб или пропал без вести. На воинском мемориале, открытом в Селище на приходском кладбище 22 июня 2005 года, значится 109 имен погибших, в основном — уроженцев села. К сожалению, сколько погибло на войне уроженцев каждой приходской деревни, сказать трудно. Многие «похоронки», сохранившиеся в архиве Костромской районной администрации, адресованы не в конкретную деревню, а на сельсовет. В частности, сохранилось 13 «похоронок», направленных в Коряково, 10 — в Палкино, 7 — в Емельянку, 10 — в Будихино, 7 — в Зарубино, 7 — в Пепелино⁴⁹⁴ и т. д., хотя, повторимся, эти данные очень неполные и учитывают (и то не полностью) только тех, кто ушел в армию из родной деревни. Согласно областной «Книге памяти», в селениях прихода за время войны погибло: в Корякове — 32 человека, в Палкине — 20, в Емельянке — 10, в Будихине — 21, в Зарубине — 32, в Пепелине — 6, в Дербице — 5, в Окульцеве — 6⁴⁹⁵, хотя и эти данные, конечно, далеко неполные. В одном только Корякове на памятнике в честь павших воинов значится 77 имен.

Как известно, Великая Отечественная война завершилась историческим Парадом Победы, состоявшимся в Москве на Красной площади 24 июня 1945 года. Как представитель всех фронтовиков селищенской округи — павших и живых — в этом параде в составе сводного полка 4-го Украинского фронта участвовал уроженец д. Козелино сержант Дмитрий Иванович Петров, до войны работавший на «Рабочем металлисте»⁴⁹⁶.

В послевоенные годы

В первые послевоенные годы значение Александро-Антониновского храма в Селище было ничуть не меньше, чем во время войны. Военное напряжение спало, но зато яснее стали видны масштаб и безвозвратность понесенных жертв. Многочисленные вдовы и сироты, матери и отцы, потерявшие детей, невесты, оставшиеся без женихов, находили утешение в стенах храма.

В 1946 году на костромскую кафедру был назначен первый за минувшее десятилетие правящий архиерей — Епископ (с 1952 года — Архиепископ) Костромской и Галичский Антоний (Кротевич; 1889-1973 гг.), что означало фактическое возрождение Костромской епархии. В первые послевоенные годы на престольный праздник — Александров день — он регулярно совершал в Александро-Антониновской церкви Божественную литургию.

В 1945 году в Александро-Антониновском храме появился новый второй священник — хорошо знакомый подавляющему большинству селищенских прихожан о. Константин Алферов (1880-1954 гг.). Многолетний — в 1904-1929 гг. и в 1941 г. — настоятель соседнего Христорождественского (Ильинского) храма в селе Городище, один из немногих старых священнослужителей Костромы, уцелевших в 30-е годы. Он неоднократно арестовывался в 20-е годы. В 1929 году по обвинению в антисоветской агитации о. Константин был осужден на 3 года ссылки в Северный край, которую отбывал в с. Лешуконском (ныне — центр Лешуконского района Архангельской области). По свидетельству родных, все три года ссылки он работал на лесоповале. Выйдя в 1932 году на свободу, о. Константин несколько лет служил в каком-то из сел под Костромой. В 1935 году он был вновь арестован по обвинению в антисоветской агитации и приговорен к 5 годам заключения в лагере. Освободившись в 1940 году, тяжело больной, о. Константин несколько месяцев прожил в семье дочери в Нерехтском районе, а в начале 1941 года вернулся в Городище. Однако на своем старом месте ему удалось прослужить недолго. 29 апреля 1941 года, как писалось выше, Костромской горисполком постановил закрыть и разрушить храм (к счастью, до разрушения дело не дошло). В 1942-1945 гг. о. Константин Алферов служил в Троицкой церкви в селе Костенево под Костромой. В 1945 году он вновь вернулся в Заволжье Костромы, с которым была связана большая часть его священнической жизни. Но и на этот раз служение «авторитетного», по признанию, данному ему в 1929 году органами ОГПУ,

старого священника вызвало острое недовольство у властей. В 1948 году уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви И. Е. Смирнов предписал о. Константину покинуть Кострому — в этот раз уже навсегда. Изгнанный из Костромы, он стал служить в церкви села Петрово под Ярославлем, где и скончался 10 февраля 1954 года⁴⁹⁷.

Как и в войну, в послевоенное время роль о. Иоанна Костина в Селище и приходе была очень велика. Костромичка Маргарита Степанова во время войны была маленькой девочкой. В начале сентября 1942 года она с матерью и старшей сестрой эвакуировалась из Сталинграда и приехала в Селище к бабушке и дедушке. 1 сентября 1945 года Рита пошла в первый класс Селищенской начальной школы. Много лет спустя она вспоминала: «В школе было холодно, топили печи-столбняки, было угарно, и болела голова, а потом помещение остывало. Учительница наша Елизавета Ивановна Писемская (дочь диакона о. Иоанна Писемского, служившего в Александро-Антониновской церкви в 1882-1902 гг. — Н.З.) несколько раз прерывала урок, чтобы мы попрыгали и погрелись, вместе с нами водила хоровод, а потом продолжала урок. Однажды в конце октября, когда землю сковал мороз, я шла из школы через церковную ограду, села на крайнюю могилу, почему-то у меня не шли ноги. Подошел ко мне священник отец Иван и, поняв, что я ослабела от голода, дал мне просвирку»⁴⁹⁸. Еще М. Степанова вспоминает: «В церковь мы, дети, бегали причаститься, чтобы попробовать сладкого вина и получить кусочек просвирки, а в Спасов день — 19 августа — и кусочек яблока. Священник видел, что мы это «продельывали» по несколько раз, но никогда не прогонял, так как знал, что поступаем так от голода»⁴⁹⁹.

Отец Иоанн Костин много сделал для украшения и восстановления Александро-Антониновской церкви. По воспоминаниям старожилков, во второй половине 30-х годов он переносил в неё иконы из закрываемых в Заволжье храмов, которые каким-то образом удавалось спасти от гибели. В 1947 году по инициативе о. Иоанна в храме была подновлена настенная живопись. Эту работу выполнили художник Игнатий Игнатьевич и Сергей Игнатьевич Дубовы, уроженцы бывшего посада Большие Соли⁵⁰⁰, откуда родом были живописцы И. И. Шварев, расписавший в 1861 году холодный храм, и Н. И. Демидов, расписавший в 1917 году теплый храм. После окончания поновления на западной стене теплого храма была сделана сохранившаяся до наших дней надпись: «В 1947 году произведена переколировка

живописи при настоятеле церкви отце протоиерее И. И. Костине и старосте А. Ф. Кабановой художниками И. И. и С. И. Дубовыми».

В 50-е годы о. Иоанн восстановил в Селище традицию колокольного звона. Как писалось выше, все колокола с церковной колокольни были сброшены в 1930 году и сданы в металлолом. Отец Иоанн всюду, где мог, искал сохранившиеся дореволюционные колокола и устанавливал их снова на звонницу. И хотя всё это были небольшие колокола*, однако, после долгих лет молчания колокольного звона в Александро-Антониновском храме вновь «заговорила», и по большим праздникам над Селищем вновь, как и до 1930 года, плыл колокольный звон...

В 1950 году о. Иоанн овдовел; после отпевания его многолетняя подруга жизни, Мария Григорьевна Костина (1895-1950 гг.) была похоронена на приходском кладбище (её могила сохранилась). Вдовый священник целиком посвятил себя пастырскому служению. Позднее в некрологе, помещенном в официальном органе Русской Православной Церкви, — «Журнале Московской Патриархии» — в частности, говорилось: «Считая своим пастырским долгом быть всегда среди своих прихожан, он не отлучался надолго из прихода и никогда не пользовался отпусками. Отец Иоанн усиленно занимался самообразованием. Церковное пение и Церковный устав он знал безукоризненно. За каждым праздничным богослужением он неизменно назидал своих прихожан простым, доступным пониманию каждого словом. Истовым совершением богослужений и ласковым ко всем обращением он спискал общую любовь и уважение не только своих прихожан, но и всех верующих Костромы»⁵⁰¹. Отец Иоанн первым из настоятелей Александро-Антониновского храма был удостоен высокой церковной награды — митры.

В 1946 году после увольнения из армии младший брат о. Иоанна, Василия Ивановича Костин был рукоположен во диакона и стал служить в тогдашнем кафедральном соборе — церкви Иоанна Златоуста на Лавровской улице. В 1949 году состоялось его рукоположение во священника к только что вновь открытой Никольской церкви в погосте Николо-Бережки (современный Островский район), на кладбище которого, как известно, погребен великий русский драматург А. Н. Островский⁵⁰².

* Установленные на звонницу селищенского храма в 50-е годы колокола весили 8 кг, 24 кг, 33 кг и 99 кг.

*Протоиерей Василий Костин.
Фото 60-х гг. XX в.*

5 марта 1953 года в Москве умер И. В. Сталин. По воспоминаниям старожилов, 7 марта в Александро-Антониновском храме, как и во всех церквях Русской Православной Церкви, состоялось заупокойное богослужение по скончавшемуся вождю. В переполненном народом храме о. Иоанн Костин отслужил по почившему главе государства Заупокойную Литургию и панихиду. Что чувствовали люди, присутствовавшие на этом богослужении? Ведь отпевали того, кого большинство соотечественников уже давно воспринимало не как живого человека, а как некое сверхъестественное существо («грозный дух» по выражению А. Т. Твардовского). Большинство селищенских прихожан, конечно, было растеряно. Наш народ сердоболен, и многие искренне плакали, переживая кончину вождя, с именем которого они совсем недавно перенесли все испытания войны, её поражения и победы. Часть прихожан со смертью Сталина испытывала смутные надежды на лучшее. Кто-то, конечно, в глубине души радовался. А что чувствовал о. Иоанн, свершая заупокойный обряд по челове-

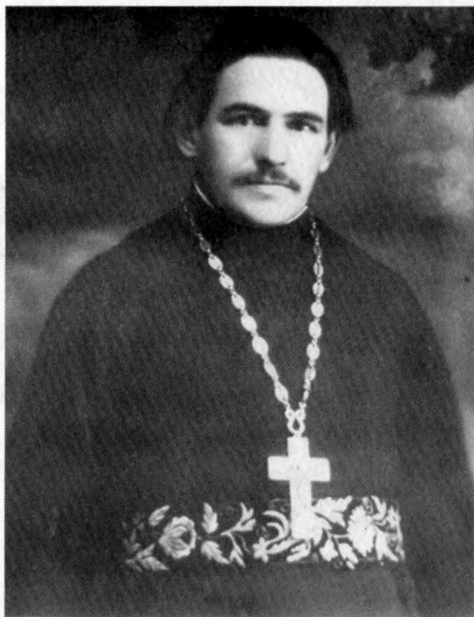

*Протоиерей Иоанн Костин и священник Димитрий Лобанов (слева)
с певчими церковного хора.
Фото конца 40-х гг. XX в.*

ку в течение десятилетий уничтожавшему Русскую Православную Церковь и залившему кровью всю нашу страну?

Отец Иоанн Костин бесценно пробыл настоятелем Александрo-Антониновской церкви почти тридцать лет. При нем в 40-60 годы в храме служил целый ряд вторых священников, личные судьбы которых по-разному отражали трагическую и сложную судьбу нашей Церкви в XX веке.

Отца Константина Алферова сменил священник Димитрий Лобанов (1904 — после 1953 г.), бывший обновленческий «епископ» Рыбинский. В 1924 году он перешел в обновленческий раскол. В 1931 году он стал священником, а в 1938-м — настоятелем небольшой Георгиевской кладбищенской церкви в Рыбинске. 17 сентября 1942 года в Ульяновске состоялась его хиротония в Епископа Ярославского и Костромского (при этом, как было принято у обновленцев, он не принял монашества, и остался женатым). Хиротонию совершил глава обновленцев — «Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР» Александр Введенский с группой епископов.

Священник Димитрий Лобанов. Фото начала 50-х гг. XX в.

1 ноября 1942 года Димитрий Лобанов стал Епископом Рыбинским, викарием обновленческой Ярославской епархии. В декабре 1942 года Рыбинское викариатство было выделено в отдельную епархию. В начале 1945 года в связи с общей ликвидацией обновленчества Епископ Рыбинский Димитрий, оставшись без епархии, принес покаяние и был принят в Русскую Православную Церковь мирянином и уже затем вновь был рукоположен во священника. В 1945-1949 гг. о. Димитрий Лобанов служил в Иоанно-Богословской церкви в Ипатьевской слободе, а после её закрытия был переведен в Александрo-Антониновский храм⁵⁰³.

В 1953 году о. Димитрий Лобанов перешел в другую епархию. Взамен его новым вторым священником в Александрo-Антониновской церкви стал протоиерей Иларий Александрович Радковский (1890 — после 1954 г.), судьба которого — также часть трагической и сложной судьбы нашей Церкви в первой половине XX века. Отец Иларий родился в 1890 году в с. Пищево Житомирской губернии. Окончив в 1911 году Житомирскую духовную семинарию, он несколько лет служил в одном из сел своей епархии. В начале 1915 года о. Иларий добровольно стал военным священником 463-го Краснохолм-

ского пехотного полка, в котором прослужил до конца 1917 года. В 1917-1935 гг. о. Иларий служил в разных церквях Житомирской и Киевской областей. В 1935 году последний храм его служения в с. Слободка Киевской области был закрыт, и он остался без работы. В последующие годы бывший священник работал рабочим на разных предприятиях Житомира. В начале июля 1941 года Житомирщина была захвачена немцами. Как известно, в 1941-1942 гг. на оккупированной Украине происходило массовое возрождение закрытых храмов. Как и многие священники, лишённые в 30-е годы своих храмов, о. Иларий уже в 1941 году вернулся к священническому служению. В церкви с. Колодиевки Житомирской области он прослужил весь период немецкой оккупации. В начале 1945 года Епископ Житомирский и Овручский Антоний (Кротевич) перевел о. Иларию на должность настоятеля Богоявленской церкви в Житомире, одновременно назначив его благочинным городских церквей. Однако уже вскоре о. Иларий был арестован органами НКВД и в октябре 1945 года Житомирский областной суд приговорил И. А. Радковского — за «пособничество немецким оккупантам» — к 10 годам лишения свободы (позднее срок сократили до 5 лет). В конце 1950 года, выйдя из лагеря, о. Иларий вернулся в своё родное с. Пищево и вновь стал служить в местном храме священником. В 1952 году он был переведен в районный центр Ярунь и назначен местным благочинным. В июне 1953 года, по приглашению Архиепископа Антония (Кротевича), ставшего к этому времени правящим костромским архиереем, о. Иларий прибыл в Кострому и стал вторым священником в Александро-Антониновском храме (он прослужил в Селище до июня 1954 года, после чего выбыл в другую епархию)⁵⁰⁴.

В 50-е годы в Селище уходили из жизни последние старики, чьи зрелые годы пришлись на дореволюционную эпоху. По свидетельству старожилов, на склоне лет старая народница Анна Геннадьевна Перелешина часто посещала Александро-Антониновский храм. В декабре 1955 года её поместили в Дом инвалидов в Малышкове, где одинокая старушка и скончалась 12 марта 1959 года в возрасте 90 лет. Внуку строителя храма Василия Блаженного похоронили на Заволжском (так называемом Каримовском) кладбище.

В последние годы Анна Геннадьевна изредка получала письма от брата из Праги. В столице Чехословакии Александр Геннадьевич пережил весь долгий период немецкой оккупации. 9 мая 1945 года вместе со всеми горожанами он приветствовал советские танки, при-

*Архиепископ Пимен (Извеков) –
в 1971-1990 гг. Святейший Патриарх Московский и всея Руси –
совершал богослужения в Александро-Антониновской церкви
в 1959-1961 гг.
Фото 1960 г.*

шедшие на помощь восставшей Праге. В 1947 году А. Г. Мягков принял советское гражданство. Еще в 1942 году похоронив на русском Ольшанском кладбище свою жену Веру Викторовну, последние годы он доживал в Праге один. Его дочь пишет, что Александр Геннадьевич «всегда очень тосковал по России, в особенности, по Костроме и Селищу...»⁵⁰⁵. По свидетельству Е. А. Ватолиной, в конце 50-х гг. XX века он, помимо сестры, переписывался с некоторыми своими

старыми знакомыми в Селище. Главной мыслью этих писем (они, к сожалению, до нас не дошли) являлось желание вернуться в Селище и быть похороненным в родной земле. Желание это не сбылось: А. Г. Мягков скончался в Праге 7 июня 1960 года и был погребен на Ольшанском кладбище под сенью освященного в 1925 году православного храма в честь Успения Пресвятой Богородицы⁵⁰⁶.

В 1959-1961 гг. в Александро-Антониновской храме неоднократно совершал богослужения Архиепископ Дмитровский Пимен (Извекон; 1910-1990 гг.), исполнявший тогда обязанности правящего костромского архиерея — будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси.

Как известно, придя после смерти Сталина к власти в Советском Союзе, Н. С. Хрущев декларировал возврат к «ленинским нормам». Из лагерей на свободу вышли тысячи и тысячи заключенных. Одновременно в конце 50-х годов по инициативе Н. С. Хрущева начался новый этап гонений на Церковь. Провозглашенное скорое построение коммунистического общества предполагало такое же скорое искоренение религии и ликвидацию всех религиозных «пережитков». 16 марта 1961 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное Постановление «Об усилении контроля за выполнением советского законодательства о культах», знаменовавшее собой резкое ужесточение политики государства в религиозных вопросах. Как и положено, Костромской облисполком в свою очередь также принял на этот счет соответствующее решение. В начале апреля в Москве состоялось Всесоюзное совещание уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, на котором его участников ознакомили с последними директивами партии и правительства⁵⁰⁷. В каком-то отношении в 1961 году, отмеченном полетом в космос Ю. А. Гагарина и состоявшимся в октябре XXII съездом КПСС, принявший новую программу партии — программу построения коммунизма, гонения против Церкви и верующих в СССР достигли своего пика. Эти гонения, естественно, не обошли стороной и единственный действующий храм в Заволжье.

Очередная кампания против Александро-Антониновской церкви началась с того, что 4 апреля 1961 года проживавшие в Селище супруги Долматовы написали в Заволжский райком КПСС заявление, который правильнее было бы назвать доносом. В нем говорилось: «Я и мой муж возмущены неправильными действиями “слуг” господних селищенской церкви в Заволжском районе. Без нашего со-

гласия церковники окрестили нашего ребенка. Моя мать (женщина малограмотная) с помощью соседок в наше отсутствие сама написала справку и окрестила ребенка без нашего разрешения. Мы с мужем работаем на комсомольской работе. Наша кипучая жизнь, чтение антирелигиозной литературы, изучение естественных наук сделали из нас убежденных атеистов. Я всегда возмущалась ханжеским поведением церковников, их лицемерной моралью, жадностью к деньгам и стремлением обмануть народ, и поэтому сама принимала участие в борьбе с религиозными верованиями и предрассудками. Наше мировоззрение диалектическое и поэтому мы постараемся воспитать своего ребенка так, чтобы факт крещения, который произошел без нашего согласия, не повлиял на его дальнейшую судьбу, а сами будем еще активнее и решительнее бороться с религиозными предрассудками, встречающимися в жизни»⁵⁰⁸.

При чтении этого письма невольно думается, что её автором, хотя оно и написано от имени обоих супругов, руководило не столько возмущение поступком своей матери (ну, и разбиралась бы в таком случае с ней в кругу семьи), сколько страх, что станет известно о том, что они — молодые комсомольские работники — крестили своего ребенка, и поэтому они постарались отмежеваться от «порочащего» их, убежденных атеистов, поступка бабушки ребенка. Из райкома, как и положено, это письмо переслали Уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Костромской области В. К. Кудрявцеву, который сделал на нём пометку: «Вызвать священника Костина и взять объяснение. Переговорить о его переводе с Донатом»⁵⁰⁹. Таким образом, речь шла о переводе о. Иоанна из храма, в котором он прослужил свыше четверти века, в какой-нибудь глухой угол. К счастью, произошедший вскоре уход на покой Епископа Костромского и Галичского Доната* и двухмесячное отсутствие в Костроме нового архиерея воспрепятствовали в тот момент изгнанию о. Иоанна из Селища.

Старожилы Селища до сих пор помнят, как в 1961 году прошел престольный праздник — Александров день, когда власти Заволжского района (действовавшие, безусловно, по указанию горкома и обкома, в свою очередь, выполнявших предписания из Москвы) провели в Селище почти что военную операцию, в каком-то отношении

* Епископ Донат (Шеголев; 1899-1979 гг.) оставил костромскую кафедру 5 мая 1961 года⁵¹⁰.

превзойшедшую «комсомольские Пасхи» 20-х годов. С утра 23 июня власти подогнали к Александро-Аптониновскому храму несколько автобусов, пожарную машину и сосредоточили у церковной ограды значительное количество сотрудников милиции и дружинников. А затем на празднично одетых людей, — в основном, женщины и старушек, стекающихся к церкви, началась настоящая атака. Одних верующих обливали из пожарной кишки водой (делалось это из расчета, что, будучи облитым с ног до головы, человек постесняется пойти на богослужение и вернется домой), других насильно заводили в автобусы и увозили за несколько километров от храма (здесь расчет состоял в том, что пока старая бабушка пройдет эти несколько километров, церковная служба уже кончится). Напомним, что всё это происходило на другой день после 20-летия начала Великой Отечественной войны и было направлено, в первую очередь, против людей, на своих плечах вынесших все её бесчисленные тяготы и потери. По воспоминаниям очевидцев, люди в тот день прорывались в церковь, обходя посты, окольными путями через приходское кладбище. Внутрь храма милиционеры и дружинники всё-таки не заходили и в нём, как и всегда, несмотря ни на что, прошла Божественная литургия, которую совершил о. Иоанн Костин.

Прямо об этой акции в Селище в своем годовом отчете В. К. Кудрявцев не упомянул, но, возможно, именно её он имел в виду, когда сообщал в Москву, что в 1961 году в его работе «основное внимание было обращено на (...) уменьшение её (Церкви — Н.З.) вредного влияния на отсталые слои населения»⁵¹¹.

В конце того же 1961 года в Костроме произошло другое, по своему символическое событие, связанное с неоднократно упоминаемым одним из самых известных селищенцев XX века — М. В. Задориним. Вскоре после окончания состоявшегося в октябре 1961 года XXII съезда КПСС, на котором вновь был развенчан культ личности Сталина, согласно постановлению Костромского горисполкома от 18 декабря 1961 года, в Костроме улица Ново-Загородная* была переименована в улицу Задорина⁵¹³. Напомним, что в советское время улицы прижизненно именовались только в честь руководителей партии и правительства. В честь деятелей ранга М. В. Задорина улицы обычно называли только после их кончины. Именование улицы еще при

* На улице Ново-Загородной, по адресу: дом 24, квартира 5, М. В. Задорин проживал в исторические дни октября 1917 года⁵¹².

жизни — это, конечно, редчайший случай, вызванный, безусловно, только особыми обстоятельствами активной десталинизации сразу после окончания XXII съезда. Вероятно, «сверху» последовало указание, чтобы таким образом — в плане дальнейшего разоблачения Сталина — отметить кого-то из уцелевших старых большевиков, а из костромских жертв «необоснованных репрессий» М. В. Задорин был, конечно, самым заслуженным и чиновным.

Персональный пенсионер союзного значения М. В. Задорин скончался на 79 году жизни, 28 ноября 1962 года. В некрологе, подписанном всеми руководителями Костромской области, в частности, говорилось: «В период культа личности, в 1937 году, он был необоснованно репрессирован. После реабилитации Михаил Васильевич возвратился в Кострому и до конца жизни был активным членом городской партийной организации. За заслуги перед Родиной М. В. Задорин награжден орденом Ленина и медалью. Скромный, чуткий и отзывчивый человек, М. В. Задорин на протяжении всей своей жизни пользовался большим уважением и авторитетом среди друзей и товарищей по работе. Светлый образ Михаила Васильевича навсегда сохранится в наших сердцах»⁵¹⁴.

В мае 1964 года, на костромскую кафедру новым правящим архиереем был назначен Архиепископ Кассиан (Ярославский; 1899-1990 гг.). В последующие два с лишним десятилетия своей службы в Костроме владыка Кассиан регулярно совершал Божественную литургию в Александро-Антониновской церкви в Александров день.

Антирелигиозная кампания в Костроме, как и во всей стране, продолжалась до конца 1964 года. В её ходе обычной была практика смещения властями наиболее авторитетных настоятелей церквей. Жертвой этой кампании стал и о. Иоанн Костин. По распоряжению уполномоченного В. К. Кудрявцева, Архиепископ Кассиан был вынужден своим указом от 3 июля 1964 года освободить о. Иоанна от должности настоятеля Александро-Антониновского храма с присвоением ему «звания почетного настоятеля вышеупомянутого храма без права совершения там самостоятельных богослужений»⁵¹⁵. Тем же указом временно исполняющим обязанности настоятеля храма в Селище назначался ключарь Воскресенского кафедрального собора протоиерей Ростислав Романович Лозинский (1912-1994 гг.).

Отец Ростислав Лозинский родился 27 февраля 1912 года в Пскове в семье рабочего-электрика. После революции его семья переехала в г. Тарту (Эстония), где Ростислав Лозинский в 1929 году окон-

*Архиепископ Костромской и Галичский Кассиан (Ярославский),
совершал богослужения в Александро-Антониновской церкви
в 1964-1988 гг.
Фото 1989 г.*

чил среднюю школу, а в 1934 году — православный Богословский факультет Тартуского университета. В том же году он принял священный сан и был назначен настоятелем Троицкой церкви в г. Нарве. В этом старинном городе на границе с Россией о. Ростислав пережил роковые события аннексии Эстонии Советским Союзом в 1940 году и захват Нарвы летом 1941-го гитлеровскими войсками. В 1942 году о. Ростислав был назначен настоятелем Александро-Невской кладбищенской церкви в Таллинне. При освобождении столицы Эстонии Красной армией Александро-Невская церковь была разрушена попаданием бомбы во время авиационного налета, и в октябре 1944 года о. Ростислав перевели в Тарту на должность настоятеля Успенского собора и благочинного округа. В июле 1957 года он переехал из Тарту в Иваново, где стал служить ключарем Преображенского кафедрального собора. В начале 1960 года о. Ростислав переехал в Кострому, где вначале являлся вторым священником Спасо-Запрудненской церкви, а 31 октября 1961 года указом Епископа Никодима (Руснак)

*Протоиерей Ростислав Лозинский —
настоятель Александро-Антониновской церкви в 1964-1966 гг.
Фото 60-х гг. XX в.*

он был назначен ключарем Иоанно-Златоустовского кафедрального собора⁵¹⁶. В Костроме о. Ростислав быстро стал пользоваться большим уважением среди верующих. С целью его дискредитации в «Северной правде» 27 декабря 1962 года в большой статье «По существу одного вопроса», безусловно, инспирированной уполномоченным В. К. Кудрявцевым (в статье приводились факты, которые мог знать только он), прямо намекалось о сотрудничестве о. Ростислава с гитлеровцами и, в частности, в ней говорилось: «А вот истинное лицо священника костромского кафедрального собора Ростислава Лозинского. (...) Как в своё время сообщалось в одной из газет (когда? в какой именно? — Н.З.), в период оккупации гитлеровцами Советской Прибалтики Лозинский занимал пост секретаря Нарвской епархии, которая верой и правдой служила оккупантам»⁵¹⁷. Уже 31 декабря 1962 года о. Ростислав обратился к В. К. Кудрявцеву с заявлением, в котором писал, что он «никогда и нигде, даже временно не занимал должности епархиального секретаря», особо оговорив, что «во всех приходах Нарвской епархии во всё время оккупа-

*Протоиерей Ростислав Лозинский с членами приходского совета;
в первом ряду третья слева — староста Е. Н. Забываева.
Фото 1965 г.*

ции в храмах возносились молитвы о Местоблюстителе Патриарха Московского митрополите Сергия (будущего Патриарха). Это, конечно, не могло нравиться оккупационным властям, и священники Нарвской епархии со стороны как немцев, так и эстонцев подвергались дискриминации». Заявление кончалось словами: «Очень печально, что еще находятся люди, которые сами, вероятно, не испытали ужасов оккупации, и, не зная подлинного положения церковных дел того времени, решаются через 20 лет бросить тяжелое, но голословное обвинение человеку, который перенес все тяготы войны и оккупации и вышел с незапятнанной совестью русского, советского гражданина»⁵¹⁸. Выросший в «буржуазной» Эстонии, находившийся во время войны на оккупированной территории, о. Ростислав в Костроме пользовался повышенным «вниманием» властей. Например, в одном из направленных в Москву сообщений уполномоченный В. К. Кудрявцев писал: «18 марта 1963 года доверенное лицо «К» сообщило, что ключарь собора в г. Костроме Лозинский, в родительские субботы на панихиде поминает людей, погибших «в крамоле и смуте», кроме того, заставляет псаломщика читать 19 и 20 псалмы, посвященные бывшей царской фамилии. Указанные псалмы после революции в русской

12 сентября 1971 года. В Александро-Антониновской церкви происходит отпевание игумена Игнатия (Костина)

православной церкви не читаются, в частности, Лозинский 4 марта сего года заставил читать эти псалмы псаломщика и ему вторил бывший священник Степанов Владимир (...)»⁵¹⁹. Уполномоченный сообщал, что уличенный в подобных проступках о. Ростислав «получил предупреждение о недопустимости подобного рода действий»⁵²⁰.

Через три года после смещения с поста настоятеля Александро-Антониновской церкви владыка Кассиан своим указом от 1 июня 1967 года назначил о. Иоанна Костина сверхштатным священником кафедрального собора (в то время собором служила церковь Воскресения на Дебре)⁵²¹. 24 апреля 1969 года о. Иоанн вновь вернулся в свой родной Александро-Антониновский храм, будучи определен туда временным сверхштатным священником⁵²². Незадолго до своей кончины, 7 ноября 1970 года, по благословению Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Пимена (Извекова) бывший настоятель селищенской церкви был пострижен в монашество с именем Игнатий. Ко дню Пасхи 1971 года по благословению Митрополита Пимена он был возведен в сан игумена. Игумен Игнатий (Костин) скончался 10 сентября 1971 года⁵²³. 12 сентября его отпевание в переполненном Александро-Антониновском храме совершили: один из

Гроб с телом игумена Игнатия выносят из храма

наиболее уважаемых в Костроме церковнослужителей — священник Воскресенского кафедрального собора архимандрит (позднее — схимандрит) Серафим (Борисов)*, настоятель церкви протоиерей Борис Васильев и секретарь епархиального управления протоиерей Николай Радул. Пел архиерейский хор.

Отец Серафим произнес надгробное слово об о. Игнатии. При пении ирмосов «Помощник и Покровитель...» священнослужители обнесли гроб вокруг храма и в тот же день останки усопшего были преданы земле на Заволжском (так называемом Каримовском) кладбище, рядом с могилами двух его родных сестер⁵²⁴.

С 11 мая 1966 года новым настоятелем Александро-Антониновского храма стал протоиерей Борис Антонович Васильев. В каком-то отношении о. Борис был характерным представителем русского духовенства послевоенного времени. Он родился 28 июня 1923 года в Минске. Его отец был инженером, мать — учительница. В 1930-1941 гг. Борис Васильев учился в средней школе № 4. 21 июня 1941 года у него и его одноклассников был выпускной вечер, а рано утром 22 июня армады немецких самолетов уже обрушили на столицу Советской Белоруссии первые бомбы... Вместе с родителями будущему священнику каким-то чудом удалось эвакуироваться из Минска, захваченного немцами 28 июня 1941 года, в Горький (Нижний Новгород). В начале 1942 года он был призван в армию и вскоре оказался на фронте, где воевал в пехоте. В битве на Курской дуге Б. А. Васильев был тяжело ранен в бедро. В госпитале рана солдата загноила, и врачи думали, что он уже не выживет. Однако госпиталь посетил знаменитый военный хирург святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Епископ (позднее — Архиепископ) Красноярский. Осмотрев рану, святитель Лука назначил Б. А. Васильеву лечение и сказал: «Этот будет жить, и будет служить». Затем он навещал его еще раз и принес ему сумку провизии⁵²⁵. Из госпиталя будущий священник вернулся на фронт. Свой боевой путь старший сержант Б. А. Васильев, награжденный за годы войны рядом наград, в том числе и столь высоко ценимой фронтовиками медалью «За отвагу», закончил в Берлине. Он демобилизовался из армии в 1946 году. После войны Б. А. Васильев закончил исторический факультет Минского педагогического института, работал редактором газеты «Звезда».

* Схимандрит Серафим (Борисов; 1906-1994 гг.) в эпоху гонений отсидел в лагере семь лет.

*Протоиерей Борис Васильев —
настоятель Александро-Антониовской церкви в 1966-1977 гг.
Фото 60-х гг. XX в.*

В 1951 году он круто изменил свою жизнь, поступив в Минскую духовную семинарию, которую окончил в 1955 году. В 1955-1959 гг. Б. А. Васильев обучался в Московской духовной академии.

После окончания академии он сразу же обвенчался со своей невестой Ниной Соколинской, с которой познакомился еще до поступления в семинарию. Нина Соколинская родилась в 1930 году в д. Бродок Минского района. Вскоре её отец был раскулачен и выслан, а мать умерла, когда девочке только исполнилось пять лет. Родившаяся в Селище в 1971 году, дочь о. Бориса Васильева. Нина Борисовна Ветошкина пишет, что её мать «...с раннего возраста сама зарабатывала пропитание. Была батрачкой и нянькой на семерых детей у зажиточных крестьян, терпела побои, голодала. Во время войны, когда в их деревне располагались немцы, Нина была партизанской связной, только чудом спаслась от виселицы. Сколько себя помнит. Нина всегда веровала в Бога и ходила в храм. После войны она поселилась в Минске у своей тети, закончила ремесленное учи-

лище, работала в Доме печати, была стахановка»⁵²⁶. Со своей будущей женой Б. А. Васильев познакомился в храме в 1951 году: «Был канун праздника Успения Божией Матери. В Свято-Духовском кафедральном соборе Минска обаятельная девушка Нина украшала Плащаницу. Нужно было перенести Плащаницу на середину храма. Нина увидела паренька в солдатской шинели и попросила помочь»⁵²⁷. Нина Соколинская восемь лет ждала, когда её избранник окончит учебу в семинарии и академии. В 1959 году молодой выпускник Московской духовной академии приехал в Кострому. Последующие почти два десятилетия его жизнь была связана с Костромским краем. 26 сентября 1959 года Епископ Дмитровский Пимен (Извеков) рукоположил его в диакона, а 27 сентября – во священника. В 1959-1966 гг. о. Борис служил священником в Нерехте и Буге, в 1962 году он стал благочинным 3-го округа. 11 мая 1966 года Архиепископ Костромской и Галичский Кассиан (Ярославский) своим указом назначил о. Бориса настоятелем Александро-Антониновской церкви. В 1972 году он был назначен благочинным 4-го округа, включавшего в себя храмы Буйского, Сусанинского, Макарьевского, Кадыйского, Судиславского и Островского районов⁵²⁸. В Селище о. Борис прослужил 11 лет – до 1977 года*.

* После 1977 года о. Борис Васильев служил в нескольких приходах Куйбышевской (ныне – Самарской) епархии – с управляющим епархией Митрополитом Куйбышевским и Сызранским (позднее – Митрополитом Петербургским и Ладужским) Иоанном (Снычевым) он был давно знаком. В 1983 году о. Борис вернулся на родину – в Белоруссию, в п. Ждановичи (Минский район), и стал служить настоятелем храма Преображения Господня в с. Острошицкий Городок. Уже во время службы здесь он был награжден митрой. Его родная дочь Нина вспоминает об отце: «Он очень любил Минск, знал историю каждого минского храма, рассказывал о мученичестве в довоенное время многих священников. Он мог часами рассказывать историю старых минских домов и улиц. Во все периоды жизни дом отца Бориса был полон котов и собак. Он подбирал на улице и тащил домой за пазухой всякую бездомную тварь. Характер у него был добрый, детей своих он баловал. (...) В любое время суток он выезжал на требы, всегда своим ходом, на автобусе и на электричке. Поскольку в Ждановичах не было храма, то он духовно окормлял и местных жителей. Люди с благодарностью рассказывают об исцелении от болезней по его молитвам, об устройении житейских дел»⁵²⁹. Отец Борис Васильев трагически погиб в Острошицком Городке 20 сентября 1993 года во время пожара, вспыхнувшего в доме, где он ночевал. Его похоронили у стен храма, в котором он служил десять лет⁵³⁰.

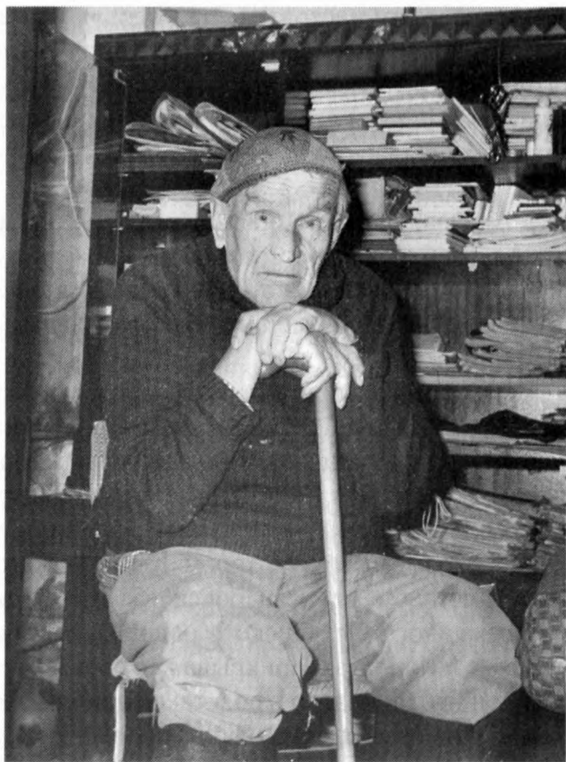
Из событий периода его настоятельства нельзя не назвать отпевание в храме Елизаветы Александровны Острогской, вдовы о. Павла Острогского. Е. А. Острогская (1882-1972 гг.), мать семерых детей, пережившая долгие годы страданий и унижений, расстрел мужа и сына-первенца, скончалась на девяностом году жизни 1 сентября 1972 года*.

3 сентября в Александро-Антониновском храме, чьей прихожанкой Елизавета Александровна оставалась до последних дней своей жизни, состоялось её отпевание, которое совершил о. Борис Васильев. После отпевания останки усопшей были преданы земле на Заволжском кладбище.

В 60-70 гг. XX века в числе прихожан Александро-Антониновского храма был А. А. Григоров (1904-1989 гг.) — выдающийся костромской краевед, крупнейший специалист по истории костромского дворянства, незадолго до кончины удостоенный звания Почетный гражданин г. Костромы. Впервые он посетил храм в Селище в 1962 году, будучи тогда еще скромным бухгалтером Костромского хладокомбината. Уроженец усадьбы Александровское в Кинешемском уезде (территория современного Островского района), сын офицера, погибшего в 1915 году в Карпатах, прикрывая со своим батальоном отход наших войск, он неоднократно в советское время арестовывался. В 1940 году Александр Александрович был вновь арестован и приговорен к 10-летнему заключению в лагере. Одновременно, как «жена врага народа» была арестована и его жена Мария Григорьевна. Последующие два десятилетия А. А. Григоров, несколько раз чудом не погибнув, провел в тюрьмах, лагерях и в сибирской ссылке. В 1959 году он вернулся в Кострому и в 1962 году поселился в Заволжье, неподалеку от Селища — на улице Крупской.

В 60-70 годы А. А. Григоров регулярно посещал храм. В 80-е годы, когда физические силы оставили его, он уже не мог бывать в нём даже на большие праздники. В эти годы в Пасхальную ночь он слушал по радиоприёмнику на Би-Би-Си прямую трансляцию праздничного богослужения из сербского православного храма в Лондоне. Сразу после Пасхи 1981 года А. А. Григоров писал одному из своих корреспондентов: «Вчера встретили Христов день, как всегда со все-

* После сноса в 1966 году дома Острогских на Верхне-Селищенской улице Елизавета Александровна жила у дочери в Заволжской части Костромы.

*А. А. Григоров – прихожанин Александро-Антониновской церкви
в 60-70 гг. XX в.
Фото А. А. Анохина. 1988 г.*

ми традиционными пасхальными яствами. А по части духовной, — то, как всегда, только частично послушали кусочки службы из сербского храма по радио. Я люблю этот храм из-за того, что там служба идет на знакомом с детства старославянском языке, а не на русском — нынешнем, и все напевы старинные, так знакомые с детства...»⁵³¹. В другом письме после Пасхи 1987 года он писал: «Вот, прошла Пасха, когда-то такой, действительно, «праздников праздник и торжество есть торжество!» Увы, теперь совсем не то, и действительность такова, что лучше уж о ней и не говорить. Мы уже давно ограничиваемся в этот день только традиционным внешним оформлением, в виде куличей, Пасхи и крашенных яиц, а от заутрени пришлось отказаться. Я уже давно убедился в том, что, кроме неприятного осадка на душе

от всей мерзости, с которой сталкиваешься, ничего не получишь. У нас, впрочем, как и везде, к заутрени не пускают молодежь, и вообще бывает такая давка — умышленная или нет, — боюсь утверждать что-либо, — что лучше всего и не ходить, дабы не огорчать себя в этот день. Я ограничиваюсь прослушиванием заутрени из сербского православного храма в Лондоне. Поскольку разница во времени с нами на 2 часа, то приходится слушать в 2 часа ночи, а в это время приём бывает особенно чистым, и так отчетливо слышно всё, что происходит (...), что впечатление остается такое, будто сам побывал в этот день у заутрени»⁵³².

Последний раз А. А. Григоров был в Александро-Антониновском храме в марте 1986 года, когда здесь произошло отпевание его жены Марии Григорьевны, бывшей многолетней узницы ГУЛАГа. Сам Александр Александрович скончался 8 октября 1989 года. Через три дня, 11 октября, состоялось его отпевание в тогдашнем кафедральном соборе — храме Воскресения на Девре.

С 1977 года почти четверть века настоятелем храма в Селище служил протоиерей Борис Васильевич Втюрин (1939-2000 гг.). Отец Борис родился 16 октября 1939 года в д. Садово Тоншаевского района Горьковской области*, в крестьянской семье. Его родной отец, Василий Павлович Втюрин (1909-1941 гг.) в 1934-1938 гг. работал председателем колхоза им. В. И. Чапаева. В первых числах января 1940 года он был призван на войну с Финляндией и участвовал в боях вплоть до окончания боевых действий. В первые дни Великой Отечественной войны он был вновь призван в армию, воевал на Ленинградском направлении и в декабре 1941 года погиб под Ленинградом в районе Колпино.

18 октября 1963 года распоряжением Архиепископа Ивановского и Кинешемского Леонида Борис Втюрин был назначен псаломщиком Свято-Духовской церкви в Юрьевце. 10 октября 1963 года его переводят в Иваново на должность псаломщика Преображенского кафедрального собора. 19 июля 1964 года в этом соборе Митрополит Ивановский и Кинешемский Антоний (Кротевич)**

* Тоншаевский район — это бывшая Тоншаевская волость Ветлужского уезда Костромской губернии, отошедшая в 1922 году со всем уездом к Нижегородской губернии.

** Напомним, что в 1946-1953 гг. владыка Антоний (Кротевич) был правящим костромским архиереем.

*Протоиерей Борис Втюрин –
настоятель Александро-Антониновской церкви в 1977-2000 гг.
Фото 80-х гг. XX в.*

рукоположил его в сан диакона, а 23 июля — в сан священника. Заметим, что о. Борис принял священный сан в разгар хрущевских гонений на Церковь.

11 августа 1964 года о. Борис был назначен священником Крестовоздвиженской церкви в с. Воздвиженье под Кинешмой. Однако в Воздвиженье молодой священник прослужил недолго. 7 декабря того же 1964 года по просьбе прихожан Свято-Духовской церкви в Юрьевце Митрополит Антоний перевел его в этот храм на должность второго священника. 22 ноября 1966 года о. Борис был назначен исполняющим обязанности настоятеля Успенского кафедрального собора в Кинешме, а 27 апреля 1967 года стал настоятелем этого собора. В Кинешме о. Борис прослужил только три года. Его здоровье ухудшилось и 16 июня 1969 года по прошению его перевели настоятелем Введенской церкви в с. Введенье Кинешемского района, где он прослужил восемь лет. В 1977 году по приглашению Архиепископа Кассиана о. Борис перешел на службу в Костромскую епархию, и 10 июня 1977 года своим указом владыка Кассиан назначил его настоя-

*Протоиерей Борис Втюрин с семьей.
Фото 1978 г.*

телем Александро-Антониновского храма*. С этим храмом и были связаны последние 23 года его жизни.

Все знавшие о. Бориса помнят его как мягкого и доброго человека. В его личном деле сохранился целый ряд характеристик, данных о. Борису различными правящими Архиереями. Типичной является характеристика, данная ему Архиепископом Кассианом в 1987 году: «Представительный протоиерей и благочинный. Усердный и исполнительный пастырь, и ревностный попечитель о храме Божиим. Уживчив с церковным Советом. Миротлюбив со всеми»⁵³³.

Вплоть до начала 80-х гг. XX века в Александро-Антониновском храме сохранялось печное отопление. Летом богослужения проходи-

* По свидетельству близких, о. Борис Втюрин впервые увидел Александро-Антониновский храм в 1968 году, когда вместе с Епископом Ивановским и Кинешемским Поликарпом (Примаком) ехал по Волге на пароходе из Ярославля в Кинешму. Подъезжая к Костроме, о. Борис увидел стоящий на вершине селищенской возвышенности белый храм, и у него вырвалось: — Вот бы послужить в этой церкви!

ли в не отапливавшемся «летнем» храме, а зимой — в отапливаемых Ильинском и Георгиевском приделах. В холодное время года двери между основным четвериком и теплыми («зимними») приделами наглухо закрывались. В 1983 году, благодаря усилиям о. Бориса, взамен печей, существовавших в церкви с 1789 года, был поставлен газовый котел и устроено паровое отопление. С этого времени разделение храма на «летнюю» и «зимнюю» части ушло в прошлое, и в любой период года богослужение совершается во всем его помещении.

В Селище о. Борис окончательно раскрылся как выдающийся мастер колокольного звона. В 70-90 годы он был, пожалуй, самым лучшим звонарем в Костромской епархии и одним из лучших во всей России. Отец Борис стал звонить в колокола уже в 15 лет, учась у старых звонарей, и всю свою последующую жизнь продолжал совершенствоваться в этом старинном искусстве, фактически ушедшем к 50-60 годам XX века из нашей жизни.

Искусство о. Бориса как звонаря получило признание и среди специалистов. Музыковед А. С. Ярешко очень высоко оценивал настоятеля Александро-Аптониновского храма как истинного знатока и хранителя традиций колокольного звона. В своей книге, посвященной колокольным звонам России, он писал об о. Борисе Втюрине: «Радостным и мажорным звучанием отличается его искусство — будничные и праздничные звоны. Они — лучезарное сияние колокольных переливов-переборов, затейливое бесконечное звуковое кружево»⁵³⁴.

Незадолго до приезда в Селище о. Борис заочно окончил Московскую духовную семинарию, а в 1985 году — Московскую духовную академию. 23 сентября 1985 года о. Борис был назначен благочинным 4-го благочиннического округа, а 6 апреля 1989 года — 5-го округа (последний включал в себя церкви Сусанинского и Судиславского районов).

13 ноября 1985 года в Селище на 84-м году жизни скончался младший брат о. Иоанна (игумена Игнатия) протоиерей Василий Костин. После выхода за штат в 1979 году о. Василий жил в Селище. В 80-е годы он обычно замещал о. Бориса Втюрина, когда тот уезжал на сессии в академию. 16 ноября в Александро-Аптониновском храме состоялось его отпевание, которое совершил настоятель Иоанно-Златоустовского храма протоиерей Константин Ильчевский в сослужении с о. Борисом Втюриным и протодиаконом о. Леонидом Смирновым. После отпевания останки о. Василия Костина были преданы земле на Заволжском кладбище.

Храм в конце XX — начале XXI веков

В конце 80-х годов XX века в жизни Церкви, как и всей страны, начали происходить большие перемены. В ходе «перестройки» один за другим уходили в прошлое былые запреты и ограничения. На рубеже 80-х и 90-х годов церковное возрождение началось и в Костроме. Как уже писалось, в 40-80 гг. XX века Александрo-Антониновская церковь была единственным действующим храмом Заволжской части Костромы. В 90-е годы Александрo-Антониновский храм сыграл в истории Заволжья Костромы особую роль: в это время от его общины один за другим «отпочковалось» несколько новых церковных приходов, основу которых составляли бывшие селищенские прихожане. Первой из Александрo-Антониновского прихода выделилась община вновь возрожденного Ильинского храма в Городище, в июне 1990 года официально возвращенного Русской Православной Церкви. 15 июня 1990 года указом Епископа Александра первым с 1941 года настоятелем это храма был назначен второй священник Александрo-Антониновской церкви иерей (ныне — протоиерей) Виталий Шастин⁵³⁵. Тогда же заместителем председателя приходского совета Ильинского храма стала бывшая селищенская прихожанка Галина Борисовна Флегонтова. На плечи о. Виталия и Г. Б. Флегонтовой легли основные труды по возрождению старинного Ильинского храма, исторического «соседа» Александрo-Антониновской церкви. Всяческую помощь и поддержку в этом благом деле в первые, самые трудные годы им оказывал о. Борис Втюрин. Если в 30-40 годы о. Иоанн Костин спосил в свой храм иконы из закрываемых заволжских церквей, то теперь некоторые из них возвращались туда, откуда их принесли. В 1990 году в Ильинский храм был возвращен образ святого Илии Пророка, по свидетельству старожилов, перенесенный в Селище из Ильинского храма после его закрытия, передан ряд предметов священнического облачения и утвари.

С 1990 года в Александрo-Антониновском храме регулярно совершает Божественную литургию Епископ (с 1994 года — Архиепископ) Костромской и Галичский Александр (Могилев).

В 1994 году в заволжском микрорайоне Малышково в перестроенном деревянном здании бывшей начальной земской школы открылся храм во имя преподобного Серафима Саровского. В 2001-2003 годах в микрорайоне Паново был возведен каменный храм во имя святых апостолов Петра и Павла и преподобных Ферапонта, Адриана и Феодосия Монзенских. Основу общин храмов в Малышково и Панове

12 апреля 1992 года.

Протоиерей Борис Втюрин на звоннице Ипатьевского монастыря

также составили бывшие прихожане Александро-Антониновского храма.

Еще недавно совсем немыслимые перемены происходили и в жизни Александро-Антониновского прихода: в 1991 году о. Борис Втюрин открыл при храме воскресную школу для детей, в ноябре 1993 года преобразованную в воскресную школу для молодежи и взрослых.

В 1990 году о. Борисом при помощи Епископа Александра был приобретен и поднят на колокольню селищенского храма новый двухсотдвадцатикилограммовый (шестнадцатипудовый) колокол, отлитый в Воронеже. В 90-е годы о. Борис Втюрин сыграл исключительную роль в деле возрождения колокольного звона в нашем крае. Как признанному мастеру именно ему доверялся колокольный звон во время целого ряда важнейших событий церковной жизни Костромы. 24 июня 1990 года во дворе возле только что возвращенного

Евгений (сын отца Бориса) пожертвовал в память об отце декоративную решетку на солею.

На фото: Евгений с фрагментом решетки. 2009 г.

епархии Богоявленско-Анастасиина собора в присутствии огромного количества костромичей Епископ Александр совершил молебен по случаю освящения начала восстановительных работ в здании собора. Незадолго до этого на соборную звонницу было повешено несколько новых колоколов. Множество людей в этот день впервые за многие десятилетия услышало раздавшийся со звонницы, где находился о. Борис, настоящий колокольный звон⁵³⁶. 29 августа 1990 года в Костроме прошел первый с 1921 года крестный ход с главной святыней нашего края — Феодоровской иконой Божией Матери. Ход, в котором приняли участие тысячи людей, прошел через весь город — от Воскресенского кафедрального собора до места явления иконы — Спасо-Запрудненской церкви. Когда духовенство с Епископом Александром выносило чудотворный образ из Святых врат храма Воскресения на Дебре, о. Борис Втюрин звонил в колокола на небольшой звоннице на церковной паперти⁵³⁷. Один из журналистов тогда отметил особую «благодать колокольного звона»⁵³⁸, звучавшего в этот день. Отец Борис звонил в колокола и в первые богослужения в Троицком соборе

*7 мая 1993 года. Жители Селища встречают
Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.
Фото В. Ф. Шевченко*

Ипатьевского монастыря. После того, как в 1994 году епархии была возвращена звонница Ипатия, он принял участие в восстановлении традиции колокольных звонов этой древней обители. В 90-е годы о. Борис выступал в роли наставника, делясь своими знаниями и навыками с молодыми звонарями вновь открывшихся храмах.

В 1993 году в истории Александрo-Антониновского храма произошло первое (после предполагаемого посещения его в 1613 году будущим Патриархом Иосифом) посещение его Предстоятелем Русской Православной Церкви. 7 мая 1993 года во время своего первого приезда в Кострому храм в Селище посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Высокого гостя сопровождали Епископ Костромской и Галичский Александр, глава администрации Костромской области В. П. Арбузов, представитель Президента Российской Федерации Ю. А. Литвинов, председатель Областного Совета народных депутатов Р. А. Карташов и др. У церковной ограды Патриарха Алексия II встречало множество селищенцев, а в церкви о. Борис Втюрин в своем слове кратко рассказал Его Святейшеству об истории храма, особо отметив роль о. Иоанна Костина. Выйдя наружу, Предстоятель Русской Право-

*Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
после посещения Александро-Антониновского храма.
Фото В. Ф. Шевченко*

*Гость прихода — иеромонах Андрей (Вейде)
с ковчегом с частицей мощей святого мученика Александра Римского.
Фото 2004 г.*

славной Церкви любовался открывающимся отсюда видом на Волгу и Ипатьевский монастырь⁵³⁹.

В 1994 году в истории Александрo-Антониновского храма состоялось важное событие — иеромонах Андрей (Вейде) Русской Православной Церкви (англичанин по национальности), настоятель храма святого преподобного Максима Исповедника в Турине (Италия) передал в дар храму святую реликвию — частицу мощей святого мученика Александра.

В 1997 году о. Борис Втюрин был третьим из настоятелей Александрo-Антониновского храма после оо. Иоанна Костина и Бориса Васильева удостоен высокой награды — митры.

Отец Борис Втюрин скончался на 61-м году жизни на исходе Великой субботы, в Пасхальную ночь, в 23 часа 45 минут 29 апреля 2000 года. Его отпевание в Александрo-Антониновской церкви в сослуже-

*Могила о. Бориса Втюрина
на кладбище у стен храма.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

нии всего духовенства Костромы 2 мая, во вторник Светлой седмицы, совершил Архиепископ Костромской и Галичский Александр. По старой традиции, прерванной после революции, о. Бориса похоронили на приходском кладбище вблизи от алтарной абсиды храма⁵⁴⁰. В некрологе, помещенном в епархиальной газете «Благовест», протоиерей Виталий Шастин, в 1986-1990 гг. служивший в Александро-Антониновском храме вторым священником, писал: «Завершился земной путь пастыря доброго, много потрудившегося для духовного блага своих пасомых, для блага всей нашей Матери-Церкви. Жизненный и духовный путь его и сама кончина, случившаяся в Пасхальную ночь, дают нам дерзновение надеяться на его блаженное упокоевание в селениях праведных. Вечная ему память»⁵⁴¹.

В конце 90-х годов распоряжением Архиепископа Александра кладбище при Александро-Антониновской церкви было опре-

*Екатерина Никитична Забываева (в середине) – в 1962-2002 гг.
староста Александро-Антониновской церкви.
Фото 70-х гг. XX в.*

делено как епархиальное кладбище для почивших церковнослужителей Костромы и особо заслуженных мирян. Почти через год после похорон о. Бориса на этом же погосте был погребен протоиерей Леонид Васильевич Смирнов (1938-2001 гг.). Рукоположенный 15 июня 1969 года в сан диакона Архиепископом Кассианом, он в последующие десятилетия последовательно служил (с 1982 года в сане протоиерея) в Воскресенском и Богоявленско-Анастасином кафедральных соборах. Отец Леонид скоропостижно скончался 26 марта 2001 года в канун праздника Феодоровской иконы Божией Матери. 28 марта в Богоявленско-Анастасином кафедральном соборе состоялось его отпевание, которое совершил Архиепископ Александр в сослужении Епископа Архангельского и Холмогорского Тихона (Степанова), всего городского духовенства и многих священнослужителей епархии, приехавших в Кострому на праздник. В тот же день о. Леонид был погребен на кладбище в Селище справа от алтаря храма⁵⁴².

На кладбище у церкви похоронено несколько почивших инокинь костромских Богоявленско-Анастасиина и Знаменского женских мо-

настырей, в том числе монахиня Знаменского монастыря мать Клавдия (в миру Клавдия Васильевна Майоршина; 1918-2003 гг.). Мать Клавдия родилась в д. Умовка Симбирской губернии (ныне — Ульяновская область). С 1931 года она жила в Казани, где окончила ликбез и работала на меховой фабрике. С началом Великой Отечественной войны Клавдия Васильевна стала трудиться на военном заводе боеприпасов, откуда в июне 1942 года её призвали в армию. Она попала в артиллерию ПВО Северного флота в г. Полярном Мурманской области. В это время гитлеровская авиация жестоко бомбила Мурманск и другие базы флота, в том числе и Полярный, а немецкие корабли делали всё, чтобы не допускать в Мурманск караваны союзников, перевозивших в СССР военные грузы. Вскоре К. В. Майоршина стала командиром отделения, состоявшем из таких же молодых девушек, как и она, вместе с которыми защищала от немецких бомбардировщиков небо нашего Севера. За своё участие в обороне заполярных рубежей России Клавдия Васильевна была удостоена ряда наград, в том числе: в 1946 году — медалью «За оборону Советского Заполярья», в 1985 году — орденом Отечественной войны II степени, в 1996 году — медалью «300 лет Российскому флоту». После войны она жила в Мурманской области, вышла замуж, воспитала троих детей, овдовела. В 1984 году Клавдия Васильевна переехала в Кострому и стала служить алтарницей в Воскресенском кафедральном соборе; 8 апреля 1998 года она приняла монашеский постриг с именем Клавдия. Мать Клавдия скончалась 18 июля 2003 года. 20 июля после отпевания в церкви Воскресения на Дебре состоялось её погребение на селищенском кладбище.

13 января 2006 года после отпевания в Александро-Антониновском храме, которое совершил о. Игорь Шашков, на приходском кладбище была похоронена скончавшаяся двумя днями раньше, 11 января, Екатерина Никитична Забываева (1914-2006 гг.). Родившаяся в д. Дербино в крестьянской семье Екатерина Никитична с детства была прихожанкой Александро-Антониновской церкви. В 30-50 годы она работала на заводе «Рабочий металлист». Выйдя в 1957 году на пенсию, Екатерина Никитична целиком посвятила себя Александро-Антониновской церкви, старостой которой она пробыла ровно сорок лет — с 1962-го до 2002 года. Случай столь долгого пребывания в должности церковного старосты поразителен, и, кажется, является единственным и для дореволюционного, и для советского периодов истории Костромского края.

*Протоиерей Игорь Шашков –
настоятель Александрo-Антониновской церкви с 2000 года.
Фото Ю. Чеботарева. 2006 г.*

*Отец Игорь с матушкой Ириной Петровной и сыновьями.
Слева направо: Савва, Глеб, Алексей, Иван. Фото 2009 г.*

*Протоиерей Ардалион Шашков и матушка Галина Ивановна —
родители о. Игоря.
Фото 1980 г.*

12 апреля 2008 года на кладбище у стен Александро-Антониновского храма состоялись похороны епархиального архитектора Л. С. Васильева (1934 — 2008 гг.). Леонид Сергеевич Васильев — выдающийся архитектор-реставратор, по проектам которого, начиная с 1958 года, восстановлено огромное количество памятников зодчества в Костроме и Костромской области. Только в Заволжской части Костромы по его проектам был возвращен исторический облик Ильинской (Христорожественской) церкви в Городище и церкви Спаса, что за Волгой. Л. С. Васильев скончался 10 апреля 2008 года. 12 апреля в Богоявленско-Анастасином кафедральном соборе состоялось его отпевание и в тот же день — похороны на кладбище у стен Александро-Антониновской церкви.

После кончины о. Бориса Втюрина новым настоятелем храма стал протоиерей Игорь Шашков. Он родился 28 июня 1965 года в Костроме в семье священника протоиерея Ардалиона Шашкова (1933-

*23 июня 2003 года. Духовенство и прихожане встречают
Архиепископа Костромского и Галичского Александра
в Святых вратах церковной ограды*

Владыка Александр благословляет прихожан

Духовенство несет Феодоровскую икону Божией Матери в храм по дороге, традиционно в этот день устланной голубыми люпинами.

Селищенцы поклоняются главной святыне Костромского края

Владыка Александр обращается к присутствующим со словом

*Крестный ход с Феодоровской иконой Божией матери
следует вокруг храма*

*Владыка Александр
окропляет участников крестного хода святой водой*

23 июня 2004 года. Селищенцы и духовенство храмов Заволжья ожидают Феодоровскую икону Божией Матери на берегу Волги

Чудотворный образ выносят на берег

Главную святыню Костромского края несут в храм

Крестный ход со святыней вокруг храма

Икона в Святых вратах церковной ограды

*Крестный ход с Феодоровской иконой Божией Матери
следует к месту, где стоял храм Василия Блаженного*

1997 г.). Большую часть своего священнослужения о. Ардалион был настоятелем Никольского храма в с. Саметь Костромского района). В 1982 году Игорь Шашков окончил в Костроме среднюю школу, в 1983-1985 гг. — служил в армии, в зенитно-ракетных войсках, в 1986-1990 году — учился в Ивановском художественном училище (на отделении промышленной графики и рекламы). В 1992 году Игорь Шашков окончил Костромское духовное училище. 14 октября 1991 года в Богоявленско-Анастасином кафедральном соборе Епископ Костромской и Галичский Александр рукоположил его в диакона, 24 ноября того же года в церкви Воскресения на Дебре состоялось его рукоположение в священника. С 27 декабря 1991 года по 8 апреля 1992 года о. Игорь был настоятелем Троицкой церкви в с. Костенево под Костромой. В 1992-2000 гг. он служил в с. Палкине Антроповского района, где в 1993-1996 гг. им по образцу старых русских храмов была выстроена деревянная церковь, 2 октября 1996 года освященная во имя преподобного Серафима Саровского. Окончив в 2003 году заочный курс Костромской духовной семинарии, о. Игорь в том же году поступил на заочное отделение Шуйского государственного педагогического университета (кафедра религиоведения). В 2006 году о. Игорь назначен благочинным 2-го благочиннического округа, включающего в себя храмы заволжской части Костромы и южной части Костромского района.

В 2003 году по инициативе о. Игоря и благословению архиепископа Александра был возобновлен старинный обычай принесения в Александров день в Александро-Антониновскую церковь главной святыни Костромского края — Феодоровской иконы Божией Матери. Спустя 80 с лишним лет утром 23 июня 2003 года чудотворная икона была принесена в храм. Божественную литургию в сослужении многочисленного духовенства совершил Архиепископ Костромской и Галичский Александр⁵⁴³.

23 июня 2004 года в Селище состоялось празднование 225-летия закладки Александро-Антониновского храма в камне. Утром этого дня в Заволжье на теплоходе «по водам» был доставлен чудотворный образ Феодоровской иконы Божией Матери. Божественную литургию в переполненном храме совершил Архиепископ Костромской и Галичский Александр. После литургии состоялся многолюдный крестный ход, который вначале прошел вокруг церкви, а затем проследовал к большому деревянному кресту, воздвигнутому накануне на месте разрушенного храма Василия Блаженного. Возле креста была отслужена панихида «о всех прежде служивших и молившихся на святом месте сем»⁵⁴⁴.

*Мемориал памяти уроженцев Селища,
погибших на фронтах Великой Отечественной войны.
Открыт 22 июня 2005 года.
Фото 2005 г.*

22 июня 2005 года на приходском кладбище состоялось открытие и освящение мемориала, посвященного памяти всех селищенцев, не вернувшихся с Великой Отечественной войны. Этот мемориал был создан на средства, собранные местными жителями, при помощи администрации города Костромы и Костромского филиала Военно-мемориальной компании (директор филиала — полковник в запасе М. С. Щемелев). Памятник выполнен в виде развернутой книги, на двух беломраморных плитах-листах которой высечено сто девять имен*.

* Среди имен, высеченных на памятнике, значится и пропавший без вести в марте 1943 года селищенец Николай Павлович Сталлит (1916-1943 гг.)⁵⁴⁵, отец которого, П. Х. Сталлит, как мы помним, в 30-е годы был одним из ярых борцов за закрытие Александро-Антониновской церкви.

*22 декабря 2005 года.
Селище встречает Всероссийского Деда Мороза
и костромскую Снегурочку*

На увенчанном православным крестом памятнике как эпитафия всем погибшим на фронтах Отечественной войны приведены слова из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин., 15, 13). Освящение мемориала состоялось 22 июня в 15 часов. Освятил памятник благочинный церковей г. Костромы протоиерей Валерий Бунтеев, которому сослужил о. Игорь Шашков. Вместе с жителями Селища при освящении присутствовала глава самоуправления г. Костромы И. В. Переверзева⁵⁴⁶. Заметим, что подобный мемориал в церковной ограде приходского кладбища, судя по всему, является первым в России, — во всяком случае, о другом подобном случае нам неизвестно.

В четверг 22 декабря 2005 года в жизни Селища произошло поистине сказочное событие — сюда для того, чтобы зажечь огни на елке приехал Всероссийский Дед Мороз со своей внучкой — Костромской Снегурочкой. Они зажгли новогоднюю елку возле селищенского Дома Культуры — в нескольких шагах от церковной ограды. Корреспондент «Северной правды» так описывал это событие: «Встречали гостя из Великого Устюга в Селище. Сюда приехала

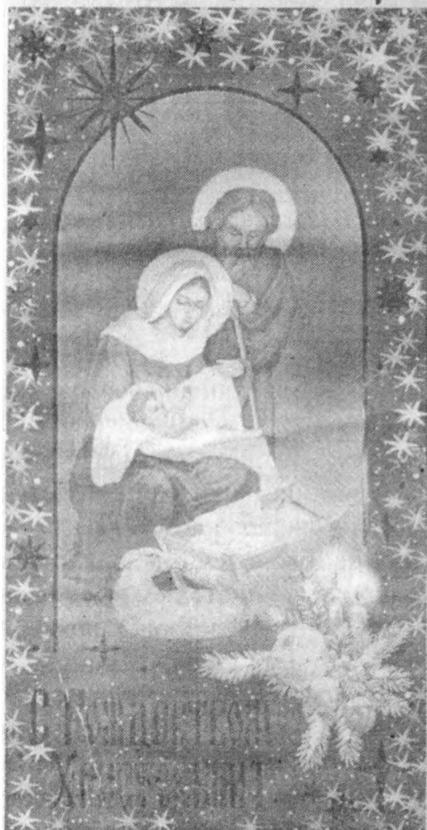
ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Издается по благословению Архиепископа Костромского и Галичского Александра

Ежемесячное издание прихода Александро-Антониновской церкви

№ 1

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

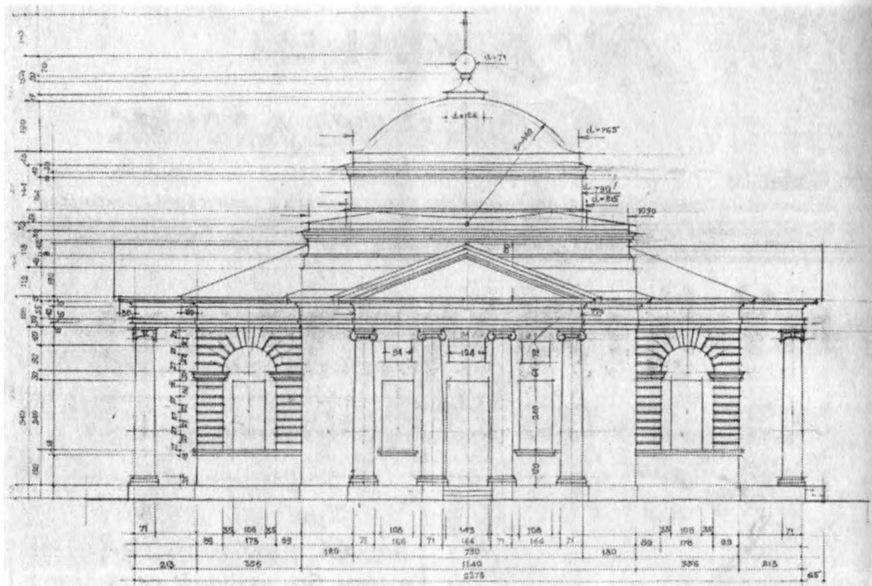
ТРОПАРЬ

*Рождество Твое,
Христе Боже наш,
возсия миру свет разума,
в нем бо звездам служащий
звездой учахуся
Тебе кланяться,
Солнцу правды,
и Тебе ведети
с высоты Востока,
Господи, слава Тебе!*

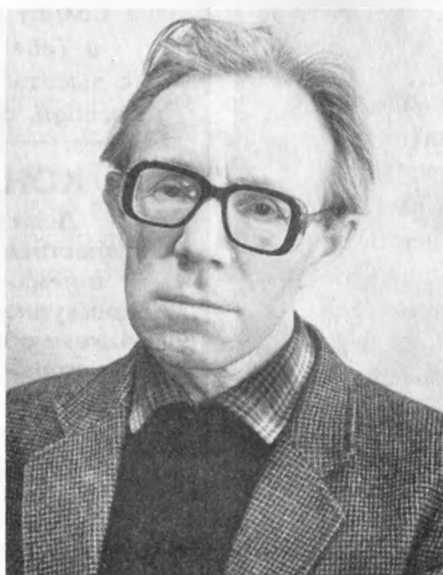
КОНДАК

*Дева гнесь
Пресущественного раждает,
и земля вертеп
Неприступному приносит,
Ангели с пастырьми
славословят,
волви же со звездой
путешествуют,
нас бо ради родися
Отроча младо,
Превечный Бог.*

Издаваемая Александро-Антониновской церковью
газета «Духовный собеседник» —
первая приходская газета в городе Костроме

*Проект восстановления храма Василия Блаженного. Вид с севера.
Архитектор Л. С. Васильев. 2000 г.*

*Архитектор Л. С. Васильев —
автор проекта воссоздания храма Василия Блаженного.
Фото Г. П. Беякова. 1989 г.*

белом «Фольксвагене» прибыл сам виновник торжества. (...) Выглядел дедушка немного усталым, да и немудрено, до Костромы он объехал полстраны, побывал в Тольятти, Кемерово, Самаре, Вологде, даже в якутский город Мирный умудрился заскочить. Однако выразил радость по поводу приезда на родину внучки, поздравил детей и с их помощью со второго раза зажег огни на селищенской елке»⁵¹⁷. Из Селища Дедушка Мороз со Снегурочкой отправился в центр Костромы, чтобы зажечь огни на главной елке на Сусанинской площади.

Почти тогда же, в конце декабря 2005 года, в жизни Александрo-Антониновского прихода произошло важное событие — вышел первый номер приходской газеты «Православный собеседник», посвященный празднику Рождества Христова. Нельзя не отметить, что «Православный собеседник» — одна из первых приходских церковных газет в истории Костромской епархии.

В июне 1989 года на обезображенном внешними и внутренними перестройками бывшем доме мягковской усадьбы была открыта мемориальная доска в честь Н. К. Михайловского и Н. Н. Купреянова. В 1995 году детской художественной школе № 2, которая последние десятилетия размещается в бывшем доме усадьбы Ратьковых, присвоено имя художника Н. Н. Купреянова. Рано или поздно будет возвращено первоначальное посвящение и селищенской библиотеке, которая с 20-х годов носит имя А. В. Луначарского. Как бы мы ни относились к Н. К. Михайловскому, но его имя неотделимо от истории Селища, библиотека в селе была основана в память о нём и было бы во всех отношениях справедливо, если бы ей вернули его имя.

Уже давно обсуждается вопрос о воссоздании храма Василия Блаженного: в 2000 году архитектор-реставратор Л. С. Васильев на основании старых фотографий выполнил детальный проект его восстановления. Ведется подготовка к церковному прославлению как священномученика о. Павла Острогского. Думается, что его канонизацией в приходе будет окончательно подведена черта под событиями XX века.

Завершим же нашу книгу стихотворением «Село Селище», посвященным Александрo-Антониновскому храму*.

* Автор стихотворения — протонерей Петр Чулков, клирик Всехсвятской церкви поселка Красное, тесть о. Игоря Шапкова.

*Алекса́ндро-Анто́ниновский храм с высоты птичьего полета.
Съемка с парашюта А. В. Петракова. 2006 г.*

Древнее село моё Селище,
Костромские волжские края,
Белый храм, родное пепелище,
Православно-русская земля.

Церковь Александра-Антонины,
Небо благовестом оглашая,
Бодрым звоном нас питает ныне,
К тайне покаянья приглашая.

Землю нашу русскую простую,
Ночью под луною со снежком
Сёла, деревеньки, Русь Святую
Исходил Спаситель с посошком.

Потому и Русь в веках святая,
Что в трудах с молитвой жили в ней:
Вкруг монастырей лесного края
Ангельские души у людей.

Святостью жила всегда Россия,
Праведностью сердца и ума,
Не страшила холода стихия,
Не пугала дикая орда.

С нами Бог — кого же нам бояться?
С Богом жить — за правду умирать.
Враг коварен — надобно сражаться,
Собирать нам православных рать.

В глубине веков тому начало,
В мудрости Ивана Калиты,
В звёздном небе — русское орало
Устремлённой к вечности мечты.

Церкви на холмах Руси стояли —
Купола с крестами в облаках,
Чистым сердцем Бога призывали,
Славили Спасителя в веках.

Правый берег — древнее Селище,
Кострома — на левом берегу,
Духа православного жилище.
Святость эту внукам берегу.

*«Святые мученики Александр и Антонина».
Иконописец С. Н. Соколов (2008 г.)*

1. Церковно-приходская летопись Костромской губернии и уезда села Селищ Александро-Антониновской церкви (далее – Церковно-приходская летопись), л. 1 об.
2. Там же, л. 2.
3. Там же, л. 2 об.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950, с. 11.
5. Там же.
6. Материалы для истории Костромской епархии. Костромская десятина. Вып. 4, Кострома, 1908, с. 161 (далее – Костромская десятина).
7. Веселовский С. Б.. Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуropy, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. Т. 18, М., 1946, с. 71.
8. Полное собрание русских летописей. Воскресенская летопись. Т. 7, СПб., 1856, с. 184.
9. Церковно-приходская летопись, л. 2.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4, М., 1955, с. 172.
11. Сказание Авраамия Палицына. М.-Л., 1955, с. 234.
12. Бычкова Е. М. Родословие Глинских // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 38, М., 1977, с. 123; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986, с. 121.
13. Костромская десятина, с. 100.
14. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десяти. Вып. 5, М., 1912, с. 40 (далее – Материалы для истории сел).
15. Там же.
16. Там же.
17. Церковно-приходская летопись, л. 9.
18. Материалы для истории сел, с. 40.
19. Диев М. Первые два десятилетия XVII века для Костромской стороны // Костромские губернские ведомости. 1854, № 46, ч. неоф.
20. Мельников П. И. (Андрей Печерский) Мария Ивановна Хлопова, невеста царя Михаила Феодоровича // Старые годы. Исторические очерки. Горький, 1990, с. 256.
21. Материалы для истории сел, с. 40.
22. Серафим (Питерский), иеромонах, Панкова Т. М. Житие святителя Феодорита, архиепископа Рязанского и Муромского (1551-1617). Рязань, 2001, с. 38.
23. Материалы для истории сел, с. 40.
24. Илинский П. Опись рукописей частного Шаховского архива. Кострома, 1906, с. 3-4 (далее – Илинский П. Опись рукописей).
25. Материалы для истории сел, с. 40.
26. Илинский П. Опись рукописей, с. 114.
27. Материалы для истории сел, с. 40.
28. Там же.
29. Костромская десятина, с. 100.
30. Введенский С. Костромской протопоп Даниил. Очерк из истории раскола в первое время его существования // Труды IV-го областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914, с. 304.
31. Грандильевский Л. Противоцерковное раскольническое движение в г. Костроме в 1652 г. // Костромские епархиальные ведомости. 1904, № 16, ч. неоф., с. 405.
32. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868, с. 106.
33. Церковно-приходская летопись, л. 13.
34. Цит. по: Григоров А. А. Немного о прошлом Заволжья г. Костромы // Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, с. 327 (далее – Григоров А. А. Указ. соч.).

35. ГАКО, ф. 138, оп. 5, д. 17, б/н (дело утрачено во время пожара архива в 1982 г.).
36. Григоров А. А. Указ. соч., с. 326.
37. ГАКО, ф. 138, оп. 5, д. 17, б/н.
38. Церковно-приходская летопись, л. 7.
39. Список церквей Костромской епархии по ревизии 1744 г. // Костромские губернские ведомости. № 42, 26.10.1883 г., отд. неоф.
40. Церковно-приходская летопись, л. 12 об.
41. Там же, л. 1 об.
42. Церковно-приходская летопись, л. 1 об.
43. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 125.
44. ГАКО, ф. Р-864, оп. 1, д. 490, л. 5, 23.
45. ГАКО, ф. Р-864, оп. 1, д. 920, л. 11; Русский провинциальный некрополь. Т. 1, М., 1914, с. 577 (далее — Русский провинциальный некрополь).
46. Кузнецова М. Ю. Раскопки печи для обжига кирпича в пос. Селище // Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 71.
47. Русский провинциальный некрополь. Т. 1, с. 693-695.
48. Титов А. А. Материалы для библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда». М., 1892, с. 15.
49. Сизинцева Л. Федор Голубинский, ученый и мудрец // Губернский дом. 1997, № 5, с. 16.
50. Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 2 (46), М., 1994, с. 47-48.
51. Церковно-приходская летопись, л. 7.
52. Там же.
53. Островский П. Исторические записки о Костроме и её святыне. Кострома, 1864, с. 152 (далее — Островский П. Исторические записки).
54. Бочков В. «Скажи: которая Татьяна?» М., 1990, с. 167-177.
55. Русский провинциальный некрополь, с. 383, 585-586.
56. Церковно-приходская летопись, л. 7.
57. Русский провинциальный некрополь, с. 585; Церковно-приходская летопись, л. 7.
58. Праздник в Селище // Наша костромская жизнь. 31.07.1911.
59. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1, г. Кострома, ч. 3. Кострома, 1998, с. 108-109.
60. ГАКО, ф. Р-864, оп. 1, д. 1285, л. 24, 25.
61. Там же.
62. Церковно-приходская летопись, л. 9 об.
63. ГАКО, ф. Р-864, оп. 1 д. 1285, л. 24.
64. Островский П. Исторические записки, с. 177.
65. Церковно-приходская летопись, л. 10.
66. Скворцов Л. Материалы для истории г. Костромы. Кострома, ч. 1, 1913, с. 297.
67. Хрестоматия по истории СССР. Т. 3, М., 1948, с. 49.
68. Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870-72 гг. СПб., 1877, с. 40.
69. Церковно-приходская летопись, л. 3 об., 5 об.
70. Там же, л. 5 об.
71. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1, Кострома, ч. 3. Кострома, 1998, с. 106.
72. Там же.

73. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 25 (далее – Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии).
74. Зимин М. М. Из жизни костромских сапожников (бытовые очерки). Кострома, 1924, с. 2 (далее – Зимин М. М. Из жизни костромских сапожников).
75. Церковно-приходская летопись, л. 10 об.
76. Там же, л. 10.
77. Там же, л. 18.
78. Там же, л. 21.
79. Список церквей Костромской епархии по ревизии 1744 года // Костромские губернские ведомости. 26.10.1883.
80. Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, с. 25.
81. Церковно-приходская летопись, л. 18.
82. Там же, л. 18 об.
83. Там же, л. 27.
84. Там же, л. 27 об.
85. ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3271, л. 2 об.
86. Там же, л. 5 об.
87. Церковно-приходская летопись, л. 30 об.
88. Там же, л. 31.
89. Там же, л. 32.
90. Там же, л. 55.
91. Там же, л. 55 об.
92. Там же, л. 71.
93. Там же, л. 74 об.
94. Там же, л. 13 об.
95. ГАКО, ф. 444, оп. 1, д. 191, л. 17 об.
96. ГАКО, ф. Р-864, оп. 1, д. 1285, л. 12, 24.
97. Церковно-приходская летопись, л. 3 об.
98. Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района. Кострома, 1966, с. 20 (далее – Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района).
99. ГАКО, ф. 444, оп. 1, д. 1014, л. 1.
100. ГАКО, ф. 444, оп. 1, д. 1854, л. 6 об.
101. Костромской календарь на 1897 год. Кострома, 1896, с. 38; Костромской календарь на 1898 год. Кострома, б. г., с. 54.
102. ГАКО, ф. 444, оп. 1, д. 155, л. 1; д. 191, л. 18; д. 2405, л. 4.
103. Церковно-приходская летопись, л. 35 об.
104. Там же, л. 39.
105. Отчет Православного Костромского братства преподобного Сергия // Костромские епархиальные ведомости. 1888, № 23, ч. офиц., с. 400.
106. Баженов И. В. Костромской Богоявленско-Анастасьинский монастырь. Кострома, 1895, с. 142.
107. Церковно-приходская летопись, л. 51.
108. Там же.
109. Там же, л. 43 об.
110. ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 156, л. 307 об.
111. Костромские епархиальные ведомости. 1888, № 1, ч. офиц., с. 26.
112. Костромской календарь на 1895 год. Кострома, 1895, с. 169.
113. Костромской календарь на 1899 год. Кострома, 1898, с. 189.
114. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 год. Кострома, 1914, с. XLIV.

115. Революционное движение в 1905-1907 гг. в Костромской губернии (к 50-летию первой русской революции). Сборник документов. Кострома, 1955, с. 156 (далее — Революционное движение в 1905-1907 гг. в Костромской губернии).
116. Ватолина Е. А. Воспоминания (рукопись) // Архив автора.
117. Церковно-приходская летопись, л. 33 об., л. 38 об.
118. Там же, л. 42 об.
119. Там же, л. 71.
120. Церковно-приходская летопись, л. 55.
121. Там же, л. 56 об.
122. Там же, л. 58.
123. Там же, л. 62 об.
124. Там же.
125. Там же, л. 59.
126. ГАКО, ф. 130, оп. 9, л. 3271, л. 3 об.
127. Пospelов И. Обзорение костромских заволжских церквей Его Преосвященством Преосвященнейшим Виссарионом, Епископом Костромским и Галичским // Костромские епархиальные ведомости. 1893, № 17, ч. неоф., с. 354-355.
128. Там же, л. 80 об.
129. Там же, л. 82.
130. Там же, л. 27.
131. Г. В. Мягков (некролог) // Костромской листок. 19.03.1903.
132. Куприянов Н. Н. Литературно-художественное наследие. М., 1973, с. 80 (далее — Куприянов Н. Н. Литературно-художественное наследие).
133. Церковно-приходская летопись, л. 28.
134. Костромской календарь на 1898 год. Кострома, б. г., с. 54.
135. Рязановский Ф. А. Писатели-костромичи. Н. К. Михайловский // СП. 25.09.1927 (далее — Рязановский Ф. А. Указ. соч.).
136. Рязановский Ф. А. Указ. соч.; Русские писатели. Биобиблиографический словарь. ч. 2 (М-Я), М., 1990, с. 42-43; Русские писатели 1800-1917. Т. 4 (М-П). М., 1999, с. 99 (далее — Русские писатели 1800-1917).
137. Русские писатели 1800-1917, с. 100-102; Петрова М. Г., Хорос В. Г. Диалог о Михайловском // Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995, с. 8-14.
138. Цит. по: Седов М. Г. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, с. 207-208 (далее — Седов М. Г. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского).
139. Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 293 (далее — Седов М. Г. Героический период русского народничества); Русские писатели. Биобиблиографический словарь (М-Я). Т. 2, М., 1990, с. 45.
140. «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг. Л., 1989, с. 36.
141. Там же, с. 331.
142. Там же.
143. Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1, М., 1964, с. 351.
144. Там же, с. 352.
145. Седов М. Г. Героический период революционного народничества, с. 336.
146. Цит. по: Седов М. Г. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского, с. 209.
147. Русские писатели 1800-1917, с. 105.
148. Там же.

149. Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском // Полное собрание сочинений, т. 24, с. 336.
150. Русские писатели 1800-1917, с. 102.
151. Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском // Полное собрание сочинений, т. 24, с. 333-334, 337.
152. ГАКО, ф. 749, оп. 1, ед. хр. 124, л. 168-169.
153. Цит. по: Шпанченко В. Под сенью старых лип... // СП. 6.03.1988.
154. Петровский В. А. Сведения об учебных заведениях, находящихся в ведении дирекции народных училищ Костромской губернии за 1888 год // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8, Кострома, 1891, с. 280.
155. Костромской календарь на 1905 год, Кострома, 1905, с. 56; Доклады Костромской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1915 года по народному образованию. Кострома, 1915, с. 89.
156. ГАКО. ф. 444, оп. 1, д. 1014, л. 1 об.
157. Краткое жизнеописание А. Г. Мягкова (рукопись). Текст любезно предоставлен автору Н. Я. Куприяновым.
158. ГАКО, ф. 749, оп. 1, л. 74, л. 17, 25, 46 об. 52 об.; л. 102, л. 49, 250-251; л. 124, л. 58, 126-127, 170, 172; л. 151, л. 3, 7, 19, 37, 42, 46, 58, 61, 75, 76, 82, 87, 92, 299, 348, 424.
159. Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 1 (45). М., 1992, с. 31
160. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, л. 20, л. 78.
161. Костромской календарь на 1899 год. Кострома, 1898, с. 204.
162. ГАКО, ф. 122, оп. 2, л. 6, л. 108 об.; А. В. Перелешин (некролог) // Поволжский вестник. 11.04.1910; Григоров А. А. Без Костромы наш флот неполон... Морские офицеры-костромичи XVIII – нач. XX вв. Кострома, 2002, с. 92 (далее – Григоров А. А. Без Костромы наш флот не неполон...)
163. Григоров А. А. Без Костромы наш флот неполон..., с. 92.
164. Костромской календарь на 1899 год. Кострома, 1898, с. 58.
165. Куприянов Н. Н. Литературно-художественное наследие, с. 81.
166. Костромской календарь на 1902 год. Кострома, 1902, с. 155.
167. Гайдебуров П. П. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М., 1977, с. 175 (далее – Гайдебуров П. П. Литературное наследие).
168. Крестьянский спектакль // Костромской листок. 10.01.1901; Костромской листок. 5.02.1904.
169. Народный дом // Поволжский вестник. 23.08.1909.
170. Г-ов. О «народном» театре. // Костромской листок. 19.07.1902.
171. ГАКО, ф. 56, оп. 1, л. 152, л. 348-349.
172. Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района г. Костромы, с. 17 (рукопись); В памяти народа. Очерки о революционерах. Ярославль, 1988, с. 73-75.
173. Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). Кострома, 1907, с. 178.
174. Там же.
175. Краткие статистические сведения о церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 30.
176. Зимин М. М. Из жизни костромских сапожников, с. 2.
177. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 год. Кострома, 1915, с. XLVI.
178. Ватолина Е. А. Воспоминания (рукопись) // Архив автора.
179. Беленогова А. Наше село Селище // СП. 21.10.1995.

180. ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 156, л. 60.
181. Панихида // Костромской листок. 21.03.1903 г.
182. Там же, л. 58 об — 61.
183. Цит. по: Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 4 (М — П), М., 1999, с. 105.
184. Н. К. Михайловский (некролог) // Костромской листок. 30.01.1904 г.
185. Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 21 — 22, М., 1993, с. 43.
186. Рязановский Ф. А. Писатели-костромичи. Н. К. Михайловский // СП. 25.09.1927 г.
187. М. Н. Михайловский (некролог) // Костромской листок. 1.09.1904 г.; ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 156, л. 148 об. — 149.
188. Церковно-приходская летопись, л. 83.
189. Там же.
190. Задорин М. По заданию партии // СП. 25.09.1955.
191. Церковно-приходская летопись, л. 89.
192. ГАКО, ф. Р-864, оп. 1, д. 1285, л. 26.
193. Офицерский состав 2-й эскадры Тихого океана // Новиков-Прибой А. Цусима. Т. 1, М., 1993, с. 331.
194. Бедов П. И. В союзники взяли историю. Кострома, 1993, с. 46-50.
195. Краткое жизнеописание А. Г. Мягкова (рукопись).
196. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, д. 20, л. 78.
197. Гайдебуров П. П. Литературное наследие, с. 175.
198. Революционное движение в 1905-1907 гг. в Костромской губернии, с. 139-140.
199. Церковно-приходская летопись, л. 83.
200. Там же, л. 86.
201. Там же, л. 88 об.
202. Там же, л. 90.
203. Местная хроника // Костромской листок. 29.02.1904.
204. ГАКО, ф. 174, оп. 1, д. 66, л. 4 об.
205. Там же, л. 27.
206. Там же, л. 45.
207. Там же, л. 49.
208. Церковно-приходская летопись, л. 85.
209. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, д. 20, л. 78.
210. Беяшина Е. К. Из истории Заволжского района. Кострома, с. 19.
211. Церковно-приходская летопись, л. 85.
212. Там же.
213. ГАКО, ф. 174, оп. 1, д. 118, л. 376 об. — 380.
214. Там же, л. 380.
215. Церковно-приходская летопись, л. 85.
216. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 30.
217. Церковно-приходская летопись, л. 103 об.
218. Революционное движение в 1905-1907 гг. в Костромской губернии, с. 156.
219. Боханов А. Н. Император Николай II. 3-е изд. М., 2004, с. 246.
220. Местная хроника // Поволжский вестник. 28.03.1906.
221. Купрянов Н. Я. Селище // Памятники Отечества. 1991 г., № 1 (23), с. 122 (далее — Купрянов Н. Я. Селище).
222. Григоров А. А. Генеалогические заметки и материалы // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 1 (45). М., 1992, с. 31 (далее — Григоров А. А. Генеалогические заметки и материалы).

223. Отчет Костромского губернского предводителя дворянства за 1906 год. Кострома, 1907, с. 79-80.
224. Там же, с. 85.
225. Там же, с. 85-86.
226. Григоров А. А. Генеалогические заметки и материалы, с. 31.
227. ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 156, л. 276 об. – 277.
228. Отчет Костромского губернского предводителя дворянства за 1906 год. Кострома, 1907, с. 76.
229. А. В. Перелешин (некролог) // Поволжский вестник. 11.04.1910.
230. с. Селище, Коряковской вол. // Поволжский вестник. 19.06.1907.
231. Костромская жизнь // Поволжский вестник. 16.10.1907; Увольнение // Поволжский вестник. 31.10.1907.
232. Костромская жизнь // Поволжский вестник. 3.11.1907.
233. Судебная палата // Поволжский вестник. 19.12.1907.
234. В памяти народа. Очерки о революционерах. Ярославль, 1988, с. 75.
235. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, д. 20, л. 78.
236. Краткое жизнеописание А. Г. Мягкова (рукопись).
237. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, д. 20, л. 78.
238. Дюбек Е. Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губернии // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 10, Кострома, 1918, с. 138-139.
239. А. В. Перелешин (некролог) // Поволжский вестник. 11.04.1910.
240. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909, репринт: М., 1990, с. 5.
241. Там же.
242. Там же, с. 3.
243. Церковно-приходская летопись, л. 95.
244. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1911 год. Кострома, 1910, с. 312.
245. Церковно-приходская летопись, л. 95.
246. Костромское общество образования. Отчет о деятельности общества с 13 ноября 1907 года по 1 января 1912 года. Кострома, 1912, с. 18 (далее – Костромское общество образования. Отчет о деятельности общества с 13 ноября 1907 года по 1 января 1912 года).
247. Открытие бесплатной библиотеки-читальни в с. Селище // Наша костромская жизнь. 13.10.1911.
248. Там же.
249. Открытие бесплатной библиотеки-читальни в с. Селище // Наша костромская жизнь. 14.10.1911.
250. Костромское общество образования. Отчет о деятельности общества с 13 ноября 1907 года по 1 января 1912 года, с. 19.
251. Купреянов Н. Н. Литературно-художественное наследие, с. 93.
252. Там же, с. 85.
253. Там же, с. 80.
254. Там же.
255. Лукомские Г. и В. Кострома. СПб., 1913, с. 255.
256. Там же, с. 355, 356, 358.
257. Купреянов Н. Н. Литературно-художественное наследие, с. 84.
258. Горохова О. Читая надписи на книгах // Костромская старина. 1998, № 10-11, с. 77-78.
259. Церковно-приходская летопись, л. 86 об.

260. Там же, л. 90-94 об.
261. Там же, л. 93 об.
262. Там же, л. 94 об.
263. Там же.
264. Там же, л. 101 об.
265. ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 158, л. 90 об. — 91; Г. Н.Ратьков (некролог) // Наша костромская жизнь. 3.11.1911.
266. Церковно-приходская летопись, л. 99 об.
267. ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3692, л. 5 об.
268. Церковно-приходская летопись, л. 98.
269. Там же, л. 99 — л. 99 об.
270. Там же, л. 102 об.
271. Там же, л. 102 об. — 103.
272. Гулянье в Селище // Поволжский вестник. 12.06.1914.
273. Церковно-приходская летопись, л. 105 об.
274. Там же.
275. Языков А. А. Общественная помощь призванным и их семьям // Костромская деревня в первое время войны. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 5, Кострома, 1916, с. 1.
276. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 564, л. 1.
277. Церковно-приходская летопись, л. 105 об.
278. Там же.
279. Победоносцев П. Эстафета поколений // Северная правда. 31.08.1967; В памяти народа. Очерки о революционерах. Ярославль. 1988, с. 76.
280. Смирнов В. И. Отношение деревни к войне // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 5, Кострома, 1916, с. 89-90.
281. Церковно-приходская летопись, л. 105.
282. Там же, л. 107.
283. Костромской экскаваторный. История завода «Рабочий металлист». Кострома, 1972, с. 7-12 (далее — Костромской экскаваторный).
284. Церковно-приходская летопись, л. 108.
285. Поволжский вестник. 2.09.1915; 29.12.1915; 21.06.1916.
286. Церковно-приходская летопись, л. 108.
287. Там же.
288. Там же, л. 104.
289. Там же, л. 106 об.
290. Там же, л. 109.
291. Там же, л. 110 об.
292. Там же, л. 112.
293. Там же, л. 104.
294. Там же, л. 106 об.
295. Там же, л. 109.
296. Там же, л. 110 об.
297. Там же, л. 112.
298. Там же, л. 104.
299. Там же, л. 106 об.
300. Там же, л. 109.
301. Там же, л. 110 об.
302. Там же, л. 104.
303. Там же, л. 106.

304. Там же, л. 109.
305. Там же, л. 110 об.
306. ГАКО, ф. 56, оп. 3, д. 184, л. 249 об. — 250.
307. Там же, л. 266 об. — 268.
308. Там же, л. 268; Е. К. Мягкова (некролог) // Поволжский вестник. 2.07.1916.
309. За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917 — март 1918. Ярославль, 1967, с. 16 (далее — За власть Советов).
310. Бедов П. И. В союзники взяли историю. Кострома, 1993, с. 55 (далее — Бедов П. И. В союзники взяли историю).
311. Церковно-приходская летопись, л. 111.
312. За власть Советов, с. 25.
313. На заводе Пло // Известия Костромского Совета рабочих депутатов. 17.03.1917.
314. Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района, с. 45.
315. Выборы в Костромскую уездную управу // Известия Костромского Совета рабочих депутатов. 23.03.1917.
316. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сборник документов (март 1917 — сентябрь 1918 гг.). Кострома, 1957, с. 125 (далее — Установление Советской власти в Костроме и Костромской области).
317. Орлова Н. Непреклонность // СП. 28.09.1963; Смуrow В. Ян Кульье: штрихи к портрету // СП. 21.10.1989.
318. Приезд бабушки революции в Кострому // Известия Совета рабочих и военных депутатов. 20.04.1917.
319. Списки кандидатов в гласные городской думы // Известия Совета рабочих и военных депутатов. 20.06.1917.
320. Церковно-приходская летопись, л. 111; ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3743, л. 5 об.
321. За власть Советов, с. 88.
322. Куприянов Н. Н. Литературно-художественное наследие, с. 81.
323. Там же, с. 111-112.
324. Там же, с. 113.
325. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии, с. 207.
326. Пожар в с. Селищах // Поволжский вестник. 09.11.1917.
327. Список № 4 кандидатов в члены Учредительного собрания от Костромского отдела РСДРП(б) // Поволжский вестник. 20.10.1917.
328. Революционный трибунал // Советская газета. 3.01.1918.
329. Рабочий контроль и национализация промышленности в Костромской губернии. Сборник документов (1917-1919 гг.). Кострома, 1960, с. 137.
330. Организация советской власти (Коряковская волость, Костромской уезд) // Советская газета. 16 (3).03.1918.
331. Церковно-приходская летопись, л. 111 — 111 об.
332. ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 1120, л. 6.
333. Сынковский И. Богородице-Скорбященская церковь при Костромской губернской земской больнице. Исторический очерк. 1866-1916 гг. Кострома, 1916, с. 17.
334. ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 1120, л. 12.
335. Там же, л. 8.
336. Там же, л. 14.
337. Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района, с. 61.
338. Рабочий контроль и национализация промышленности в Костромской губернии. Сборник документов (1917-1919 гг.). Кострома, 1960, с. 220.
339. Беленогова А. Наше село Селище // СП. 21.10.1995.
340. Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района, с. 51.

341. Там же, с. 50.
342. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. Т. 80, М., 1971, с. 430.
343. Валовой Д., Лапшина Г. Имена на обелиске. М., 1981, с. 5-6.
344. Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района, с. 19.
345. Почему «Рабочий металлист» ослабил свои заботы о школе? // СП. 3.08.1933.
346. Куприянов Н. Я. Селище, с. 118.
347. Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1912 год. Кострома, 1912, с. 284.
348. Там же, с. 286.
349. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, л. 20, л. 78.
350. Первый год советской работы по народному образованию в г. Костроме. 1918-1919 гг. (сборник материалов). Кострома, 1921, с. 327; Беляшина Е. К. Из истории Заволжского района, с. 72.
351. ГАКО, ф. Р-7, оп. 1, л. 596, л. 63.
352. Куприянов Н. Н. Литературно-художественное наследие, с. 70.
353. Там же, с. 92.
354. Там же, с. 87.
355. Краткое жизнеописание А. Г. Мягкова (рукопись) // Архив автора.
356. Там же.
357. Литвин А., Могильнер М. Савинков многолик // Родина. 2001, № 3, с. 66.
358. Там же.
359. Краткое жизнеописание А. Г. Мягкова (рукопись) // Архив автора.
360. Сухарев Ю. Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. М., 2000, кн. 1, с. 329.
361. Карамышев А. На страже Октября // СП. 21.12.1967.
362. Победоносцев П. Эстафета поколений // СП. 31.08.1967; Взгляд в прошлое. Сборник документов (1918-1991 гг.). Кострома, 2000, с. 110 (далее – Взгляд в прошлое).
363. ГАКО, ф. 130, оп. 10, л. 1120, л. 13.
364. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, л. 6179, л. 50.
365. Зонтиков Н. А. Храмы Костромского района // Костромской район: веки истории. Кострома, 2003, с. 133.
366. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, л. 6179, л. 50.
367. Поп, староста и их стадо (с. Селище Костромского уезда) // Красный мир. 31.12.1920.
368. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, М., 1956, с. 707.
369. ГАКО, ф. 56, оп. 11, л. 190, л. 56 об.
370. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 79; Смирнов Ю. Деревня Никольское – родина отца М. Ю. Лермонтова // СП. 20.12.1990; Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993, с. 145.
371. ГАКО, ф. 130, оп. 9, л. 3684, л. 9 об.
372. Костромские епархиальные ведомости. 1894, № 4, ч. неоф., с. 84.
373. ГАКО, ф. 438, оп. 1, л. 1465, л. 1.
374. Там же, л. 7.
375. Там же.
376. ГАКО, ф. 130, оп. 10, л. 108, л. 4.
377. Костромские епархиальные ведомости. 1901, № 12, ч. неоф., с. 365.
378. ГАКО, ф. 130, оп. 9, л. 3729, л. 39.
379. Там же.
380. Костромская жизнь. 27.05.1909.

381. ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3729, л. 36.
382. Просят рабочих // Поволжский вестник. 9.08.1915.
383. Проводы учителя // Поволжский вестник. 31.03.1916.
384. Сытковский И., диакон. Богородице-Скорбященская церковь при Костромской губернской земской больнице. Исторический очерк. 1866-1916 гг. Кострома, 1916, с. 17.
385. Открытие памятника В. С. Соколову. // Поволжский вестник. 18.08.1915.
386. Там же.
387. На призыв // Поволжский вестник. 21.08.1915.
388. ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 108, л. 2.
389. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1915 год. Кострома, 1914, с. 78.
390. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 21.
391. К открытию в Костроме коммерческого училища // Поволжский вестник. 22.10.1917.
392. Открытие коммерческого училища // Поволжский вестник. 4.10.1917.
393. Церковно-приходская летопись, л. 6.
394. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, л. 45 об.
395. Костромской экскаваторный, с. 60.
396. Акт покупки дома от 15 мая 1925 г. // Личный архив Н. Б. Острогской.
397. Куприянов Н. Я. Указ. соч., с. 119.
398. Вся Кострома. Справочник на 1924-25 гг. Кострома, 1924, стб. 69.
399. Воспоминания Ф. И. Навоевой // История библиотеки им. Луначарского. Кострома, 2000 (рукопись).
400. Куприянов Н. Дневники художника. М.-Л., 1937, с. 5.
401. Там же, с. 6.
402. ГАКО, ф. Р-2301, оп. 7, д. 20, л. 78.
403. Там же, л. 80 — 80 об.
404. Селищенский. О бывшей губернаторше, бабке Парасковье и нерадивых комсомольцах // Смена. 15.01.1928.
405. «Культработа» в губернаторском доме // Смена. 22.11.1928.
406. Шпанченко В. Обретение памяти // СП. 16.06.1989.
407. Летунов. Ждут у Волги погоды // СП. 8.12.1929.
408. Рязановский Ф. А. Писатели-костромичи. Н. К. Михайловский // СП. 25.09.1927.
409. Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 21.
410. Справочник по административно-территориальному делению Костромской области (1917-1955 гг.). Кострома, 1955, с. 16.
411. ГАКО, ф. Р-371, оп. 1, д. 383, л. 92.
412. Там же.
413. Там же, л. 92 — 92 об.
414. Литунов К. Культурные учреждения не имеют помещений — возьмём для них церковные здания // СП. 05.01.1929.
415. ГАКО, ф. Р-7, оп. 1, д. 383, л. 100.
416. Там же, л. 101 — 101 об.
417. Там же, л. 101 об. — 104.
418. Ившин цепляется за церковь // СП. 26.11.1929.
419. Справочник по административно-территориальному делению Костромской области (1917-1955 гг.). Кострома, 1955, с. 81, 88.
420. Там же, с. 84.
421. Христос воскрес на час раньше // СП. 9.05.1929.
422. Ватолина Е. А. Воспоминания (рукопись).

423. ГАКО, ф. Р-371, оп. 1, д. 383, л. 93.
424. Там же, л. 96.
425. Там же, л. 91 — 91 об.
426. Там же, л. 90.
427. Там же, л. 86.
428. СП. 4.11.1929.
429. ГАКО, ф. Р-371, оп. 1, д. 383, л. 87 — 87 об.
430. Ившин цепляется за церковь // СП. 26.11.1929.
431. Справочник по административно-территориальному делению Костромской области (1917-1955). Кострома, 1955, с. 109.
432. Попов не принимаем // СП. 4.01.1930.
433. Селище требует // СП. 4.01.1930.
434. Костромской. Церковь под культурный очаг // СП. 26.01.1930.
435. Прохожий. Регент затесался на производство // СП. 1.02.1930.
436. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, л. 45 об.
437. Церковно-приходская летопись, л. 3 об.
438. Колхоз имени полка связи // СП. 19.02.1930.
439. Ватолина Е. А. Воспоминания (рукопись).
440. Разгром «Союза возрождения России»? // СП. 29.01.1992.
441. Взгляд в прошлое, с. 109-110.
442. Ватолина Е. А. Воспоминания (рукопись).
443. СП. 11.04.1931.
444. АОАКР, ф. Р-155, л. 19, л. 1; д. 75, л. 1; д. 76, л. 1
445. Порвал с религией // СП. 6.12.1931.
446. Острогская Н. Б. О моем деле протоиерея Павле Острогском (рукопись) // Архив автора.
447. Там же.
448. Доненко Н., протоиерей. Наследники царства. Симферополь, 2000, с. 326-327, 333-334, 341, 348 (далее — Доненко Н., протоиерей. Указ. соч.).
449. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, л. 1.
450. Там же, л. 51.
451. Там же, л. 66.
452. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, л. 64.
453. Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1, СПб., 1993, с. VII.
454. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186, л. 4; Голубцов С. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999, с. 71-73.
455. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, л. 67.
456. Архивная справка УФСБ РФ по Новосибирской области от 12 марта 2002 г. (предоставлена внучкой о. Павла Острогского Н. Б. Острогской).
457. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, л. 47.
458. Острогская Н. Б. Мой дед протоиерей Павел Острогский (рукопись) // Архив автора.
459. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6179, л. 51.
460. Там же, л. 53.
461. Там же, л. 125.
462. Там же, л. 38.
463. Там же, л. 67.
464. Там же, л. 50-53.
465. Конкретными делами отметить перевыборную кампанию Советов. В Селище, Опалиху, Ребровку — культуру, свет, чистоту // СП. 15.10.1934.

466. Селище должно стать культурным // СП. 21.10.1934.
467. Селище продолжает тонуть во тьме // СП. 6.11.1934.
468. Костромской день // СП. 6.02.1935.
469. ГАКО, ф. Р-2122, оп. 6, д. 564, л. 1.
470. Из семейного архива Н. Б. Острогской.
471. Архив Костромской епархии. Дело Александро-Антониновской церкви, т. VIII, ч. 2; Вечная память // Благовест, № 1 (33), январь 1997 г.
472. Бедов П. И. В союзники взяли историю, с. 108-109.
473. Взгляд в прошлое, с. 110.
474. Там же, с. 108-109.
475. Там же, с. 106-107.
476. Там же, с. 105.
477. Смуров В. За отсутствием состава преступления. Новые материалы о чекисте Я. К. Кульпе // СП. 23.01.1990.
478. Доненко Н., протоиерей. Указ. соч., с. 354.
479. Вечная память! // Благовест. № 1 (11), январь 1991 г.
480. Семейный архив Н. Б. Острогской.
481. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, ед. хр. 6186, л. 46.
482. Там же, л. 48.
483. Голубцов С. Указ. соч., с. 79.
484. Хрящев В., Кузнецов В. Заволжье // СП. 25.06.1938.
485. Шаров А. Антирелигиозная пропаганда в Заволжском районе. // СП. 21.05.1940.
486. Зонтиков Н. А. Церковь пророка Божия Или на Городище в Костроме. К 350-летию возведения в камне. 1652 – 2002 гг. Кострома, 2003, с. 70-71 (далее – Зонтиков Н. А. Церковь пророка Божия Или на Городище в Костроме).
487. ГАКО, ф. Р-884, оп. 3, л. 1.
488. Бедов П. И. В союзники взяли историю, с. 63.
489. Болотова Н. Война коснулась каждого // Димитровскому району – 50 лет (спецвыпуск 1989 года)
490. Книга памяти. Т. 1, Ярославль, 1994, с. 166 (далее – Книга памяти. Т.1).
491. Там же, с. 359.
492. Там же, с. 124.
493. Там же, с. 124-125.
494. АОАКР, ф. 205, оп. 3, д. 2.
495. Книга памяти. Т. 1, с. 386-535.
496. Бедов П. И. В союзники взяли историю, с. 78-81.
497. Зонтиков Н. А. Церковь пророка Божия Или на Городище в Костроме, с. 56-58, 77-78.
498. Степанова М. Все время хотелось наесться досьта // СП. 27.07.2005.
499. Там же.
500. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1, г. Кострома, ч. 3, Кострома, 1998, с. 106.
501. Вечная память почившим // Журнал Московской Патриархии. 1973, № 5, с. 30.
502. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 563, л. 22 – 22 об.
503. Обновленческий раскол // Материалы по истории Церкви. Кн. 27, М., 2002, с. 741.
504. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 654, л. 15.
505. Успенская Л. А. Воспоминания (рукопись) // Архив автора.
506. Там же.
507. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 5, д. 44, л. 2.
508. Там же, ф. Р-2102, оп. 6, д. 564, л. 4 – 4 об.
509. Там же, л. 4.

510. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 5, д. 44, л. 26.
511. Там же, л. 2.
512. Выборы в Учредительное собрание // Известия Костромского губернского уездного земства. 29.10.1917, с. 7.
513. Улицы Костромы. Справочник. Ярославль, 1989, с. 27.
514. М. В. Задорин (некролог) // СП. 30.11.1962.
515. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 564, л. 6.
516. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 578, л. 1.
517. Викторов В. По существу одного вопроса // СП. 27.12.1962.
518. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 578, л. 14.
519. Там же, л. 11.
520. Там же.
521. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 564, л. 9.
522. Там же, л. 13 об.
523. Там же, л. 14.
524. Вечная память почившим // Журнал Московской Патриархии. 1973, № 5, с. 30.
525. Ветошкина Н. Б. Воспоминания о моем отце (рукопись) // Архив автора (далее – Ветошкина Н. Б. Воспоминания о моем отце).
526. Ветошкина Н. Б. Воспоминания о моем отце.
527. Там же.
528. ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 523, л. 1 – 1 об.
529. Ветошкина Н. Б. Воспоминания о моем отце.
530. Там же.
531. Письмо А. А. Григорова Ю. Б. Шмарову от 27.04.1981 г. // Архив автора.
532. Письмо А. А. Григорова М. П. Римской-Корсаковой от 15.05.1987 г. // Архив автора.
533. Архив Костромской епархии. Дело о. Бориса Втюрина.
534. Ярешко А. С. Колокольные звоны России. М., 1992, с. 76.
535. Архив Костромской епархии. Дело Ильинской церкви.
536. Морозов Г. И зазвонят над Костромой колокола // Молодой ленинец. 30.06.1990.
537. Зензинов А. Дожили и дождались // СП. 01.09.1990.
538. Афанасов А. Спасибо тебе, третий Спас! // Молодой ленинец. 1.09.1990.
539. Негорюхин Б. «Вера без дел мертва...» Пребывание Патриарха всея Руси Алексия II в Костроме // СП. 12.05.1993.
540. Шастин В., протоиерей. Вечная память // Благовест. № 5 (55), май 2000 г.
541. Там же.
542. Вечная память // Благовест. № 4 (65), апрель 2001 г.
543. Дорога к храму // СП. 20.06.2003.
544. Крестный ход в Селище // СП. 25.06.2004.
545. Книга памяти. Т. I, с. 293.
546. Кольцова А. За други своя... // СП. 23.06.2005; Открытие памятника // Селище. Газета территориального органа местного самоуправления «Селище». 28.11.2005.
547. Голятин С. Дед Мороз едва не остался без сладкого // СП. 29.12.2005.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АОАКР – Архивный отдел Администрации Костромского района

ГАКО – Государственный архив Костромской области

ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области

СП – газета «Северная правда»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Храм — звено, ступенька между веками прошлого и глубиной будущего, дорога к вечности. Если использовать слова о. Павла Флоренского, относящиеся к иконе, то можно, в большей степени и о храме сказать, что храм — окно в Небо. Архитектурное устройство православного храма, церковная музыка, продуманное расположение образов в иконостасе, само чинопоследование богослужения, исполнено величайшего смысла и настраивают душу на Небесное. Все наши чувства; зрение, слух, обоняние, вкус, осязание по иному живут и проявляют себя в Доме Божиим. Душа пришедшего в храм православного человека с радостью и трепетом ожидает встречи с Господом, через молитвы и таинства питается благодатью Святого Духа, всегда живущего в Доме Божиим. Без сомнения именно таким, благодатным местом является храм святых мучеников Александра и Антонины Римских, построенном в Селище на правом берегу реки Волги, ныне вошедшего в число городских храмов, древнего города Костромы.

Первое, возможно главное, что нужно сказать о нашем храме это то, что он за все века своего существования никогда, даже на малый срок, не закрывался. В безбожные десятилетия минувшего века он являлся форпостом православия в Заволжском районе богохранимого Костромского края.

Наш храм является единственным в России, посвященным римским мученикам Александру и Антонине. Его история, о которой интересно рассказано в этой книге, уходит в глубь веков. Приход бережно сохранил дивное здание церкви и многие старые традиции, в настоящее время он является одним из самых активных и ярких православных приходов на боголюбимой Костромской земле.

В настоящее время вместе со мною настоятелем храма, благочинным Заволжского округа г. Костромы протоиереем Игорем Шанковым, несут свои священнические послушания иерей Андрей Зотов и диакон Владимир Москалев. Это грамотные, молодые сослужители, и помощники не только в богослужениях, но и во всех внебогослужебных и приходских делах.

Трудно перечислить всё, чем живёт Александро-Антониновский приход в наши дни. Вот лишь некоторые наиболее яркие странички православной, современной жизни.

По благословению Владыки Александра каждое лето, начиная с 2001 года, при нашем храме работает детско-юношеский православ-

*Лето 2007 года. Диакон храма Владимир Москалев
с членами селищенского приходского экологического отряда*

ный экологический лагерь. За лето в течение двух смен в нем трудятся и отдыхают 50-60 подростков. Храмовая территория вместе с постройками занимает почти полтора гектара, и большая часть её составляет древнее селищенское кладбище. Ребята занимаются расчисткой погоста, ремонтом крестов, уборкой заброшенных могил. Утро в лагере начинается с общей молитвы в храме, на которой прочитывается глава Евангелия. Обычно мы читаем Евангелие от Марка. Оно самое короткое в Четвероевангелии и мы успеваем полностью его прочитывать за лагерную смену. Это Евангелие написано святым евангелистом Марком в свое время для язычников, которые ничего не знали о Боге-Творце, о Господе нашем Иисусу Христе. По современному светскому воспитанию и дома и в школе, большинство детей также почти ничего не знают о той православной вере, в которую почти все крещены своими, часто светскими, родителями. Небольшой комментарий, толкование притчи помогает детям увидеть глубину духовного и нравственного содержания Текста, почувствовать любовь Божественного Учителя-Христа к каждому человеку,

в том числе и к собственной личности. Чтение и знание Евангельских текстов питает душу, укореняет справедливость и нравственность, дает основание в будущем для формирования личности каждого православного гражданина нашего Отечества.

С детьми из лагеря мы совершаем паломнические поездки по храмам и монастырям Костромы и Костромской области. Иногда делаем и «дальние» поездки: например — к святыням Ярославля, молились в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Приход много лет окормляет областной детский реабилитационный центр с приютом «Добрый дом» (директор Логинова М. В.). Священники помогают воспитывать «трудных» детей, которые по разным причинам, чаще всего семейным, оказались в критическом положении.

На попечении прихода находится центр социального обслуживания Заволжского района. Пенсионеры и инвалиды, которых обслуживает центр, регулярно встречаются со священнослужителями Александро-Антониновской церкви.

Доброй традицией стало проведение уроков, классных часов, тематических бесед селищенскими священнослужителями в школах Заволжского района города. В связи с введением преподавания в школах Костромы и Костромской области родиноведческого предмета «Истоки», священники не только консультируют учителей в церковных и исторических вопросах, но и сами проводят уроки по этому предмету.

Готовясь к юбилею храма в 2004 году, 225-летию начала возведения его в камне, приход провел ряд мероприятий. Состоялась научно-практическая конференция «Селище, страницы истории», были выпущены красочный буклет и юбилейный календарь, вышел в свет праздничный номер приходской газеты «Духовный собеседник». Юбилей широко освещали средства массовой информации — газеты, радио, телевидение. В подготовке к юбилею храма активную помощь оказывали ребята из приходского экологического лагеря — студенты костромских вузов.

Безусловно, одним из главных событий приходской жизни стало перенесение в 2006 году останков настоятеля храма в 1935-1964 годах, игумена Игнатия (Костина; 1870 — 1971 гг.) с городского кладбища в ограду храма. От себя хочу заметить, что это перезахоронение явилось общим желанием наших прихожан. Люди старшего поколения, лично знавшие протоиерея Иоанна Костина (монашество с

22 июня 2006 года.

Перезахоронение останков игумена Игнатия (о. Иоанна Костина)

23 июня 2006 года.

Владыка Александр совершает литию на могиле игумена Игнатия

именем Игнатий отец Иоани принял незадолго перед смертью), всегда вспоминают о нем очень тепло. Отцу Иоанну Господь судил управлять приходом в трудное богоборческое время. Люди старшего поколения помнят его жертвенное служение и удивительную доброту. Рассказывают, что в голодные военные и послевоенные годы, им, тогда еще младенцам, отец Иоани при встрече на улице всегда давал сахарок, конфетку или просфорочку.

Одну такую историю об о. Иоанне я услышал пару лет тому назад. Имя рассказчицы я не запомнил и живет она сейчас не в Костроме, но услышанное запало мне в сердце.

Шла Великая Отечественная война. Отца многодетного семейства убили на фронте. Мать тяжело болела, из последних сил пыталась работать, но надорвалась и слегла в постель. Больную навещал о. Иоани, причащал её, всем семейством они слезно молились о её выздоровлении. Всегда после посещения о. Иоанна в доме появлялись деньги и продукты питания. Батюшка оказывал не только духовную помощь, но и материальную. Болящим и обездоленным он раздавал свои последние деньги, делился с ними своим дневным пропитанием. Семья этой женщины выжила вся!

Ранним утром 21 июня 2006 года небольшая группа людей отправилась на городское кладбище. Получив благословение Владыки, мы, помолившись, раскопали место захоронения о. Иоанна. В этом добром деле нам помогал настоятель церкви святого апостола Иоанна Богослова, что в Ипатьевской слободе г. Костромы игумен Дмитрий Нетёсин. По человеческому разумению мы готовы были почувствовать из открытой могилы неприятный запах. Но ничего подобного не было! Наоборот, те, кто, откапывая могилу, находились внизу, чувствовали легкое благоухание, «похожее на аромат цветов», «так пахнет Плащаница, когда её выносят в Великую пятницу», — так сказал один из копавших! Гроб, с останками о. Иоанна был внесен в храм.

На следующий день, 22 июня, духовенство и прихожане храма отслужили панихиду по о. Иоанну. Богослужение возглавил настоятель Ильинской церкви г. Костромы протоиерей Виталий Шастин. Затем останки были торжественно погребены за алтарем Александрo-Антониновского придела. Первую заупокойную литию на вновь сооруженной могиле игумена Игнатия (Костина) во время крестного хода вокруг храма, завершившего торжества Престольного праздника, совершил Владыка Александр. Отрадно видеть, как прихожане часто перед службой в храме заходят помолиться на могилки к «дорогим батюшкам» — к отцу протонерею Борису Втиорнну и игумену Игнатию (о. Иоанну Костину).

Наш храм один из немногих, где сохранились прежние, ещё до-революционные традиции проведения Престольных праздников. В село, в котором был храм-имениник, стекались не только местные прихожане, но и жители других сёл и деревень. После обязательного участия в богослужении ходили в гости к родственникам, друзьям и знакомым, покупали товары на местной ярмарке. Вечером проходили «гуляния». Старожилы рассказывают, как по главной улице, на которой стоит храм, с песнями под гармошку нескончаемым потоком лилась народная толпа. Так и ныне 23 июня — особый день в жизни Селища. Центром праздника всегда, даже в самое богоборческое время, был и остаётся храм. После божественной литургии в Александро-Антониновской церкви, рядом, в старинной липовой роще, посаженной ещё местными купцами, проводятся концерты, конкурсы, отмечаются юбилеи, раздаются памятные сувениры.

Сохраняя память о наших предках, в 2004 было принято решение об увековечении памяти воинов, жителей Селища, погибших во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На заседании территориального органа самоуправления «Селище» (ТОС) под председательством Татьяны Александровны Кудряшовой, она является депутатом городской думы, было предложено изготовить и установить памятник, посвященный 60-летию Великой победы. Все Селище сердцем отозвалось на эту добрую инициативу. Председатели уличных комитетов и инициативная группа обошли буквально все дома Селища и близлежащего поселка Козелина, переписывая имена погибших воинов и собирая пожертвования на памятник. Имен воинов-селищенцев набралось так много, что высекать их пришлось с обеих сторон мраморных плит.

Освящал монумент накануне Престольного праздника 22 июня 2005 года, в годовщину начала Великой Отечественной войны, благочинный храмов г. Костромы протоиерей Валерий Бунтеев. Добрые слова благодарности строителям произнесли И. В. Переверзева, глава администрации города и селищенские старожилы.

Не случайно, что место для памятника было выбрано в ограде храма, а не как обычно, где-то в центре поселка, возле клуба. Старожилы Селища чтят место на храмовом погосте, где, как они уверяют, под большим могильным холмом, увенчанным крестом, покоятся останки воинов, умерших от ранений. Этих воинов не успели довести до костромских госпиталей, находившихся на левом берегу Волги. В те военные годы летом через реку ходил паром, зимой ездили по льду, предварительно намораживая его до нужной толщины. Та-

22 июня 2005 года. Освящение воинского мемориала селищенцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны

кая ледовая переправа была способна выдерживать не только гужевой транспорт, но и любую технику, включая даже и колхозные трактора на гусеничном ходу. Когда осенью лед еще был тонким, или весной, когда он становился опасно хрупким, тогда не было связи между правым и левым берегом. В этих случаях раненых расквартировывали в селениях на правом берегу, в том числе и в Селище. Умерших от ран хоронили в братских могилах. Такие могилы есть и на нашем приходском кладбище. Василий Николаевич Яблоков, ветеран войны и труда, старожил Селища, рассказывал мне, как однажды поздней осенью в октябре-ноябре 1943 года он рано утром шел на работу на завод «Рабочий металлист». В темноте видит, что второй или третий проем восточной ограды храма открыт, кованая решетка снята. Едет подвода, а на телеге лежат несколько трупов, причем так, даже без гробов, лишь прикрытых шинелями. Их похоронили здесь же, сразу за оградой, в общей могиле. Еще Василий Николаевич вспоминает, что многие рабочие «трудового фронта», работавшие на «Рабочем металлисте», от непомерного труда, плохого питания, болезней, живя в бараках-общежитиях, умирали постоянно. Ближайшим кладбищем, где хоронили почивших, было Селищенское.

*Мемориал открыт. Выступает председатель
Совета территориального органа самоуправления «Селище»,
депутат Костромской городской Думы Т. А. Кудряшова*

Но хочется отметить одну примечательность селищенского праздника. По благословению Владыки Александра в 2003 году возродилась дореволюционная традиция принесения на Престольный праздник главной святыни Костромской земли, Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Чудотворный образ вносится в храм по дороге густо усыпанной сиреневыми, синими и голубыми цветами — люпинами. Удивительное торжественное зрелище!

В 2008 году, по благословению архиепископа Александра, наш храм принял ещё одну святыню — это список со знаменитой Игрицкой-Смоленской иконы Божией Матери. Сам Игрицкий образ Пресвятой Богородицы был украден в послевоенное время из Воскресенской церкви села Любовниково, где он пребывал после закрытия и разорения Игрицкого Песоченского монастыря. Эта икона нами помещена в новый замечательный киот, специально для неё изготовленный, украшенный резьбой с позолотой (киот подарен Алексеем Александровичем Метельковым). Список с Игрицкой иконы написан, предположительно, в начале XIX века. Ценность его в том, что это единственное сохранившееся точное изображение Игрицкой ико-

*Март 2008 года. Костромское епархиальное управление.
Архиепископ Александр передает настоятелю
Александро-Антониновской церкви о. Игорю Шашкову
список чудотворной Игрицкой иконы Божией Матери*

ны, «мера-в-меру». Образ также двухсторонний, на обратной стороне изображен святитель Николай Чудотворец. Впрочем, этот список тоже почитается народом божьим как чудотворный. Образ помещался в киот на место Игрицкой иконы Богородицы, когда та совершала свои путешествия — крестные ходы по костромской земле.

История Русской Православной церкви — это история Отечества. В этой многовековой книге много страниц и трагических и славных. Из глубины веков, и из недавнего, ещё не забытого времени, как из сегодняшнего дня, смотрят на нас живые глаза неравнодушных людей — свидетелей, участников исторических событий жизни Отечества.

*Внучка о. Павла Острогского — Нина Борисовна Острогская.
Фото А. Н. Сыромятникова. 2004 г.*

В нашем приходе есть «потомственные династии» прихожан — ревнителей православного благочестия. Хочется отметить некоторых из них, начав с семьи Втюриных. Митрофорный протоиерей Борис Втюрин (1939-2000 гг.) с 1977 по 2000 год возглавлял приход Селищенской церкви. Всегда рядом с ним была его супруга — матушка Лидия Михайловна. Она добрый, общительный человек, отменно знающий церковный устав, много лет является бессменным псаломщиком. Её ревностное служение было отмечено патриаршими и архиерейскими наградами. Являясь прихожанами нашего храма, сын о. Бориса Евгений Втюрин и его супруга Татьяна родившуюся дочь называли в честь покровительницы храма — Антониной. На престольный праздник 2009 года в память об отце Евгений подарил в храм изящную металлическую решётку на солею главного придела.

С детских лет прихожанкой, а ныне активной труженицей храма является Нина Борисовна Острогская — внучка протоиерея Павла Феодоровича Острогского, настоятеля Александро-Антониновского храма в 1921-1934 годах, расстрелянного в 1937 году. Нина Борисовна, как диаконисы первых веков христианства, помогает в подготовке и проведении таинства крещения. Кроме того, она ухаживает за тяжелоболящими, оказывая им христианское милосердие и действительную помощь. Таких людей на нашем приходе не единицы и некоторых из них хочу назвать; это — В. Д. Корякина, М. П. Соловьева, Н. А. Каравайкова, Е. И. Рябинцева, Л. А. Машерина и многие другие.

Нельзя не сказать добрые слова о семействе Козыревых. Владимир Алексеевич много лет алтарничает в храме, до пенсии трудился на «Рабочем металлисте», ветеран труда. Его супруга Надежда Васильевна, почетный учитель, выполняет клиросные послушания, а дочь Лариса поет в приходском хоре. Андрей и Герман, дети Ларисы, помогают своему деду.

Особое слово хочется сказать еще об одной бывшей прихожанке — Марине Гутерман. Она любила Селищенский храм, участвовала в танцевальных, но её земная жизнь трагически пресеклась. Марина погибла в автокатастрофе в сентябре 2005 года. Ей было 19 лет. Для молитвенной памяти дочери её родители Аркадий Леонидович и Елена Альбертовна в Александро-Антониновский придел подарили резное позолоченное облачение на престол. Для помощи несчастным обездоленным людям семья Гутерман создали Благотворительный фонд. Фонд помогает также и тем, кто попал в наркотическую зависимость, его реквизиты указаны в конце книги.

*Марина Гутерман.
Прихожанка храма,
погибшая в автокатастрофе
в 2005 году*

*Родители Марины —
А. Л. и Е. А. Гутерман.
Панихида по дочери
в Александро-Антониновской
церкви*

Ветераном церковной службы была Екатерина Никитична Забываева (почила в 2006 году, похоронена в ограде храма). В трудные для церкви годы она была бессменной церковной старостой в течение 40 лет! За усердное служение Екатерина Никитична была награждена многими Патриаршими и Архиерейскими наградами. Продолжая родовые традиции, сегодня послушание казначея выполняет её племянница Анна Николаевна Малышева.

На нашем приходе есть Александр и Антонина Барабушка — супруги из Москвы. Узнавшие из интернета, что есть храм, посвященный их небесным покровителям, они стали добрыми членами и помощниками общины храма.

В настоящее время регентом приходского хора является матушка Ирина Петровна Шашкова, а дети Глеб, Ваня и Алеша алтарничают в воскресные дни.

Неоднократно поднимаемый вопрос о приобретении колоколов для звонницы храма получил своё разрешение летом 2007 года. После проведения праздничного богослужения Престольного праздника 23 июня, подводя итоги выполненных работ, община храма обратилась за благословением к Владыке Александру на собирания средств для приобретения «благовеста» — главного колокола, вместо сброшенного и разбитого в страшные богоборческие годы.

Колокольный звон, по милости Божией, звучал со звонницы Селищенского храма уже в 90-х годах прошлого века. Это звучали старые, дореволюционные колокола, собранные игуменом Игнатием (о. Иоанном Костиным). Самым большим из них был шестипудовый (почти 100 кг), отлитый на заводе Бакулева. В 1990 году по благословению Владыки Александра приход приобрёл кампан (древнее церковное название колокола) весом 220 килограмм, отлитый на одном из заводов г. Воронежа.

Колокола, в количестве 5 штук с тех пор регулярно благовествовали, пробуждая народ к молитве. Но музыкальным и даже благозвучным этот звон трудно было назвать. Дело в том, что любой колокол имеет свой основной тон и целую гамму обертонов. На звук колокола оказывает влияние и состав компонентов колокольной бронзы, и форма колокола, и толщина стенок, и, конечно же, размер колокола. Опытные литейщики, изготавливая кампаны, могут получить чистый звук, например — «до», или «ми». Наши колокольчики выбивали ритм, но аккорда, созвучия не было, потому, как они были случайны собраны вместе.

Усердно помолвившись, приход стал искать благодетелей, кто смог бы оплатить полутораметровый благовест весом около двух тонн (125 пудов). На фотографиях 20-х годов минувшего столетия видно, что на колокольне в западной арке звонарного яруса висел колокол именно такого размера.

Первым, кто откликнулся на нашу просьбу, был заместитель полномочного представителя Президента России в Центральном федеральном округе Сергей Николаевич Самойлов. Сергей Николаевич был крещен в Александро-Антониновском храме, и, несмотря на то, что сейчас живет в Москве, считает себя его прихожанином. Бывая в Костроме, он всегда посещает нашу церковь как место своего духовного рождения. Большую помощь и сердечное участие оказал Владимир Ильич Жигулин, и по жизни во всё помощник Сергея Николаевича. С. Н. Самойлов помог не только организовать финансирование проекта, но, обратившись к специалистам, провел большую работу по изучению того, кто, где, и как сейчас в России занимается изготовлением колоколов.

Прочитав рекламные проспекты трудно принять правильное решение и оценить качество литья колоколов. Поэтому мы, участники этого проекта, обратились к тем звонарям, опытным специалистам, которые имеют многолетний опыт, видели, и, самое главное слышали подборы колоколов, отлитых на разных заводах.

Многие колоколотейные заводы уже «переболели» болезнями роста, накопили должный опыт в изготовлении доброзвучных campanов. Одним из лучших заводов, на который и пал наш выбор, стал завод «Вера» в г. Воронеже, возглавляемый Валерием Николаевичем Анисимовым. Именно в стенах этого производства в 2005 году была изготовлена звонница для Валаамского монастыря, большой колокол которой весит 875 пудов (14 тонн), а в 2006 году там же были отлиты 22 колокола для Соловецкого монастыря общим весом 32 тонны. Завод В. Н. Анисимова в 2007 году блестяще справился с задачей отливки копии колоколов для звонницы Данилова монастыря, увезенной в 1930 году в Америку, в Гарвард.

Американцы согласились вернуть на историческую родину (в Россию) колокола с тем условием, что им в точности скопируют возвращаемые колокола. Общий вес этой звонницы 26 тонн, большой колокол — 14 тонн. Интересно, что руководство Гарвардского университета специально приехало в Россию и, посетив, пять лучших колоколотейных заводов выбрало именно завод Анисимова. Когда вся уни-

2007 год. Почетный гость и прихожанин храма – Заместитель Полномочного представителя Президента России в Центральном федеральном округе С. Н. Самойлов.

На снимке слева направо: о. Игорь Шашков, С. Н. Самойлов, его супруга Л. А. Самойлова, его помощник В. И. Жегулин

кальная звонница была изготовлена и освящена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, Предстоятель Русской Православной Церкви сказал: «Колокола, не уступая, а в чем-то и превосходя исторические оригиналы по качеству литья, красоте декоративных изображений, по сложности звучания, являются достойной заменой Даниловскому Ансамблю. Без преувеличения их можно назвать лучшими в церковном искусстве современности». Такая высокая оценка трудов колоколотейного завода «Вера» для нас явилась весомым аргументом в выборе производства, где будет отливаться звонница для селищенского храма.

После переговоров С. Н. Самойлова с В. Н. Анисимовым было принято решение изготовить не только 125-пудовый благовест, но и все остальные колокола, весь подбор, чтобы они оказались настроенными музыкально. Основная тональность подбора колоколов нашей звонницы – «ми-минор». В подбор включен колокол с нотой «ре» (150 кг) для придания звучанию всего аккорда ма-

*Воронежский завод «Вера». Изготавливается восковая заготовка
большого колокола для Александрo-Антониновского храма.
Фото М. Анисимовой*

жорного поклонения. Колокола 3 и 5 кг в сочетании с колоколами 7 и 18 кг позволяют звонарю варьировать зазвонную группу подбора, используя в звоне по желанию «двойку», «тройку», или «четверку» колоколов. Общий вес всего подбора колоколов звонницы 4005 кг.

Большую помощь в организации работ оказал Сергей Аркадьевич Верещагин. Он не только участвовал в договорном процессе с заводом «Вера», но и вместе с нами принимал участие в консультациях по вопросам декоративной отделки колоколов. Принимались решения, где и какие изображения святых будут украшать колокола звонницы Александрo-Антониновской церкви.

Весьма важно, что этот подбор колоколов уникален. Впервые на барельефах, изображены многие навомученики и исповедники Российские, а также — святые Костромского края покровители.

Вот барельефы и имена святых, кто по благословению Владыки Александра изображен на колоколах Селищенской звонницы: икона «Собор Костромских святых»; образ преподобного Сергия Радонежского, «печальника земли Русской»; икона свв. мучеников Александра и Антонины, святых, в честь которых освящен главный Алтарь храма; святые Царственные страстотерпцы — царь Николай, царица Александра, цесаревич Алексей, царевны Ольга, Татиана, Мария, Анастасия, особо чтимые в Костроме. Кострома всегда именовалась «царственным городом», «колыбелью дома Романовых»; святая преподобномученица Великая княгиня Елисавета; святой великомученик и Победоносец Георгий — имя которого носит правый зимний придел нашего храма; святой великомученик Феодор Стратилат — покровитель града Костромы; священномученик архиепископ Никодим (Кротков) — Костромской Предстоятель, замученный в 1938 году в Ярославской тюрьме «Коровники»; священномученик Макарий (Кармазин), епископ Уманский — друг и соратник Владыки Никодима, живший в Селище и молившийся в Александрo-Антониновской церкви в 1933-1934 годах; священномученик Димитрий (Добросердов), архиепископ Можайский, возглавлявший Костромскую кафедру в 1930-1932 годах; святитель Василий (Преображенский), епископ Кинешемский; священномученик протоиерей Павел Острогский, настоятель Александрo-Антониновской церкви; священномученик иерей Василий Разумов, Сыпановский, Нерехтский; Солигаличские новомученики; пророк Илия — ему посвящен левый придел нашего храма; преподобный Серафим Саровский; преподобный Макарий Унженский и Желтоводский; преподобный Геннадий Костромской и Люблимоградский; преподобный Тимон Надеевский, друг и ученик

преподобного Серафима Саровского; преподобный Авраамий Галичский и Чухломской; преподобный Иаков Железоборовский; преподобный Пахомий Нерехтский; преподобный Паисий Галичский; преподобный Тихон Луховский; свв. страстотерпцы князя Борис и Глеб; св. страстотерпец Игорь, князь Черниговский; св. праведный Иоанн Кронштадский.

Колокола, где изображены новомученики, украшены орнаментальным терновым венцом. И это неслучайно. Звонница посвящена 70-летней годовщине самых массовых в истории церкви гонений 1937-1938 годов.

И ещё одна дата имеет место быть изображенной на кампанах Седлиценской церкви, — это 50-летний знак юбилейного года предстоятеля Костромской епархии архиепископа Александра. Год 2007-й — начало работы по изготовлению колоколов для звонницы нашего храма. Этот год является золотым юбилеем нашего Владыки — 50-летия со дня рождения, и потому на всех колоколах в епископском знаке вписана монограмма с цифрой «50».

В день Престольного праздника, 23 июня 2008 года, при стечении множества прихожан и гостей нашего прихода, после Крестного хода архиепископ Александр освятил весь набор кампанов, накануне привезенных из Воронежа. После освящения колоколов священнослужители и прихожане храма, костромское духовенство и гости, прибывшие на праздник, сфотографировались с архиепископом Костромским и Галичским Александром возле установленных на помосте колоколов.

Непростой оказалась задача развеса колоколов на звоннице храма. Пришлось менять старые прогнившие балки в арках звона и производить вычинку стен колокольни. Все деревянные конструкции колокольни заменили на новые, металлические. После завершения ремонта колокольни на нижнем ярусе, закрытом от снега и дождя новыми щитами-вставками мы разместили четырехметровые иконы. Это ростовые изображения святых, покровителей нашего храма; св. мученики Александра и Антонина, великомученик Георгий Победоносец, пророк Божий Илия. В темное время суток эти иконы подвешены прожекторами.

Нашему храму в 2008 году исполнилось 222 года (1786 — 2008 гг.), в связи с чем приход изготовил и тиражировал храмовую икону свв. мучеников Александра и Антонины, которой доселе не существовало. Теперь каждый желающий может иметь у себя чтимый образ.

23 июня 2008 года.

*Новый набор колоколов для звонницы храма готов к освящению.
Фото М. А. Комарова*

23 июня 2008 года.

*Архиепископ Костромской и Галичский Александр
освящает новые колокола.
Фото М. А. Комарова*

*После освящения колоколов. Фотография на память.
Фото М. А. Комарова*

По поводу радостного события приобретения приходом 12 новых колоколов для звонницы храма, вышел фильм об Александро-Антониновском храме. Снятый операторами Иваном и Андреем Куликовыми, под руководством режиссера Татьяны Михайловой, с участием опытного оператора Юрия Михайловича Опельянца, фильм рассказывает об удивительной многовековой истории Александро-Антониновского прихода и села Селища.

В каждом храме есть синодик, где вписаны имена служащих и почивших священнослужителей и благодетелей прихода. Есть такой и в Александро-Антониновской церкви. Кроме вышеназванных ктиторов (церковное именование благодетелей) мы молимся за Сергея и Людмилу Самойловых, Александра Клещева, Сергея Выборнова, Валерия Ковшина, Анастасию Оситис, Андрея Балуева, Владимира Гладкова, Михаила Черникова, Сергея Матюгина, Евгения Ярославского, Аркадия Гутермана, Максима Кубылькина, Сергея Тимонина, Игнатьеву Ирину, Михаила и Елену Комаровых, Андрея Лутченкова, Алексея Метелькова, Николая и Надежду Дмитриевых, Александра Оверочкина.

Мы благодарим за помощь в организации издания книги Михалевых Александра и Анну. Выражаем признательность краеведу, литератору Александру Ивановичу Смирнову за участие в жизни прихода.

В ночь с 6 на 7 января 2010 года в жизни прихода случилось важное событие — наш храм посетил Председатель Правительства России Владимир Путин. Следуя многолетней традиции, Владимир Владимирович в праздничные Рождественские богослужения молится не в столичных соборах, а в небольших приходских храмах. В нашей церкви Владимир Путин молился во время ночной Рождественской службы, прибыв к началу Праздничной литургии в сопровождении губернатора Костромской области Игоря Николаевича Слюняева.

Готовясь к празднику, нам особенно важно и приятно было узнать, что визит высокого гостя не изменит привычного хода службы и, значит, никак не повлияет на молитвенный настрой общины. По словам Владимира Владимировича Путина, братская приходская атмосфера и пение хора ему очень понравились. По окончании богослужения глава Правительства подарил храму аналойную икону святого пророка Божия Илии. В свою очередь, от прихода мы преподнесли ему Рождественский подарок — икону покровителей церкви в Селище святых мучеников Александра и Антонины.

Во время краткой беседы с Владимиром Владимировичем Путиным я рассказал ему историю храма, чем сегодня живет наш приход, какие планы мы строим, по благословению архиепископа Костромского и Галичского Александра, на ближайшее будущее.

Молясь Рождественской ночью Богу «единым сердцем и едиными устами», стоя плечом к плечу, мы ощущали не разделение на «власти и народ», а единство. И в памяти многократно звучали слова молитвенника земли Русской преподобного Сергия Радонежского: «Единением и любовью спасемся».

Книга, которую Вы, дорогой читатель, держите сейчас в руках, была задумана еще несколько лет назад. Составлена она историком Н. А. Зонтиковым. Благодаря его труду мы имеем возможность не просто получить интересную информацию, но ощутить себя участником многих описываемых событий. В судьбе Александро-Аптониновской церкви, истории которой посвящена книга, как в капле воды отражается история нашего Отечества, нашей Православной Церкви, Храм, стоящий в древнем селе Селище Заволжского района города Костромы, вновь, как и в былые времена, занимает достойное место не только как архитектурная доминанта, но, прежде всего, как духовный стержень живущего здесь православного народа.

*Настоятель Александро-Антониновской церкви
протоиерей Игорь Шашков*

*На колокольне храма
во время святок*

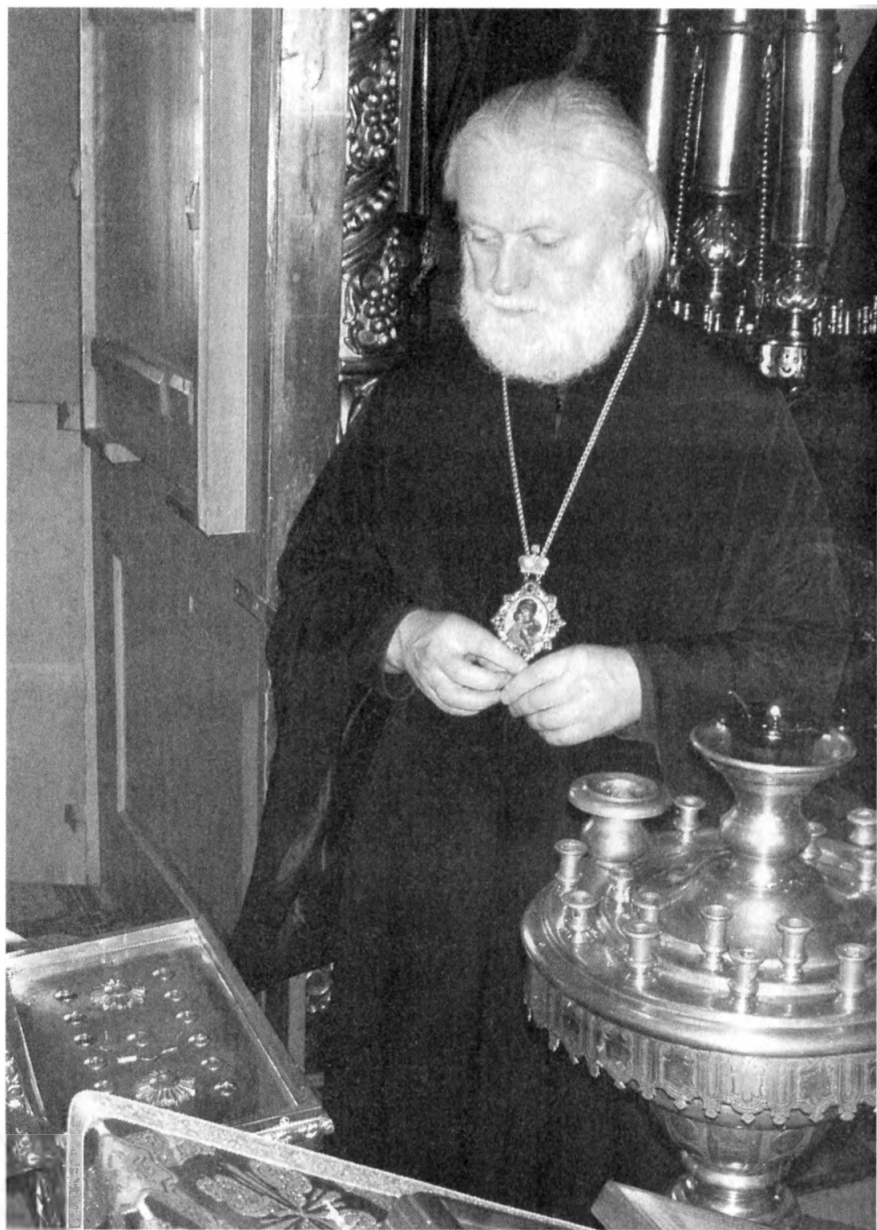
*Участники Рождественских встреч
в селищенском доме культуры*

*Отец Игорь с детьми областного детского
реабилитационного центра*

*Участники Рождественского спектакля
в воскресной школе*

*Гость храма – архиепископ Верейский Евгений (Решетников),
викарий Московской епархии,
ректор Московских духовных академии и семинарии*

*Гость храма (стоит справа) —
епископ Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин),
игумен Варфоломей (Коломацкий) — в центре*

*Иностранный гость храма —
иеромонах Андрей (Вейде)*

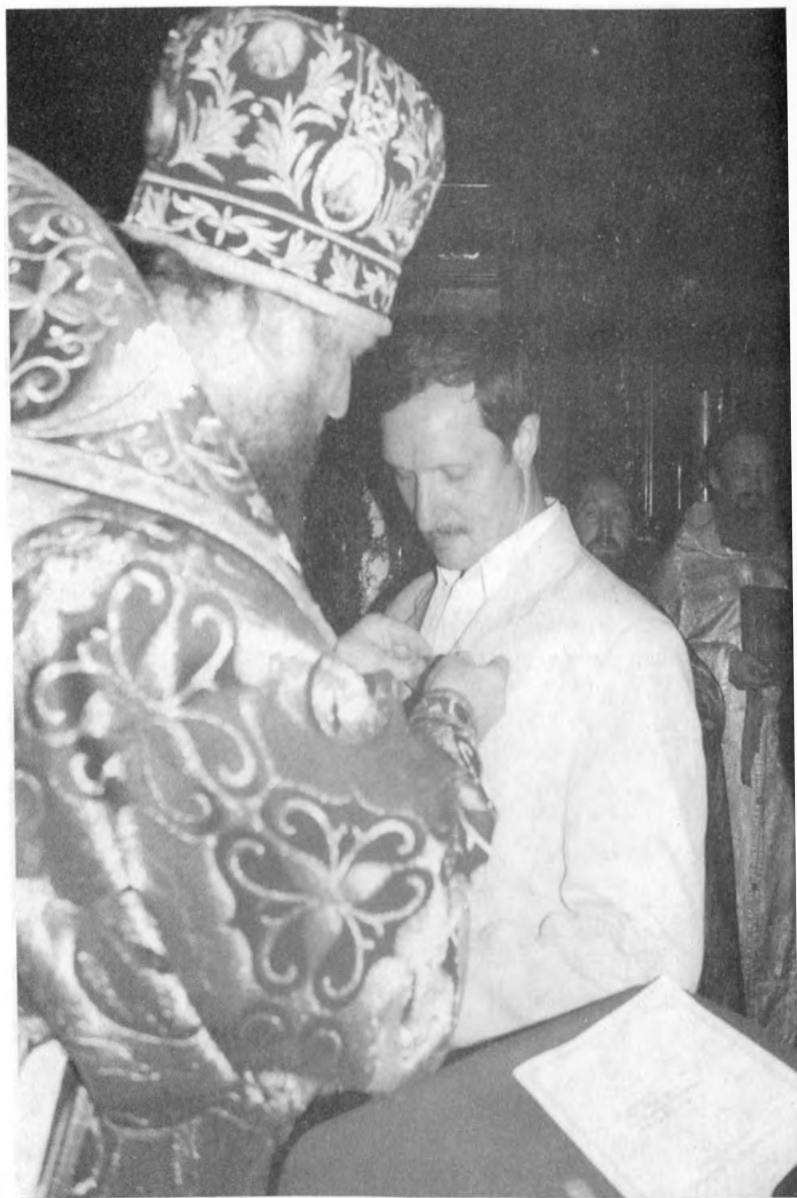

16 ноября 2008 года.

*Архиепископ Костромской и Галичский Александр рукополагает
в сан священника диакона Андрея Вавилова*

*16 ноября 2008 года. После окончания Божественной литургии
Архиепископ Александр обращается со словом к прихожанам*

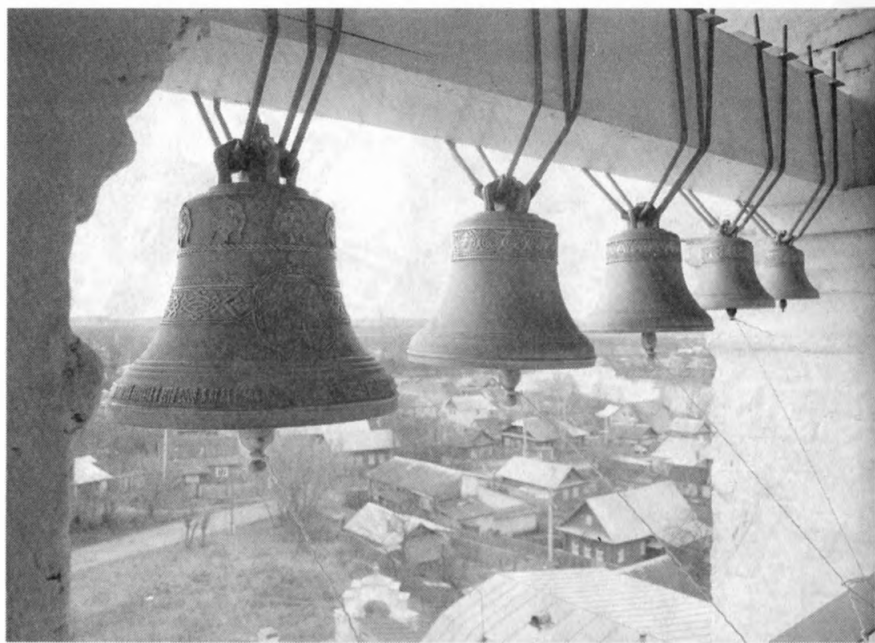

23 июня 2004 года.

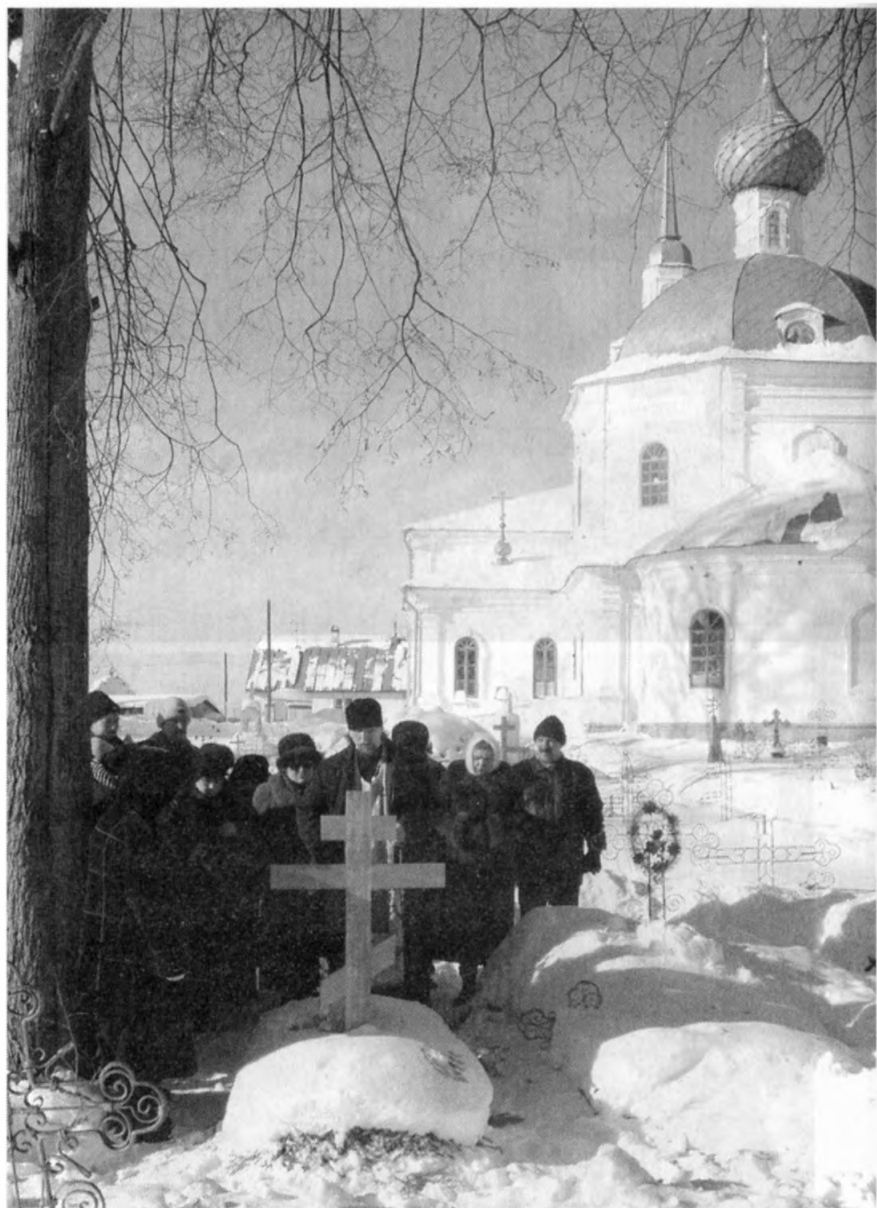
*Архиепископ Костромской и Галичский Александр
за помощь в ремонте храма награждает медалью преподобного
Тихона Лухского генерального директора ОАО «КГТС» А. Г. Клецева*

*Октябрь 2008 года.
Подъем и установка новых колоколов на звонницу храма*

*Январь 2006 года.
Панихида на могиле Е. Н. Забываевой
на девятый день после кончины*

*12 апреля 2008 года. Похороны у стен храма
архитектора Костромской епархии Л. С. Васильева*

23 января 2008 года.

*Протоиерей Андрей Бондаренко, игумена Иннокентия
и сестры Богоявленско-Анастасиинского монастыря на похоронах
почившей монахини Нектарии (Бондаренко)*

*Костромская команды футбольного клуба «Динамо»
после молебна перед началом спортивного сезона*

*Участники и зрители
Пасхального спектакля детской воскресной школы*

*Водружение на колокольню
четырёхметрового изображения святого великомученика
Георгия Победоносца*

*«Святые мученики Александр и Антонина».
Иконописец Ирина Русанова (2008 г.)*

**СПИСОК ИЗВЕСТНЫХ НАСТОЯТЕЛЕЙ
АЛЕКСАНДРО-АНТОНИНОВСКОЙ ЦЕРКВИ
В СЕЛИЩЕ**

- 20-е гг. XVII в. — иерей Ермолай Леонтьев
- 30-е гг. XVII в. — иерей Памфил Евсевьев
- Середина XVII в. — иерей Иоанн
- 1-я треть XVIII в. — иерей Иоанн Кондратов
- 1-я четверть XIX в. — иерей Феодор Селецкий
- 2-я четверть XIX в. — иерей Илья Смирнов († 1850 г.)
- 1850-1875 гг. — иерей Иоанн Богословский
(1821 — после 1875 г.)
- 1875-1903 гг. — иерей Василий Шафранов
(1835-1904 гг.)
- 1903-1919 гг. — иерей Василий Вознесенский
(1847 — после 1919 г.)
- 1919-1921 гг. — иерей Василий Звездин
(1869 — после 1921 г.)
- 1921-1934 гг. — протоиерей Павел Острогский
(1877-1937 гг.)
- 1934-1935 гг. — протоиерей Иоанн Гарский
(1868-1935 гг.)
- 1935-1964 гг. — протоиерей Иоанн Костин
(в монашестве — игумен Игнатий;
1890-1971 гг.)
- 1964-1966 гг. — протоиерей Ростислав Лозинский
(1912-1994 гг.)
- 1966-1977 гг. — протоиерей Борис Васильев
(1923-1993 гг.)
- 1977-2000 гг. — протоиерей Борис Втюрин
(1939-2000 гг.)
- С 2000 г. — протоиерей Игорь Шанков
(родился в 1965 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Послание Архиепископа Костромского и Галичского Александра по случаю 230-летия начала строительства церкви святых мучеников Александра и Антонины	2
Обращение губернатора Костромской области И. Н. Слюняева	6
Введение	9
Строительство деревянного храма. Александров монастырь	10
Храм в XVI-XVII веках	15
Храм в XVIII веке	25
1779-1786 годы. Возведение каменного храма	28
1826-1831 годы. Возведение храма во имя святого Василия Блаженного	37
Храм в середине XIX века	42
Храм во второй половине XIX века	45
Храм в начале XX века	78
В революцию и гражданскую войну	114
Настоятель храма протоиерей Павел Острогский	129
Храм в 20-е годы XX века	139
«Великий перелом». Закрытие храма Василия Блаженного	148
В суровые 30-е годы	167
В годы Великой Отечественной войны	190
В послевоенные годы	197
Храм в конце XX — начале XXI веков	223
Послесловие	266
Список известных настоятелей Александро-Антониновской церкви в Селище	302

Зонтиков Н. А.
ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АЛЕКСАНДРА И АНТОНИНЫ
В СЕЛИЩЕ В КОСТРОМЕ

Книга посвящена истории единственной в России церкви, посвященной святым мученикам Александру и Антонине Римским. История этого бывшего приходского храма села Селище, в 30-е гг. XX века вошедшего в черту Костромы, уходит вглубь веков, и связана со многими важными событиями в жизни Костромского края. Самое знаменитое среди них – это призвание на царство 14 марта 1613 года из Дома Романовых. В историю храма навсегда вписаны имена многих видных служителей Церкви и деятелей русской культуры XIX – начала XX веков. В советское время церковь в Селище избежала закрытия и в 40-80 гг. XX века оставалась единственным действующим храмом Заволжской части Костромы. В книге рассказывается о трагических событиях в жизни прихода 20-60 гг. XX века. Для всех интересующихся историей Костромского края.

Данное издание выходит в свет при благотворительной помощи генерального директора НПФ «Прорыв», г. Москва
Андрея Ивановича Мартынова

Редактор: иерей Андрей Казарин

Дизайн и оформление: Р. И. Алексеев и А. А. Пржиалковский

Фотографы: А. Н. Сыромятников, М. А. Комаров

В книге использованы фотографии из личных архивов:

о. Игоря Шашкова, Л. М. Втюриной, Е. Б. Втюрина,

Н. Б. Острогской, В. В. Костина, А. Н. Малышевой,

Н. Я. Купреянова (Москва), А. Я. Чадаевой (Москва),

Н. И. Васильевой (п. Ждановичи Минского района Белоруссии) и др.

На первой странице обложки: Александрo-Антониновский храм в Селище.

Фото священника Игоря Шашкова. 2010 г.

На последней странице обложки: Селище и храм с высоты птичьего полета.

Съемка с парашюта А. В. Петракова. 2006 г.

Издание подготовлено в ООО «Креативные системы и технологии»
г. Кострома, ул. Свердлова 63 – 4

Некоммерческая организация

«Благотворительный фонд Марины Гутерман»

156001, г. Кострома, ул. Городская 1А. Тел.: 8 (4942) 39-43-21

Сайт: www.marinafond.ru

Местная православная религиозная организация прихода святых мучеников Александра и Антонины, г. Кострома, ИНН 441004670
р/с 40703810616000000005 в ФАКБ «Славянский банк» (ЗАО) в г. Костроме
корр/с 30101810200000000733, БИК 043469733, КПП 440101001
Тел.: (4942) 43-33-91, сайт: www.alant.orthodoxy.ru

Подписано в печать 10.02.2010 г. Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Печ. л. 23. Тираж 5000 экз. Заказ № 1001320

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Алекса́ндро-Анто́ниновский храм. Вид с востока

*«Святой пророк и Предтеча Иоанн Креститель».
Икона местного ряда иконостаса*

*«Святые мученики Александр и Антонина».
Икона местного ряда иконостаса*

*Новая святыня храма — точный список
чудотворной Изрицкой Смоленской иконы Божией Матери*

*Полномочный представитель Президента России в Центральном федеральном округе Г. С. Подтавченко (второй справа) и гости епархии молятся перед Игрицкой Смоленской иконой Божией матери.
2 октября 2008 года*

К образу Святителя Николая Чудотворца (обратная сторона Игрицкой Смоленской иконы Божией Матери) прикладывается Заместитель Главы Администрации Президента России А. Д. Беглов. 2 октября 2008 года

Иконостас главного Александрo-Антониновского придела

Фрагмент иконостаса главного придела

Фрагмент иконостаса главного придела

*«Святой великомученик Георгий Победоносец».
Дар храму Полномочным представителем Президента России
в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко
и губернатором Костромской области И. Н. Слюняевым.
Сей образ написан и освящен на Святой горе Афон*

*«Святой великомученик Георгий Победоносец с предстоящими».
Храмовая икона.*

*Икона Божией Матери.
«Скоропослушница».
Храмовая икона.
Сей образ написан и освящен на Святой горе Афон*

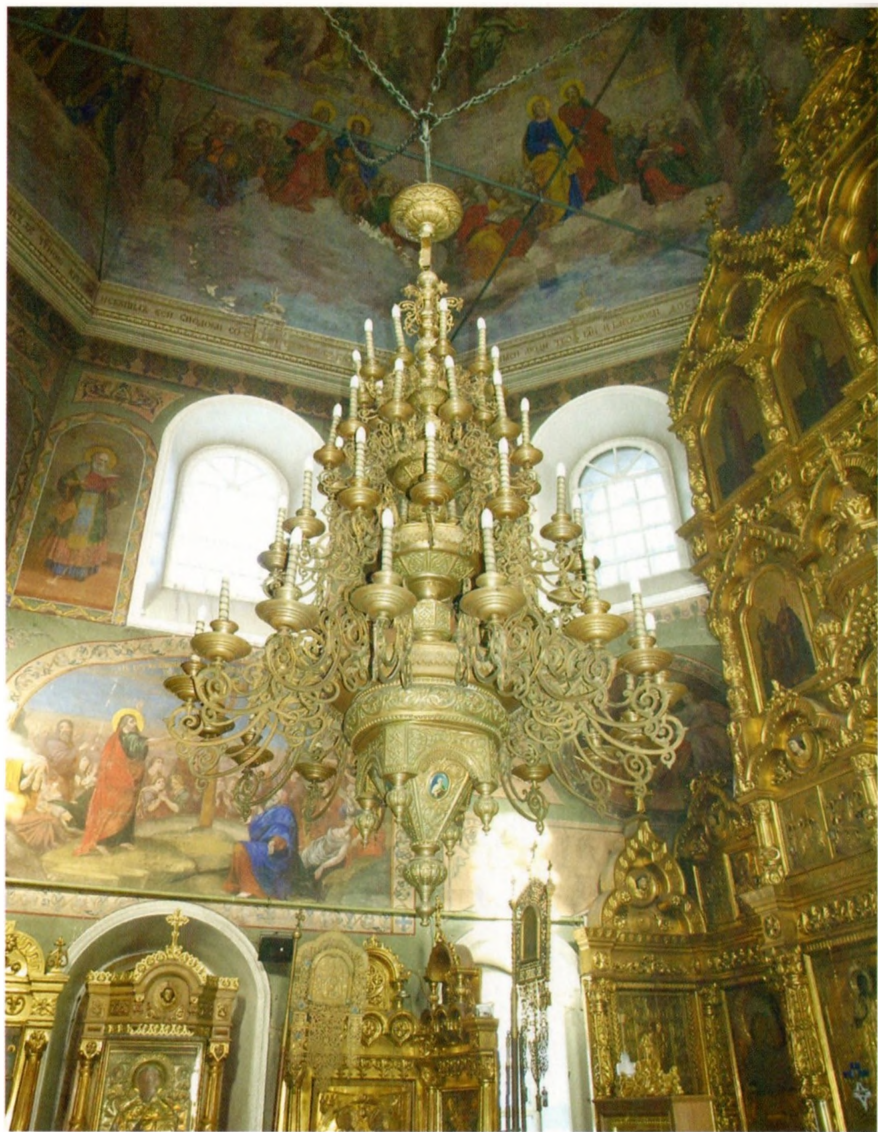
*«Святой великомученик и Исцелитель Пантелеймон».
Храмовая икона с частицей его святых мощей.
Сей образ написан и освящен на Святой горе Афон*

*Икона Божией Матери.
«Всех скорбящих Радость».
Храмовая икона*

*Феодоровская икона Божией Матери.
Храмовая икона*

*Паникадило главного придела
святых мучеников Александра и Антонины*

«Святитель Димитрий Ростовский».
Парсуна

Смоленская икона Божией Матери

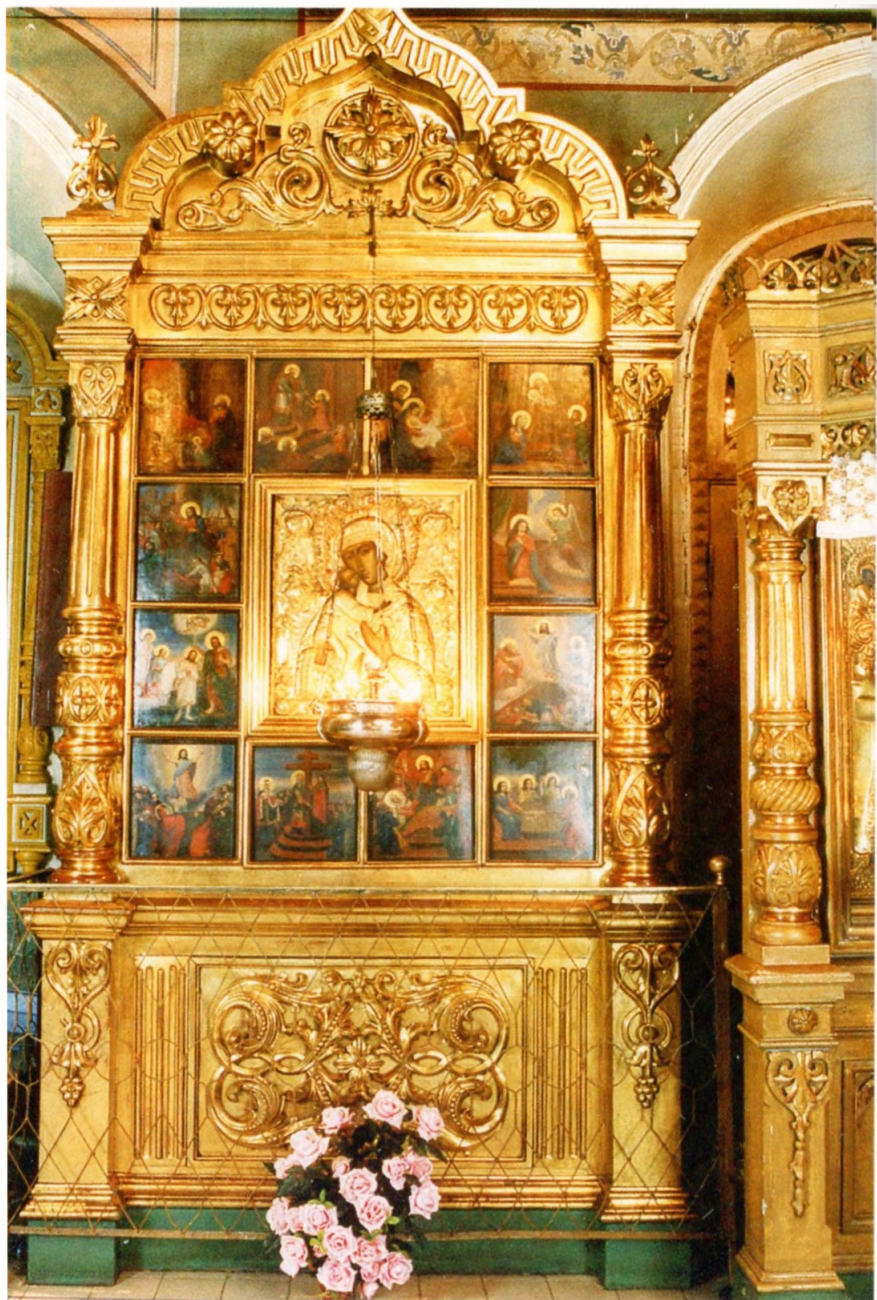
Тихвинская икона Божией Матери

Феодоровская икона Божией Матери

*«Святитель Николай Чудотворец,
архиепископ Мир Ликийских»*

Феодоровская икона Божией Матери в киоте

Икона «Знамение Божией Матери»

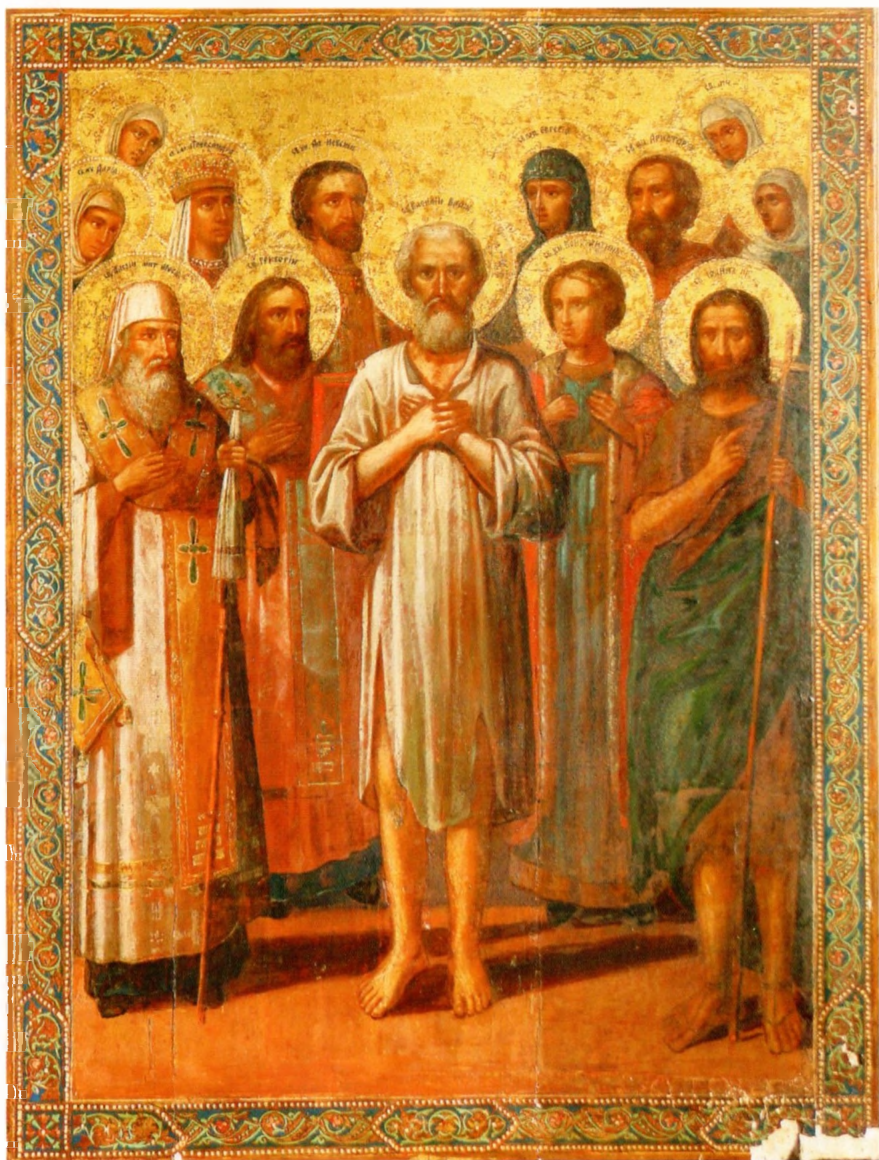
«Святой пророк Божий Илия». Храмовая икона

«Святой великомученик Георгий Победоносец». Храмовая икона

Икона «Огненное вознесение пророка Божия Илии» в киоте

*«Блаженные Василий Московский с избранными святыми»
(икона из разрушенного Васильевского храма)*

Рождественская сень в храме

Рождественская сень. Фрагмент

Алекса́ндро-Анто́ниновский храм зимой

Святки. Строительство снежного городка

*Святки.
Катание с горы*

*Рисунки селищенских детей
с изображением Александро-Антониновского храма*

*19 января 2004 года.
Приздкин Богоявления Господня.
Крестный ход на реку Ключевку*

*Протоиерей Игорь Шашков
совершает освящение воды в «Иордани»*

Молебен у «Иордани» на реке Ключевке

Венчаются Евгений и Галина Сахаровы

Крещается раб Божий Саша Мартюшов

Пасха 2006 года. Освящение Пасхальной снеди

14 августа 2002 года.

*Праздник Изнесение Честных Древ Животворящего Креста Господня.
Отец Игорь совершает водосвятный молебен в Козелине*

*Причт, члены Приходского совета
и прихожане храма*

Церковный хор

*Просфорни А. К. Иванова и З. Д. Жданова
с коливом на первой неделе Великого поста 2006 года*

*Светлая Пасхальная седмица 2009 года.
Традиционный звон в колокола*

*23 июня 2004 года. Селищенцы встречают
Архиепископа Костромского и Галичского Александра*

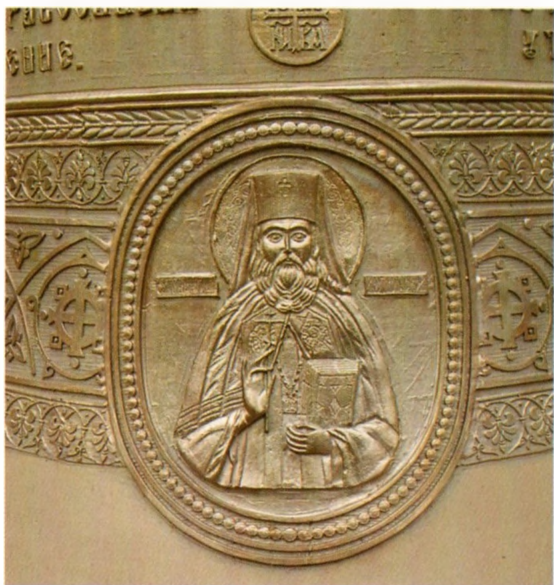
Владыка Александр совершает Божественную литургию

*Архиепископ Александр с притчем храма.
Слева направо: иерей Андрей Зотов, протоиерей Игорь Шашков,
иерей Владимир Москалев*

Барельеф «Собор Костромских святых»

*Барельеф «Священномученик Никодим (Кротков),
Архиепископ Костромской и Галичский»*

*Барельеф «Священномученик Макарий (Кармазин),
Епископ Днепровский»*

Барельеф «Священномученик протоиерей Павел Острогский»

*23 июня 2009 года.
Архиепископ Костромской и Галичский Александр
совершает в Александро-Антониновской церкви
Божественную литургию*

23 июня 2009 года.

Архиепископ Костромской и Галичский Александр служит панихиду
на могиле протоиерея Бориса Втюрина

23 июня 2009 года.

Архиепископ Костромской и Галичский Александр служит панихиду по почившим священнослужителям Александро-Антониновской церкви

Крестный ход с Феодоровской иконой Божией Матери вокруг храма

*Прихожан храма поздравляет с престольным праздником
заместитель Полномочного представителя Президента России
в Центральном федеральном округе
Сергей Николаевич Самойлов*

*Архиепископ Костромской и Галичский Александр
награждает медалями святого великомученика
Феодора Стратилата
председателя Совета ТОС «Селище» Т. А. Кудряшову
и активную помощницу храма Л. А. Самойлову*

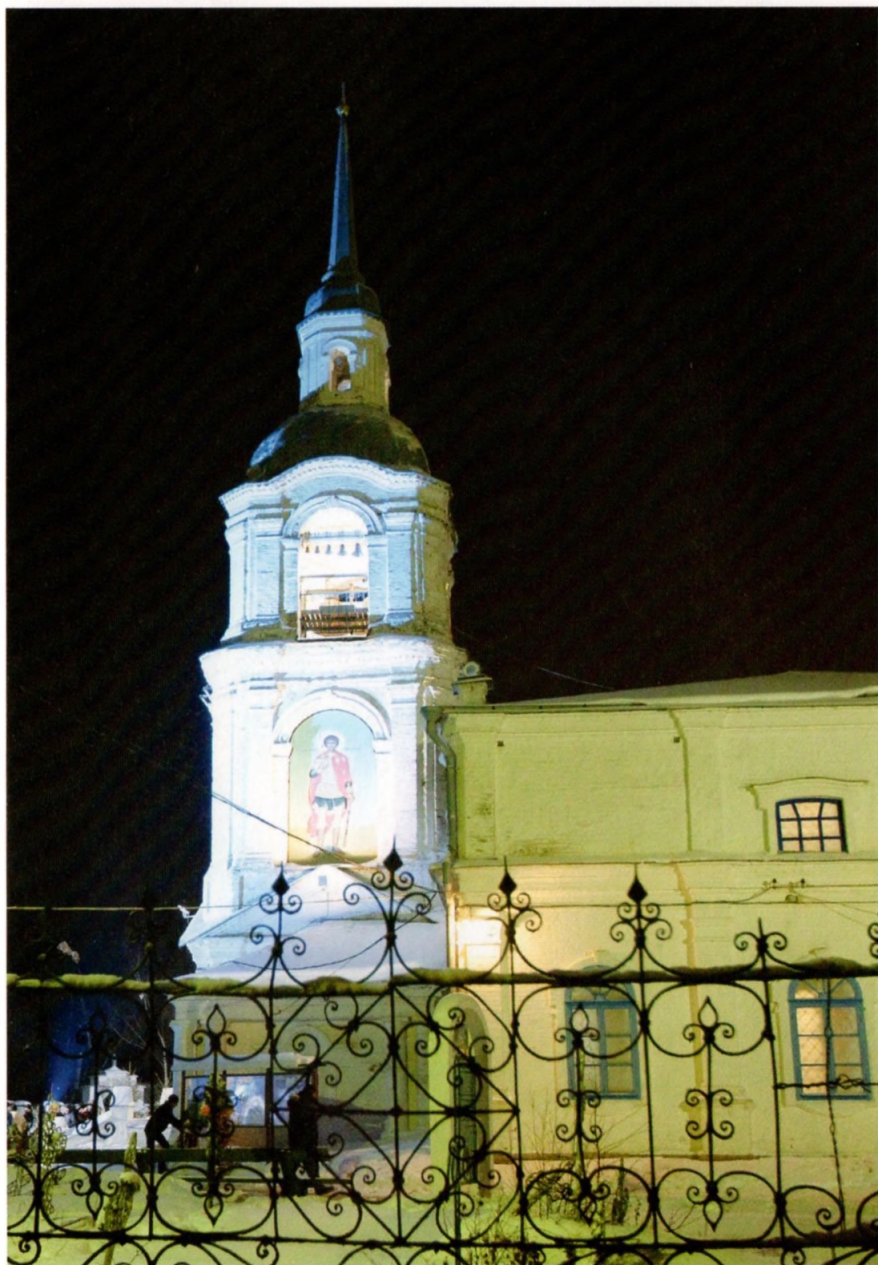
23 июня 2009 года. По завершению крестного хода – фото на память

23 июня 2009 года. Участники праздника

*Храм в Рождественскую ночь 2010 года.
Фото М. А. Комарова*

*Храм в Рождественскую ночь 2010 года.
Фото М. А. Комарова*

*Ночь с 6 на 7 января 2010 года.
На Рождественском богослужении в храме
присутствует Председатель Правительства России В. В. Путин.
Фотографии: А. Никольского и М. Комарова*

*«Святой пророк Божий Илия» (XIX в.).
Икона, подаренная Александрo-Антониновской церкви
Председателем Правительства Российской Федерации
В. В. Путиным*

Крещенская ночь 2010 года.

По старинной традиции люди купаются в «Иордани» на р. Ключевке

*Чай для участников
крещенского купания*

*Губернатор Костромской области И. Н. Слюняев
на «Иордани» на р. Ключевке*

Александро-Антониновский храм с высоты птичьего полета

«Приближаясь по Волге от Ярославля к Костроме и вступив в последний волжский плёс, мы видим единственную в своём роде картину: в раме зеленых берегов, прямо по оси маршрута, на вершине холма поднимается белоснежный храм. Это — овечное преданием бывшее село Селище, церкви святых мучеников Александра и Антонины. Нетронутое новейшими постройками, село чарует гармонией природы и тем, что добавлено людьми. Слева — на противоположном берегу поднимаются стены Ипатьевского монастыря с его золотыми главами. Селище, с его храмом-мачком, и древний Ипатьев — своего рода торжественные Профилен, прекрасный Титульный лист к Книге, имя которой — Кострома».

Д. С. Васильев, архитектор-реставратор